

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

3 '2024

Выпуск 3 (233)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 3 (233) 2024

ТОМСК
2024

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);

А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

S. Carozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.

Тел. 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 25.04.2024. Дата выхода в свет: 17.05.2024. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 19,5. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1279/н

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: С. Е. Турчинович. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2024. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 3 (233) 2024

**TOMSK
2024**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, associate professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);

V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);

A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation);

M. P. Voytekhevskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);

L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

A. A. Nikitin, Doctor of physics and mathematics, professor (Novosibirsk, Russian Federation);

S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);

S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Tomsk, Russian Federation);

G. G. Slyshkin, Doctor of physics and mathematics, professor (Moscow, Russian Federation);

V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);

S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);

E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);

S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);

R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);

M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editor of the Issue:

A. V. Kur'yanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the "Russian Press" subscription catalog. Index 54235.

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 25.04.2024. Publication date: 17.05.2024. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: 19.5 screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1279/N

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: S. E. Turchinovich. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Небера М. В. Концепт «дружба» в учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект.....	7
Цао Лина. Условные отношения и средства их выражения сквозь призму функционального подхода (на материале научных статей).....	16
Набати Шахрам, Мехтиханлы Севиндж. Экспрессивные и оценочные конструкции в русской разговорной речи и их эквиваленты в персидском языке	28

РОМАНСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Альпова С. А. Процесс грамматикализации перифразы «estar + герундий» в средневековом испанском языке	37
Кузьмина О. В., Ломоносова Ю. Е., Соболева Т. Е. Функционально-семантический подход к описанию средств выражения интенсивности в современном немецком языке.....	47

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении.....	56
Бутакова Л. О. Речевой жанр автобиографии как дискурсивная практика (на материале текста В. Я. Булохова)	65

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Грекова О. К., Акбаба Т. Аспектуальный комментарий в типологии толкований толкового словаря и учебного словаря РКИ	74
Дрейфельд О. В. Функциональные возможности социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному	84
Янь Кай, Сун Тао. Лингвострановедческий и лингвокультурологический подходы к изучению регионоведения (к постановке проблемы)	93

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бурмистрова С. В. «Верный ученик апостола Павла...»: к вопросу о мотивах духовного сближения архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) и Н. В. Гоголя (по материалам мемуаров В. Лаврского)	103
Никанорова Е. И. «Сила нашего века»: Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в восприятии путешественников	113
Быстренков Д. Л., Казаков А. А. Формирование жанрового канона романа-антиутопии в романе Е. И. Замятина «Мы» на фоне историко-литературных исканий эпохи и внутренних закономерностей эволюции романной формы	123
Чижов Н. С. Диалог в книге Ю. Вэллы «Поговори со мной...»: этнокультурное своеобразие и ценностная основа.....	131

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

Симонова Л. А. «Марк Антоний, или Клеопатра» (1635) Ж. Мерз: классицистическая трагедия в поиске новых принципов драматизации исторического сюжета.....	141

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Кобенко Ю. В. IV Международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования»	152

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Nebera M. V.</i> The concept of "friendship" in educational materials on Russian as a foreign language: value aspect	7
<i>Cao Lina.</i> Conditional relations and means of their expression through the prism of functional approach (on the material of scientific articles)	16
<i>Nabati Shahram, Mehdikhanli Sevinj.</i> To the question of expressive and evaluative constructions that reflect different intentions and emotions in Russian colloquial speech and their expressions in Persian	28

ROMAN AND GERMANIC LANGUAGES

<i>Alypova S. A.</i> Periphrasis "estar + gerund": process of grammaticalization in medieval Spanish	37
<i>Kuzmina O. V., Lomonosova Yu. Ye., Soboleva T. Ye.</i> Functional-semantic approach to the description of means of expressing intensity in modern German	47

RUSSIAN LANGUAGE AND LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

<i>Bolotnova N. S., Bolotnov A. V.</i> Actual problems of stylistics in modern and historical coverage	56
<i>Butakova L. O.</i> Speech genre of autobiography as a discourse practice (based on the text by V. Ya. Bulokhov)	65

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHYLOLOGY

<i>Grekova O. K., Akbaba T.</i> Aspectual commentary in the typology of interpretations of the explanatory dictionary and educational dictionary of the RFL	74
<i>Dreifeld O. V.</i> Applications capabilities of Social networks for teaching Russian as a Second language	84
<i>Yan Kai, Song Tao.</i> Regional research on language studies and language and culture research methods (focusing on problem statement)	93

RUSSIAN LITERATURE, LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>Burmistrova S. V.</i> "A faithful disciple of the Apostle Paul...": on the question of the motives of the spiritual rapprochement of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev) and N. V. Gogol (based on the memoirs of V. Lavrsky)	103
<i>Nikanorova E. I.</i> "The Power of our Century": The All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1896 in the perception of travelers	113
<i>Bystrenkov D. L., Kazakov A. A.</i> Shaping of the genre canon of the dystopian novel in the novel by E. I. Zamyatin "We" against the background of the historical and literary quest of the era and the internal laws of the evolution of the novel form	123
<i>Chizhov N. S.</i> Dialogue in the book by Y. Vella "Talk to me...": ethnocultural identity and value basis	131

LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

<i>Simonova L. A.</i> "Marc Antoine, ou la Cleopatre" (1635) by J. Mairet: a classic tragedy in search of new principles of dramatization of the historical plot	141

SCIENTIFIC REPORTS

<i>Kobenko Yu. V.</i> IV International Scientific and Practical Conference "Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering Education"	152

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-7-15>

Концепт «дружба» в учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект

Марина Викторовна Небера

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
nebera@tpu.ru*

Аннотация

Антропоцентрический подход современной лингвистики, а также несомненный ценностный потенциал учебников по русскому языку как иностранному (РКИ) обусловили актуальность выявления особенностей репрезентации концепта «дружба», представленного в учебниках по русскому языку как иностранному, и проведения анализа его аксиологических компонентов. Материалом для настоящего исследования выступили учебники по русскому языку как иностранному российских авторов, изданные в период с 2007 по 2019 г., общим объемом более 2 500 страниц, отобранные в соответствии с требованиями к уровню владения русским языком (не ниже А2) и направленности учебного пособия (общее владение). Из полученного корпуса учебных материалов методом сплошной выборки были отобраны диалоги, а также нарративные тексты, имеющие отношение к теме «дружба». Применение аксиологического подхода к анализу полученных данных позволило выявить культурологические особенности репрезентации концепта «дружба», формирующие определенную картину мира у иностранного обучающегося. При работе с лексическими и синтаксическими единицами применялись методы контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительного и лексико-семантического анализа, а также статистические методы обработки данных. Ценностная категория «дружба» относится к одной из наиболее значимых во всех культурах мира. Анализ специфики трансляции данного концепта в учебных материалах по русскому языку как иностранному позволил сделать вывод о том, каким образом представляемая для иностранного обучающегося картина дружеских отношений способствует адекватному формированию картины русского мира в его сознании. Выявлено, что тема дружбы представлена в учебниках по РКИ с самого начального уровня и косвенно затрагивается также в текстах о любви, работе, досуге. Основное транслируемое «предназначение» друга в учебниках по РКИ (80 % случаев) – совместный досуг или объединяющая совместная деятельность. Проведенный качественный и количественный анализ прилагательных позволил определить их оценочную нагрузку, а также выявить такой ценностный компонент дружеских отношений, как длительность дружбы. Кроме того, частотными оказались упоминания национальности при описании друга/подруги/друзей. Отмечается, что длительность дружбы преимущественно фигурирует в примерах, демонстрирующих дружеские отношения между мужчинами. Частотный анализ оценочных прилагательных также позволил сделать вывод о том, что учебники по РКИ акцентируют внимание на таких важных для друга качествах, как доброта и близость, что в целом соответствует частотности таких же словоупотреблений в Национальном корпусе русского языка. Анализ примеров, отобранных из учебных пособий по русскому языку как иностранному, также позволил выявить предпочтения в трансляции моделей дружеских связей с точки зрения гендерного распределения участников. Выявлено, что наибольшее количество примеров не позволяет определить пол коммуникантов или же демонстрирует дружеские связи в компании друзей смешанного типа. На втором месте находится репрезентируемая модель дружеских связей между двумя мужчинами, что вдвое превышает количество аналогичных примеров, описывающих дружбу между двумя женщинами. Дружба между мужчиной и женщиной представлена в абсолютном меньшинстве и часто имплицитно транслирует не столько дружественную, сколько любовную связь. Модель дружеских связей между мужчинами, а также дружба между разнополыми акторами характеризуется в учебниках по РКИ взаимной поддержкой, тогда как в примерах, описывающих дружбу между женщинами или между мужчиной и женщиной, в основном фигурирует оказание помощи другу. В примерах из учебников по РКИ, описывающих дружбу, наряду с положительным оценочным компонентом встречаются и отрицательные, однако их количество значительно меньше. В целом транслируется положительный образ дружеских отношений. Проведен-

ный анализ показал, что транслируемые ценности, имеющие отношение к дружбе, в учебниках по русскому языку как иностранному репрезентируются корректно, хотя и не всегда в полной мере. Наблюдается гендерная дифференциация в отдельных аспектах дружеских отношений. Учет авторами полученных результатов при составлении учебных пособий позволит в дальнейшем иностранным обучающимся идентифицировать ценности, существующие в мире дружбы у русского человека, что будет способствовать более глубокому пониманию особенностей русской культуры в целом.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебник по РКИ, дружба, друг, культура, концепт, аксиологический аспект

Для цитирования: Небера М. В. Концепт «дружба» в учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-7-15>

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

The concept of “friendship” in educational materials on Russian as a foreign language: value aspect

Marina V. Nebera

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, nebera@tpu.ru

Abstract

Anthropocentric approach of modern science, as well as the undoubted value potential of textbooks on the Russian as a foreign language, has led to the need to identify the features of the representation of the concept of “friendship” that exist in the textbooks on Russian as a foreign language (RFL), and to analyze them from the axiological point of view. The material for this study are textbooks on Russian as a foreign language by Russian authors published in the period from 2007–2019, with a total volume of more than 2 500 pages, selected in accordance with certain requirements. From the received corpus of educational materials, there were selected dialogues and narrative texts related to the topic “friendship” with the help of a continuous sampling method. The application of an axiological approach to the analysis of the obtained data allowed to identify the cultural features of the representation of the concept of “friendship” that help foreign students to form a certain picture of the world in a foreign student. Lexical and syntactic units were analyzed by using the methods of contextual, comparative and lexic and semantic analysis. Statistical methods of data processing were also used. The value category of “friendship” belongs to one of the most significant in all cultures of the world. Analysis of the specifics of the translation of this concept in educational materials on the Russian as a foreign language allowed to specify, how the picture of friendship, represented to a foreign student, contributes to the adequate formation of the picture of the Russian world in his mind. It is revealed that the topic of friendship in textbooks appears from the elementary level and can also be found in texts about love, work, and leisure. A friend in RFL textbooks is mostly “used” for joint leisure or joint activity (80 % of all cases). The qualitative and quantitative analysis made it possible to specify the evaluative load of adjectives and to identify such valuable component of friendly relations as the long-term friendship. Adjectives that are used to describe a nationality of a friend/girlfriend are also frequently used. It is noted that the duration of friendship mainly appears in friendly relations between males. The frequency analysis of evaluative adjectives also allowed to conclude that RFL textbooks are focused mainly on such important qualities of a friend as kindness and closeness, which generally corresponds to the frequency of word usage in the National Corpus of the Russian Language. The analysis of examples selected from textbooks on Russian as a foreign language also revealed preferences in the translation of the models of friendship from the point of view of the gender distribution of participants. It was revealed that the largest number of examples do not allow to determine the gender of communicants or demonstrate friendly ties in the company of friends of a mixed type. The model of friendly relations between two males takes the second place, which is twice the number of similar examples describing friendship between two females. Friendship between a man and a woman is represented in an absolute minority and often subconsciously represents not a friendly, but a love affair. The model of friendly relations between males, as well as friendship between the actors of opposite sex, is characterized in textbooks on RFL by mutual support, whereas in examples describing friendship between females or between a man and a woman, assistance to a friend mainly appears. In the examples from RFL textbooks describing friendship, along with the positive evaluation components, the negative ones also exist, but their number is much smaller. In general, a positive image of friendship is broadcasted. The analysis showed that, in general, the values related to friendship are correctly represented in textbooks on the Russian as a foreign language, although not always fully. Gender differentiation in

certain aspects of friendship is observed. If taking into account the obtained results, it may further allow foreign students to discover what values exist in the world of friendship among Russian people, which will also contribute to a deeper understanding of the peculiarities of Russian culture as a whole.

Keywords: Russian as a foreign language, RFL textbook, friendship, friend, culture, concept, axiological aspect

For citation: Nebera M. V. Kontsept „druzhiba“ v uchebnykh materialakh po russkomu yazyku kak inostrannomu: aksiologicheskii aspekt [The concept of “friendship” in educational materials on Russian as a foreign language: value aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 7–15 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-7-15>

Введение

В современном глобальном мире образованию отводится особая роль, подразумевающая не просто передачу знаний, а формирование особой информационной культуры в рамках образовательного поля. Учебный текст, представленный в том или ином учебном пособии, выступает в таком случае как одно из средств коммуникации между обучаемым и обучающим, что делает его объектом, имеющим научную ценность, в том числе за счет возможности его воздействия на ум, чувства, эмоции и сознание обучаемых [1].

Язык, мышление и культура находятся в тесной взаимосвязи, что определяет особый интерес в исследовании этих аспектов в учебниках именно лингвистической направленности. Влияние учебников по изучению иностранных языков на представителей разных культур обусловило предъявление к ним сегодня более широких требований. «Учебники иностранного языка стали более культуроемкими и представляют собой не только средство обучения иностранному языку, но и являются носителями культуры, транслируемой этим языком» [2, с. 3]. Процесс овладения иностранным языком непременно сопряжен с работой обучающегося с учебными пособиями. Это определяет важность учета не только дидактической, но и аксиологической составляющей на этапе их разработки. От этого во многом будет зависеть эффективность решения поставленных образовательных и культурологических задач, что в свою очередь позволит лучше понять культуру страны изучаемого языка.

Русский язык сегодня является средством межнационального общения, он широко распространен как в научных, так и в деловых кругах. Популярность русского языка в том числе обусловлена престижностью российского образования на мировом рынке образовательных услуг. Согласно ежегодным исследованиям Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, в 2023 г. русский язык занял пятое место в индексе глобальной конкурентоспособности и девятое место в параметре «число говорящих на русском языке» [3]. За последние годы количество иностранцев, выбирающих для изучения

русский язык, хоть и незначительно снизилось, но все еще остается на достаточно высоком уровне, что обуславливает необходимость обращения пристального внимания на подходы к обучению русскому языку, на используемые в процессе обучения учебные материалы, на транслируемые в них ценностные и культурологические аспекты. А. Д. Дейкина в своих трудах обращает внимание на важность содержательного аспекта процесса преподавания русского языка [4, с. 9]. Являясь методистом-русистом с многолетним опытом, она справедливо отмечает, что потенциал учебника русского языка заключается в его ценностной характеристике, «в определении его самооценности и ценности для личности, в отражении его уникальных качеств» [5, с. 21]. Таким образом, учебник русского языка как иностранного (РКИ) является не только инструментом, формирующим у инофона определенные языковые навыки, но и средством, отражающим ценностный аспект русской культуры, способствующим формированию у иностранного обучающегося отдельных фрагментов вторичной картины мира.

В настоящее время лингвокультурологический и лингвоконцептологический подходы к анализу текстов и дискурсов используются в значительном ряде работ (С. Г. Воркачев [6], В. И. Карасик [7], Н. Д. Арутюнова [8], А. Вежбицкая [9], А. В. Курьянович [10] и др.).

Аксиологический подход в обучении иностранным языкам, основанный на изучении этнокультурных ценностей, предлагается в качестве методологической основы российскими учеными Т. М. Балыхиной, О. В. Ветер [11], И. А. Пугачевым [12] и др.

Анализ отдельных концептов (Россия, женщина, напитки, деньги, образование, труд и др.) и сопоставительный анализ вариантов их ценностного проявления в различных текстах неоднократно встречались в работах российских и зарубежных исследователей. Концепт «дружба» также становился предметом научного интереса. Анализ некоторых особенностей репрезентации данного концепта можно встретить в работах А. Вежбицкой [9], А. Д. Шмелева [13], О. А. Араповой [14],

М. А. Хизовой [15] и др., при этом комплексный анализ данного концепта, представленного в учебниках по русскому языку как иностранному, ранее проведен не был.

Цель настоящей работы заключается в выявлении специфики концепта «дружба», представленного в современных учебных пособиях по русскому языку как иностранному российскими авторами, с точки зрения транслируемых аксиологических установок.

Материалом для данного исследования послужили 10 учебников по РКИ российских авторов, изданных или переизданных в период с 2007 по 2019 г., общим объемом более 2 500 страниц. Учебные материалы были отобраны в соответствии со следующими требованиями: учебник должен был быть нацелен на формирование навыков общего владения русским языком; целевая аудитория – обучающиеся, имеющие уровень владения русским языком не ниже А2; год издания (переиздания) учебного пособия – не ранее 2005-го.

На начальном этапе исследования из полученного корпуса учебных материалов методом сплошной выборки были отобраны диалоги, а также нарративные тексты, имеющие отношение к теме «дружба». На последующем этапе при анализе полученных данных был применен аксиологический подход, который позволил выявить русские культурологические особенности репрезентации концепта «дружба», формирующие определенную картину мира у иностранного обучающегося, путем формирования знаний о природе ценностей, их месте в социальной действительности и структуре ценностного мира [16]. При работе с текстами, диалогами и отдельными синтаксическими единицами применялись методы контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительного и лексико-семантического анализа, а также количественные методы обработки данных.

Результаты и обсуждение

Концептосфера учебников по РКИ представлена такими ядерными концептами, как *семья*, *дом*, *любовь*, *дружба* и пр. Эти ценностные категории являются наиболее значимыми во всех культурах мира, относятся к группе социально ориентированных и встречаются во всех учебниках, нацеленных на общее владение русским языком. Наряду с проанализированным ранее концептом «семья» [17] в данной работе мы проследим, каким образом транслируемый концепт «дружба» формирует картину русского мира в сознании обучающихся, а также какие социальные и поведенческие нормы в них репрезентируются.

Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующую трактовку лексеме «дружба» – это «близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [18]. В толковом словаре Д. Н. Ушакова дружба рассматривается как «близкие приятельские отношения, тесное знакомство вследствие привязанности и расположения» [19]. Важность этого аксиологического концепта для национальной культуры также ярко отражается в русской паремииологии: *не имей сто рублей, а имей сто друзей; старый друг лучше новых двух; человек без друзей, что дерево без корней; скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты; не в службу, а в дружбу* и др.

В учебниках по русскому языку как иностранному тема дружбы появляется с начального (базового) уровня в темах «*Мои друзья*», «*Друг детства*», «*Мой самый близкий друг*» и т. п. и также косвенно затрагивается в текстах о любви («*Несчастливая любовь*»), работе («*Тайм-менеджмент*», «*Лицо Аэрофлота*»), досуге («*Рецепт счастья*», «*В ресторане*»), что позволяет обучающимся смотреть на феномен «дружба» в русской культуре шире, например, дружба может перерасти в любовь, часто дружеские отношения завязываются на работе или же, наоборот, прекращаются из-за работы, друг – прекрасный партнер для совместного времяпрепровождения.

Именно совместный досуг или объединяющая совместная деятельность (*прогулки в парке, волейбол, загорание, поездки за город, поход в поликлинику, вечеринка* и пр.) – это основное транслируемое «предназначение» друга в исследованном материале (80 % всех примеров). Оставшиеся 20 % примеров демонстрируют «друга» в качестве того, кто необходим для оказания помощи, как физической (*Я еду на вокзал. Я должен встретить друга; Теперь Том каждый день приходит к больному другу и приносит ему продукты*), так и психологической (*Максим весь вечер успокаивал друга, расставшегося со своей девушкой*). Значительное превалирование примеров, описывающих дружбу именно с целью совместного времяпрепровождения, имплицитно транслирует иностранным обучающимся тот факт, что общность интересов в дружбе выше взаимной поддержки и оказания помощи. Это можно неверно интерпретировать с позиции, что другом в русской культуре можно назвать любого, с кем ты проводишь значительное количество времени, но в реальной картине мира русского человека в настоящей дружбе больше ценится именно способность помочь и поддержать в трудную минуту (*друг познается в беде*).

Понять представителей культуры изучаемого языка возможно в том числе через применяемые в культуре оценочные лексемы, аксиологический компонент которых наиболее очевидно проявляется в семантике прилагательного. В оценочном отношении Е. М. Вольф предлагает разделять их на: **частнооценочные** прилагательные, содержащие в себе указание на признак и оценку, **общеоценочные** прилагательные, содержащие в себе общее представление о том, что такое «хорошо» или «плохо», и **нейтральные** в оценочном отношении прилагательные (несущие в себе исключительно дескриптивную функцию) [20].

Проведенный качественный и количественный анализ прилагательных, используемых при описании друга/подруги/друзей в учебниках по РКИ, показал, что большинство примеров (52 %) проиллюстрированы с помощью дескриптивных прилагательных, имеющих нейтральную коннотацию и не несущих в себе никакого оценочного компонента (*новый друг, иностранный друг*). Все примеры с прилагательными из данной категории по своей семантике условно можно разделить на две группы: прилагательные, указывающие на продолжительность дружеских отношений (*университетский, школьный, старый*), – 25 словоупотреблений, и прилагательные, указывающие на принадлежность к той или иной национальности (*русский, французский, американский* и т.д.), – 11 словоупотреблений. Стоит отметить, что, несмотря на использование преимущественно нейтральных словосочетаний, иногда встречаются инварианты с усложненным употреблением лексем, относящихся к концепту «дружба» (два и более прилагательных). В таком случае при наличии хотя бы одного оценочного прилагательного (в схемах «дескриптивное + оценочное прилагательное», «оценочное + дескриптивное прилагательное») вся фраза целиком приобретает оценочную окраску (сравним: *школьный друг* – нулевой оценочный окрас и *лучший школьный друг* – позитивный оценочный окрас; аналогично *моя новая подруга* и *моя новая лучшая подруга*).

Отдельный интерес представляет лексема «старый», которая употребляется в контекстах, связанных с концептом «дружба». Имеющее нейтральную коннотацию на уровне абстрагирования от контекста и реальности в данной теме оно несет положительную смысловую нагрузку, ведь для русской культуры длительность дружбы имеет большое значение (вспомним – *старый друг лучше новых двух*). Количество примеров, в которых используется прилагательное «старый» при описании друга, стоит на третьем месте и уступает по популярности только лексемам

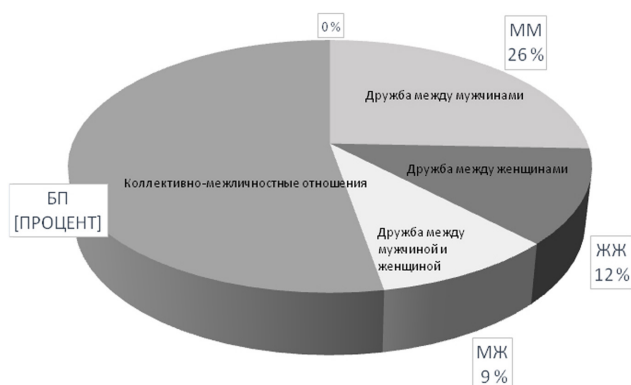
школьный (что тоже указывает на длительность дружбы) и *лучший*. Примечательно, что употребление многозначной лексемы *старый* имеет строгую гендерную дифференциацию: *старый друг, мои старые друзья*, при этом в учебниках не встречаются примеры с сочетанием *старая подруга*. Это можно интерпретировать как имплицитное ассоциативное восприятие автором не срока дружбы, а возраста женщины, кроме того, это может быть обусловлено тем клишированным посылом, что «женщины дружить не умеют» (это также подтверждается фактом, что в отношении девушек преимущественно встречаются фразы *университетская подруга*, тогда как у молодых людей – *старый друг*).

Оценочные прилагательные занимают в текстах учебников 48 % от общего числа упоминаний. При этом наблюдается превалирование примеров с частнооценочными прилагательными (*умный, веселый, красивый, любимый* и т.д. – всего 21 словоупотребление) над общеоценочными (*лучший, хороший* – всего 12 словоупотреблений). По своей характеристике оценочные прилагательные фиксируют определенные характеристики и качества друга/подруги. Количественный анализ найденных примеров позволяет сделать вывод о том, что в учебниках по РКИ наряду с важностью длительности дружеских отношений транслируются такие качества, ценные для дружбы, как *близость* и *добродота*.

Анализ любого оценочного аспекта состоит из сличения предмета, транслирующего оценку, с образцом, воплощающим соответствие этого предмета должному. В данном случае предлагается сравнить и проанализировать наиболее частотные прилагательные, используемые при описании концепта «дружба», с Национальным корпусом русского языка (НКРЯ). Результат запроса показал, что, в отличие от предлагаемых авторами учебников примеров, в НКРЯ при описании дружеских отношений используются преимущественно оценочные прилагательные (*милый, близкий, дорогой, любезный* – 76 %), а не дескриптивные (*старый, похожий* – 24 %), при этом выражение *старый друг* является наиболее частотным (совместная частота использования – 2 698 словоупотреблений), что также указывает на важность данного аспекта в дружеских отношениях в культуре русского человека.

Анализ примеров, полученных из учебных пособий по РКИ, позволил выявить гендерные предпочтения, транслируемые в моделях дружеских связей. Так, с точки зрения количества коммуникантов и участников дружеских отношений было выделено четыре основные модели: дружба между двумя мужчинами (далее будет обозначаться ММ),

дружба между двумя женщинами (ЖЖ), дружба между мужчиной и женщиной (МЖ), а также модель, описывающая дружеские компании либо смешанного типа, либо без привязки или указания в примерах пола коммуникантов (БП). Результат количественного анализа примеров из учебников по РКИ, транслирующих для иностранных обучающихся модели дружеских отношений, принятых в русской культуре, представлен ниже на рисунке.

Гендерное распределение в репрезентируемых моделях дружеских отношений

В учебных материалах по русскому языку наблюдается аксиологический перекося в сторону трансляции дружеских отношений, существующих в компаниях (105 упоминаний), на втором месте находится модель, репрезентирующая дружеские отношения между двумя мужчинами (51 упоминание), что более чем в два раза превышает количество примеров, транслирующих модели дружеских отношений между двумя женщинами (24 упоминания).

Модель репрезентации дружеских отношений между мужчиной и женщиной наименее частотна (всего 9 % от общего количества примеров в текстах), но она представляет отдельный интерес в силу специфики возможного трактования этой модели в восприятии иностранными обучающимися. Было выявлено, что большинство примеров из контекстов (58 % всех упоминаний) не дают иностранному обучающемуся четкого понимания значения слова *друг* (друг = человек, с которым связывают дружеские отношения, или друг = человек, с которым связывают любовные отношения), тогда как в 37 % случаев упоминаний мужчины и женщины в качестве «друзей» демонстрируются не столько дружеские, сколько любовные отношения. Это транслируется либо через лексический материал (*У меня есть подруга Таня... Я часто думаю о Тани. Надеюсь, что она тоже думает обо мне*), либо через вспомогательный графический материал. Например, иллюстрации к отдельным диалогам или текстам демонстрируют «друзей», которые стоят в обнимку и между ними нарисовано сердце. Эксплицитно выраженные исключительно дружеские отношения между мужчиной и женщиной, не подразумевающие под собой никакого любовного контекста, встретились лишь в 5 % примеров. Такая модель оказалась самой непопулярной среди авторов учебников по РКИ.

Вызывает интерес и специфика представления моделей дружеских связей. Анализ отобранных примеров выявил отдельные закономерности. Отмечено, что выражение дружбы через совместное времяпрепровождение наблюдается во всех упомянутых в диаграмме моделях. Необходимо отметить тот факт, что взаимная поддержка фигурирует в примерах, демонстрирующих либо дружбу только между мужчинами (ММ), либо дружбу в компании разнополых людей (БП). Примеры, характеризующие дружбу через оказание помощи, присутствуют в моделях женской дружбы (ЖЖ) (*Таня заболела и попросила меня купить ей в аптеке лекарство*), в модели дружеской связи компании друзей (БП) (*Иногда у нее не было денег, не было жилья. Оставалось только надеяться на помощь друзей*), а также в модели МЖ (*Вчера вечером я ездил в аэропорт, чтобы встретить подругу*).

Специфичность модели дружеских связей ММ заключается в том, что она представлена примерами, транслирующими необходимость некой жертвенности в дружеских отношениях (*Ради дружбы он был готов пожертвовать всем*), в таких примерах часто отражается желание поделиться своими жизненными переживаниями с другом, подчеркивается значимость дружбы (*Эта дружба имеет для меня большое значение*). В отличие от модели ММ, такие примеры в моделях дружбы МЖ и ЖЖ отсутствуют. Эти модели представлены примерами, описывающими обсуждение общих вопросов, однако это больше обычные бытовые разговоры, не демонстрирующие потребности поделиться внутренними переживаниями.

В любой культуре бесспорным является факт, что дружба не всегда может вызывать положительные эмоции. В учебниках по РКИ встречаются примеры, имеющие в своем значении отрицательные коннотации, однако количество таких примеров значительно меньше тех, в которых дружба описывается с положительной стороны. При этом наряду с типичными примерами, где отражается ссора или примирение друзей (*Виктор очень рассердился на своего друга, а потом на себя; Несмотря на обиду, друзья простили его; Моя подруга сейчас не хочет разговаривать*

со мной), в моделях дружеских связей у мужчин встречаются примеры, отражающие предательство друга (*измена подруги с лучшим другом*), а у женщин встречаются примеры, где транслируются зависть и эгоизм в отношении подруги (*Моя подруга думает только о себе; Когда Зина увидела новое платье подруги, она заплакала от зависти*).

В исследованном материале присутствовали отдельные примеры, описывающие дружеские отношения между родственниками (*я стала для сына другом; он [брат] мой самый лучший друг*), между собакой и человеком, между странами, демонстрирующие дружбу с цветами, с телевизором, интернетом и пр., но в общем количестве примеров они составляют не более 3 %, что не позволило провести глубокий анализ или сделать полноценный вывод о транслируемых ими ценностях, и поэтому такие примеры не были включены в общую аналитику данной работы.

Заключение

На основании проведенного количественного анализа примеров, репрезентирующих дружбу в учебных материалах по РКИ, можно представить общую модель, транслируемую иностранным обучающимся и формирующую представление о том, что является аксиологически важным в данном концепте в русской культуре. Эта модель будет выглядеть следующим образом: дружба представляет собой особый вид отношений, в основе которых лежит общий интерес к чему-либо или совместное времяпрепровождение, характеризуется она в основном положительно. Количество участников дружеских отношений, как правило, не ограничивается одним-двумя друзьями, популярны дружеские отношения в

компаниях. Дружба между мужчинами встречается чаще, характеризуется важностью длительных отношений и более широким спектром дружеских «обязанностей». В отличие от мужчин, дружба у женщин встречается реже, носит более поверхностный и непринужденный характер. Дружба между мужчиной и женщиной в прямом своем значении не демонстрируется и зачастую имеет любовный подтекст.

Предлагаемая частотно транслируемая модель не в полной мере соответствует картине мира русского человека. Например, избегание демонстрации дружеских отношений между мужчиной и женщиной может сформировать в сознании иностранного обучающегося искаженную картину о том, что такой вид отношений атипичен для русской культуры. Более того, важно сбалансированно представлять информацию о гендерной дифференциации дружеских отношений (ведь женщины умеют дружить наравне с мужчинами, и их дружба также строится на более глубоких ценностных вещах).

Авторам учебных пособий стоит избегать применения имплицативных оценочных смыслов (особенно на начальном этапе обучения), которые могут привести к неверному толкованию и пониманию в силу несовершенства владения языковым материалом, а также вследствие восприятия информации через призму собственной языковой картины мира. Учет аксиологических особенностей родной культуры и понимание специфики их трансляции в процессе создания учебных материалов позволит инофонам лучше понять особенности культуры страны изучаемого языка, что будет способствовать формированию адекватного представления о русской языковой картине мира.

Список источников

1. Яхиббаева Л. М. Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 4. С. 1029–1031.
2. Карпец Е. В. Освоение мира иной культуры в культурно-образовательном пространстве учебника: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2013. 26 с.
3. Индекс положения русского языка в мире – 2023: экспертная сессия. URL: <https://kostomarovforum.ru/programma/24-maya/indeks-polozheniya-russkogo-yazyka-v-mire-2023-ekspertnaya-sessiya/> (дата обращения: 09.09.2023).
4. Дейкина А. Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. М.: (б. и.); Оренбург: Пресса, 2009. 305 с.
5. Дейкина А. Д. К теории учебника: ценностный критерий в оценке учебника русского языка // Современный учебник русского языка для средней школы: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко. М.: Изд-во МПГУ, 2021. С. 17–24.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

9. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
10. Курьянович А. В., Серебренникова Е. А. Реализация миромоделирующего потенциала концепта ЯЗЫК в учебных текстах: опыт анализа дискурсивного варьирования лингвокультурного концепта // Сибирский филологический журнал, 2022. № 2. С. 325–337.
11. Балыхина Т. М., Ветер О. В. Вербальная коммуникация как основа культуры этноса: толерантность и инновационность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 20–25.
12. Пугачев И. А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка иностранцам. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2011. 283 с.
13. Шмелев А. Д. Дружба в русской языковой картине мира // Зализняк А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 289–303.
14. Арапова О. А. Концепт «дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГБ, 2005. 242 с.
15. Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГБ, 2005. 198 с.
16. Сластенин В. А., Чижаква Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 192 с. URL: http://p-lib.ru/pedagogika/slastenin/slastenin_index.html (дата обращения: 12.09.2023).
17. Небера М. В. Аксиологическая доминанта «семья»: специфика представления в лингводидактическом дискурсе (на материале учебников по русскому языку как иностранному) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 32–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-1-32-40
18. Словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7237> (дата обращения: 18.08.2023).
19. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=14435> (дата обращения: 18.08.2023).
20. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

References

1. Yakhibbayeva L. M. Uchebnyy tekst kak osobyiy vid vtorichnogo teksta i sostavlyayushchaya uchebnogo diskursa [Educational text as a special type of secondary text and a component of educational discourse]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2008, vol. 13, no. 4, pp. 1029–1031 (in Russian).
2. Karpets E. V. *Osvoyeniye mira inoy kul'tury v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve uchebnika. Avtoref. dis. kand. kul'turologii* [Adopting the world of another culture in the cultural and educational space of the textbook. Abstract of thesis cand. culturology]. Saransk, 2013. 26 p. (in Russian).
3. *Indeks polozheniya russkogo yazyka v mire – 2023: ekspertnaya sessiya* [Index of the position of the Russian language in the world – 2023: expert session]. URL: <https://kostomarovforum.ru/programma/24-maya/indeks-polozheniya-russkogo-yazyka-v-mire-2023-ekspertnaya-sessiya/> (assessed 9 September 2023).
4. Deykina A. D. *Formirovaniye yazykovoy lichnosti s tsennostnym vzglyadom na russkiy yazyk: metodologicheskiye problemy prepodavaniya russkogo yazyka* [The formation of the Russian language personality with a value-based view of the Russian language: methodological problems of teaching the Russian language]. Moscow, n.n.; Orenburg, Pressa Publ., 2009. 305 p. (in Russian).
5. Deykina A. D. K teorii uchebnika: tsennostnyy kriteriy v otsenke uchebnika russkogo yazika [To the textbook theory: a value criterion in the evaluation of the Russian language textbook]. *Sovremennyy uchebnik russkogo yazyka dlya sredney shkoly: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern textbook of the Russian language for secondary school: practice and theory: the materials of the international scientific and practice conference]. Eds A. D. Deykina, V. D. Yanchenko. Moscow, MSPU Publ., 2021, pp. 17–24 (in Russian).
6. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye nauki – Philological sciences*, 2001, no. 1, pp. 64–72 (in Russian).
7. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
8. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).

9. Vezhbitskaya A. *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 288 p. (in Russian).
10. Kur'yanovich A. V., Serebrennikova E. A. Realizatsiya miromodeliruyushchego potentsiala kontsepta YAZYK v uchebnykh tekstakh: opyt analiza diskursivnogo var'irovaniya lingvokul'turnogo kontsepta [Realization of the word-modelinf potential of the LANGUAGE concept in educational texts: analyzing the discursive variation of the linguistic and cultural concept]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 325–337 (in Russian).
11. Balykhina T. M., Veter O. V. Verbal'naya kommunikatsiya kak osnova kul'tury etnosa: tolerantnost' i innovatsionnost' [Verbal communication as the basis of Ethnic culture: tolerance and innovation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2016, no. 1, pp. 20–25 (in Russian).
12. Pugachev I. A. *Etnooriyentirovannaya metodika v polikul'turnom prepodavanii russkogo yazyka inostrantsam* [Ethnic and cultural methodology in multicultural teaching of the Russian language to foreigners]. Moscow, RUDN Publ., 2011. 283 p. (in Russian).
13. Shmelev A. D. Druzhiba v russkoy yazykovoy kartine mira [Friendship in Russian linguistic picture of the world]. In: Zaliznyak A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005. Pp. 289–303 (in Russian).
14. Arapova O. A. *Kontsept “druzhiba”: sistemnyy i funktsional'no-kognitivnyy analiz. Dis. kand. filol. nauk* [Concept “friendship”: system and functional and cognitive analysis. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2005. 242 p. (in Russian).
15. Khizova M. A. *Kontsept “druzhiba” v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh. Dis. kand. filol. nauk* [The concept of “friendship” in Russian and English linguistic cultures. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2005. 198 p. (in Russian).
16. Slastenin V. A., Chizhakova G. I. *Vvedeniye v pedagogicheskuyu aksiologiyu: uchebnoye posobiye dlya studentov visshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Introduction to pedagogical axiology: a handbook for students of higher pedagogical universities]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 192 p. URL: http://p-lib.ru/pedagogika/slastenin/slastenin_index.html (assessed 12 September 2023).
17. Nebera M. V. Aksiologicheskaya dominanta “sem'ya”: spetsifika predstavleniya v lingvodidakticheskom diskurse (na material uchebnikov po russkomu yazyku kak inostrannomu) [Axiological Dominant “Family”: the Specifics of Representation in Linguodidactic Discourse (Based on Textbooks on Russian as a Foreign Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 32–40 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2023-1-32-40
18. *Slovar' Ozhegova* [The Dictionary by Ozhegov]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7237> (assessed 18 August 2023).
19. *Tolkovyy slovar' Ushakova* [Explanatory dictionary by Ushakov]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=14435> (assessed 18 August 2023).
20. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki*. 2-ye izd., dop. [The functional semantics of value. 2nd edition, add.]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p. (in Russian).

Информация об авторе

Небера М. В., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

E-mail: nebera@tpu.ru

Information about the author

Nebera M. V., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: nebera@tpu.ru

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 08.11.2023; accepted for publication 23.03.2024

УДК 81-119

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-16-27>

Условные отношения и средства их выражения сквозь призму функционального подхода (на материале научных статей)

Цао Лина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск,
caolina272@gmail.com

Аннотация

В современных исследованиях языка в фокусе внимания находятся функциональные особенности языковых явлений. Не является исключением направление функциональной грамматики, описывающее структуру, содержание и функционирование семантических категорий, вокруг которых организуются функционально-семантические поля, охватывающие все пространство языка, его разные уровни (аспектуальность, модальность, количественность, качественность и др.). В данном исследовании рассматривается условие как подполе поля обусловленности, включающее также подполя причины, цели, следствия и уступки, тесно связанные между собой как внутренними логическими отношениями, так и средствами их выражения. Несмотря на ряд исследований, посвященных структуре подполя условия и его отдельным проявлениям, в том числе условным конструкциям, союзам и предлогам, вопросы дискурсивной вариативности составляющих данного подполя специально не рассматривались. Наиболее значимыми условные отношения представляются для научного дискурса, на материале которого и построено данное исследование. В научной литературе описаны условные значения, характерные для соответствующих конструкций и составляющие план содержания подполя условия. Это реально-условное, потенциально-условное, нереально-условное, а также несобственно-условные значения – условно-временное значение, условно-причинное, условно-следственное, условно-целевое, условно-уступительное, условно-изъяснительное. Таким образом, условная семантика находится в пересечении со смежными значениями (в том числе обусловленности), крайне разнообразна, как и разнообразны средства ее выражения – на уровне простого (*являться условием, обуславливать, при, при условии* и т. п.) и сложного (с союзами *если, если бы, ежели, когда* и т. п.) предложений. Исследование построено на предположении, что в разных типах научного дискурса средства выражения условной семантики варьируются. Обращение к ядерному жанру научного дискурса – научной статье – подтверждает высказанное предположение. Материалом исследования послужили 3 708 статей из рецензируемых журналов «Мир русского слова» и «Вестник Томского государственного университета». В ходе анализа были рассмотрены более 60 тыс. контекстов с условными значениями, собранные методом сплошной выборки из статей по филологии, истории, биологии, вычислительной технике и информатике, экономике. Анализ показал, что не все частные значения условия, представленные в языке, проявляются в научном дискурсе. При выражении условных отношений в статьях пяти указанных тематик центральное положение занимают простые предложения с предлогом *при*, на уровне сложного предложения маркером условной семантики является союз *если*. Качественные и количественные показатели в отношении условных конструкций для статей разных тематик значительно различаются. Таким образом, проведенное исследование показывает вариативность плана выражения и плана содержания подполя условия, различия в использовании условных единиц в разных типах научного дискурса. Таким образом, проведенное исследование показывает вариативность плана выражения и плана содержания подполя условия, различия в использовании условных единиц в разных типах научного дискурса.

Ключевые слова: функциональная грамматика, поле обусловленности, подполе условия, условные отношения, научный дискурс

Для цитирования: Цао Лина. Условные отношения и средства их выражения сквозь призму функционального подхода (на материале научных статей) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 16–27. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-16-27>

Conditional relations and means of their expression through the prism of functional approach (on the material of scientific articles)

Cao Lina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, caolina272@gmail.com

Abstract

In modern studies of language, the focus of attention is on the functional features of linguistic phenomena. Functional grammar is no exception, describing the structure, content and functioning of semantic categories around

© М. В. Небера, 2024

which functional-semantic fields are organised, covering the whole language space and its different levels (aspectuality, modality, quantity, quality, etc.). This study considers condition as a subfield of the conditionality field, which also includes the subfields of cause, purpose, consequence and concession, which are closely related to each other both by internal logical relations and by means of their expression. Despite a number of studies devoted to the structure of the conditionality subfield and its separate manifestations, including conditional constructions, conjunctions and prepositions, the issues of discourse variability of the components of this subfield have not been specifically considered. Conditional relations seem to be most significant for scientific discourse, on the material of which this study is based. The scientific literature describes the conditional meanings characteristic of the corresponding constructions and constituting the content plan of the condition subfield. These are real-conditional, potential-conditional, unreal-conditional, as well as non-conditional meanings – conditional-temporal meaning, conditional-causal, conditional-consequential, conditional-purpose, conditional-concessive, conditional-explanatory. Thus, the conditional semantics is in the intersection with related meanings (including conditionality), is extremely diverse, as well as diverse means of its expression – at the level of simple (to be a condition, to condition, at, under condition, in the case of, etc.) and complex (with conjunctions if, if, if only, when, etc.) sentences. This study is based on the assumption that the means of expressing conditional semantics vary in different thematic types of scientific discourse. Turning to the core genre of scientific discourse – the scientific article – confirms this assumption. The material of the study was 3 708 articles from the peer-reviewed journals “The World of Russian Word” and “Bulletin of Tomsk State University”. In the course of the analysis, more than 60 000 contexts with conditional meanings, collected by the method of continuous sampling, from articles on philology, history, biology, computer science and informatics, and economics were considered. The analysis showed that not all private meanings of conditionality presented in the language are manifested in scientific discourse. When expressing conditional relations in the articles of the five mentioned subjects, the central position is occupied by simple sentences with the preposition at, at the level of a complex sentence the marker of conditional semantics is the conjunction if. The qualitative and quantitative indicators with regard to conditional constructions for articles of different themes differ significantly. Thus, the study shows the variability of the expression plan and content plan of the conditional subfield, the differences in the use of conditional units in different types of scientific discourse.

Keywords: functional grammar, conditional field, conditional subfield, conditional relations, scientific discourse

For citation: Cao Lina. Uslovnnyye otnosheniya i sredstva ikh vyrazheniya skvoz' prizmu funktsional'nogo podkhoda (na materiale nauchnykh statey) [Conditional relations and means of their expression through the prism of functional approach (on the material of scientific articles)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 16–27 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-16-27>

Введение

В истории языкознания можно отметить периоды своеобразного соревнования между двумя направлениями – формализмом и функционализмом. Стремление к функционализации, оппозиция формальной и функциональной лингвистики считаются значимыми характеристиками современной лингвистики [1]. С точки зрения формальных показателей язык представляет собой строгую систему обусловленных грамматикой единиц, в то время как функциональный взгляд на язык связан с речью как реальным проявлением языка. Главной единицей при этом является текст, а не предложение, которое изолировано от конкретного ситуационного контекста [2], именно в тексте реализуют свои функции языковые единицы, именно в нем выстраиваются сложные отношения между ними, определяющие целостность текста.

Данное исследование выполнено в рамках направления функциональной грамматики, нацеленного на изучение функционально-семантических полей (ФСП) со сложной содержательной структурой. Понятийные категории, такие как

«пространство», «время», «количество» и др., – это «универсальные семантические константы», которые «представляют собой содержательное основание ФСП» [3, с. 28]. Их план выражения реализован разноуровневыми средствами языка (грамматическими, лексическими, лексико-грамматическими), отражающими определенную семантическую область [3], выражающими общие и частные значения категории [4]. Как считает А. В. Бондарко, цель функционально-грамматического исследования заключается в том, чтобы выявить систему, организующую то или иное поле, в которой взаимодействуют грамматические, лексические единицы, контекст, закономерности функционирования языковых средств [3, с. 10].

М. А. К. Халлидей утверждает, что язык – это система скрытых значений, которые отбираются носителем языка в зависимости от контекста, а значит, системная функциональная грамматика исследует вопросы, связанные с отбором единиц, который не является произвольным: какие значения будут выражены в данном контексте, какие языковые средства

доступны для выбора, чтобы выразить нужные значения [5]. Не менее важными являются вопросы формальной и содержательной вариативности языковых ресурсов.

Сказанное определяет актуальность функциональных исследований языка, в том числе в отношении поля обусловленности, характеризующегося сложной неоднородной структурой и требующего дополнительных исследований его подполей. В фокусе нашего внимания находятся языковые единицы, представленные в любой языковой системе, отражающие логические отношения и выполняющие логическую функцию обусловленности. Эти единицы (*потому что, чтобы, так что, если* и т. п.) используются для передачи логических отношений между явлениями и действиями в окружающем мире, которые отражаются в сознании говорящего [5]. Условные отношения включаются в ФСП обусловленности совместно с целевыми, причинными, следственными и уступительными отношениями [2].

В данной статье объектом исследования являются единицы, выражающие условные отношения, которые рассматриваются нами на материале научных статей. Несмотря на значительный ряд работ, посвященных содержательной структуре и средствам выражения подполя условия, специальных работ, направленных на описание реализации единиц данного подполя в научном дискурсе, нами не найдено.

Материал и методы

В современной русистике условным отношениям посвящен целый ряд работ, в которых рассматриваются не только формальные, но и содержательные особенности условных единиц. Так, в фокусе исследования оказывались условные отношения в качестве отдельного вида сложного предложения (Л. Д. Казбан, Л. К. Кузнецова, Р. П. Рогожникова); принципы выражения семантики условия и следствия в простых предложениях (Н. Е. Лосева); синтаксическое значение, позиции условного предлога (*в случае, при условии, при, без, на* и др.); в условных единицах (предложно-падежных формах и условных предложениях) (Т. Н. Зинченко); отдельные фрагменты функционально-семантического поля условных отношений, его плана выражения, в том числе способов обозначения объективной и субъективной модальностей (Л. В. Кочерага-Бортэ, Н. А. Андромонова, Т. А. Колосова, Р. М. Теремова, Г. В. Развина).

Среди всех исследований особо следует выделить работы, в которых рассматриваются семантико-синтаксические особенности предложно-падежных конструкций, совмещающие условное

и другие значения (причинное и временное) (Н. С. Власова), тесная связь семантических разновидностей причинных и условных предложений (Л. Л. Бабалова). Указанные исследования демонстрируют проблему взаимодействия значений обусловленности друг с другом и со смежными областями, «перетекаемости» оттенков значений в подполях поля обусловленности. Так, по мнению исследователей, «разница между условием и причиной заключается в том, что условие предполагает альтернативу, выбор из двух возможных событий, а причина такой альтернативы не предполагает» [6, с. 12]. Эти исследования близки нашей точке зрения на обусловленность и свидетельствуют о содержательной неоднозначности поля обусловленности, определенной размытостью его границ.

Условные отношения выражают, что реализация одного события зависит непосредственно от другого события, однако второе событие не обязательно должно являться причиной первого [7]. Эта связь предполагается самим говорящим и обозначается контекстуально. Таким образом, как и для уступительных отношений, рассмотренных нами ранее [8], для условных отношений характерна двухкомпонентная оппозиция выбора: событие-условие противопоставлено событию-следствию. Важным аспектом условных конструкций является модальность возможности. В предложениях с условной семантикой одна ситуация (обусловленная) зависит от того, какое из возможных условий будет выполнено, т. е. «к понятию „обусловленное“ примыкает понятие „альтернатива“» – «необходимость выбора одного из двух (или нескольких) возможных решений» [9, с. 23]. Содержание диктует и структуру условной конструкции, которая всегда будет многопропозициональна и многособытийна. Эта черта условно-следственных структур проявляется во всех единицах синтаксического уровня: от словосочетания до сложного предложения, особенно в сложноподчиненном предложении, в котором два предложения полностью реализуют свою синтаксическую валентностную способность, выполняя логическую функцию обуславливающего и обусловленного (соответственно главного и придаточного предложений): (*Если нам нужно что-то сделать*), (*мы составляем план*). В одном предложении могут быть представлены несколько микроситуаций. Для того чтобы охарактеризовать ситуативные структуры обусловленности, необходимо проследить внутреннюю связь между ними.

Общая семантика условия реализуется в ряде частных значений. При описании условных отношений принято считать, что условные предло-

жения можно разделить на две категории: с собственно-условным значением и несобственно-условным значением [10]. Однако этим градация условных значений не исчерпывается, выделяют следующие частные значения условия.

1. Реально-условное значение [10].

В условных предложениях реально-условное значение рассматривается в качестве уже осуществившихся условий (фактических условий), оно выражается в русском языке союзами *раз, если (уж)* и т. д.: *Ежели мы добились одного, добьемся и другого* (Фадеев); *Ей ведь надо в театр ходить, раз она в театральном училище учится* (Н. Носов).

2. Потенциально-условное значение [10].

Потенциально-условное значение выражается с помощью союзов *если, если... то, ежели, коли, в (том) случае если, при (том) условии если; если бы* и т. д. Союз *если* используется чаще всего, причем в любом функциональном стиле, поэтому считается маркером условных отношений в целом: *Если поедем вместе, все будет испорчено* (И. Бунин); *Если бы она вышла за Симонсона, присутствие его (Нехлюдова) становилось бы не нужно, и ему нужно было бы составлять новый план жизни* (Л. Толстой).

3. Нереально-условное значение [10].

В нереально-условных предложениях условия нереальны, не существуют на самом деле, поэтому сюжет главного предложения также является вымышленным. Другими словами, семантические отношения этого предложения заключаются в выражении виртуального результата, вызванного виртуальным условием. Грамматическим средством выражения нереальных условий в русском языке является, как правило, форма сослагательного наклонения (глагол + частица *бы*). Поскольку предложение отражает субъективное желание говорящего, а не действительность и реальную ситуацию, поэтому предложение нельзя связать с временным фоном реальной ситуации. Для это обычно используются союзы *если бы, ежели бы, коли бы, когда бы, как бы, кабы, добро бы* и т. д. При этом союз *если бы* представляет собой типичный знак, выражающий нереально-условное значение, который является стилистически нейтральным, другие союзы имеют определенную стилистическую окраску (фиксируются в словарях как просторечное или устаревшее): *Врач сказал, что если бы на пять минут позже привезли в госпиталь, то не видеть бы мне сына* (Баруздин); *Коли бы не ты, я, может, за купца бы вышла* (А. П. Чехов).

План содержания подполя условия крайне разнообразен, причем его границы подвижны, оно пересекается со смежными полями, в резуль-

тате формируются комбинированные частные значения условия.

4. Условно-временное значение [2, 11].

Союз *когда* может выражать условные значения, но традиционно классифицируется как временной союз. При выражении условного значения в предложениях с этим союзом временное значение отходит на второй план. Функционирует данный союз примерно так же, как и союз *если*, однако такие конструкции осознаются как устаревшие формы, редко используемые в современном языке: *Когда какой-либо вопрос переносится на серьезную деловую почву – он начинает меня сразу интересовать* (А. Аверченко); *Надеюсь, что когда я получу Анну второй степени, то его сиятельство не будет иметь повода сказать мне то же самое* (А. П. Чехов).

5. Условно-причинное значение [2, 11, 12].

Когда содержание предложения рассматривается как реальное и выражает значение свершившегося факта, значение гипотезы ослабляется или теряется, при этом условное предложение становится ближе к причинному, а союз *если* (а также *ежели*) ближе к причинному союзу *раз*, возможна их замена: *Уж если очень хочешь сделать мне приятное, то купи мне настоящую га-ванскую сигару* (В. Чивилихин); *Ежели уж вы приглашаете, то я останусь* (В. Короленко).

6. Условно-следственное значение [2, 11].

Значит, следовательно и другие единицы часто вставляются в главное предложение, чтобы подчеркнуть заключение, выполняя одновременно функции условия и следствия: *Если слышала вся аудитория, – значит, и ты* (А. Андреев).

7. Условно-целевое значение [2, 11].

При сочетании условного и целевого значений в предложении часто появляются целевые союзы *для того чтобы* и др.: *На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку...* (Н. В. Гоголь).

8. Условно-уступительное значение [2, 11].

В таких предложениях часто встречаются союзы *если, если... то, если бы*, а также модальные частицы *даже, и*, которые придают условным отношениям уступительное значение: *Либералы всех мастей делали вид, что они если (пусть даже) ещё не хозяева положения, то, на худой конец, властители душ* (В. Баженов).

9. Условно-изъявительное значение [2, 11].

Главное предложение объясняет и поясняет положение придаточного предложения, при этом в главном предложении используется *то*, дополнительно маркируя условный оттенок: *Да, если рука моя дрожит, то это оттого что никогда еще ее не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, как ваша* (Ф. М. Достоевский).

Таким образом, с содержательной точки зрения типы условных отношений варьируются от реально-условного значения до условно-причинного, условно-следственного и т. д.

Представим частные условные значения в виде схемы (рис. 1).

Как показывает предварительный анализ, способы и средства выражения условных отношений в русском языке представлены разнообразно и варьируются в зависимости от того, имеется ли специальный формально-грамматический показатель условия (союз или предлог); на уровне простого или сложного предложения реализуется семантика условия.

В простом предложении (ПП) условие выражается при помощи глагольных конструкций *обуславливать* (*быть обусловленным*), *являться условием* и предложно-падежных сочетаний с предлогами (производными и непроизводными) *в условиях, в случае, при условии, при случае, на случай, при, без*: Действительно, **в условиях** стремительного распада обществ обывателей и избирателей либералы вынуждены были прежде всего сконцентрировать внимание на пополнении их рядов (Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55).

В сложноподчиненных предложениях (СПП) значение условия в основном передается при помощи придаточных условных с союзами *если, если бы, ежели, ежели бы, коль (коли), коль (коли) бы, добро бы, кабы, раз, когда*: И **если** век-

тор трансформации форм калия в почве определяется общим уровнем этого элемента, **то** процессы фиксации-десорбции аммония в значительной степени обусловлены и внешними факторами (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2011. № 1 (13)).

В сложносочиненных предложениях (ССП) условные отношения могут выражаться союзами *иначе, а то*: В египетском фильме «Прощай, мой друг» (1986) разбойники останавливают проезжих и с этой фразой просят у них дань, **иначе** ограбят и не дадут проехать (Мир русского слова. 2018. № 3) [13].

Представим средства выражения условных отношений в простых и сложных предложениях в виде схемы (рис. 2).

Резюмируя сказанное, отметим, что в русском языке нет единого формального показателя семантики условия и единого типа языковой структуры для выражения условных отношений, подобные единицы характеризуются большим разнообразием. Как и в целом единицы поля обусловленности, условные единицы могут относиться к разным уровням (лексическому, синтаксическому и т. п.) [14]. Средства выражения условных отношений обладают своей спецификой на уровне простого и сложного предложений. Не менее вариативна семантическая сфера подполя условия, сочетающая как собственно условные значения, так и значения обусловленности в их пересечении с временными и изъяснительными.

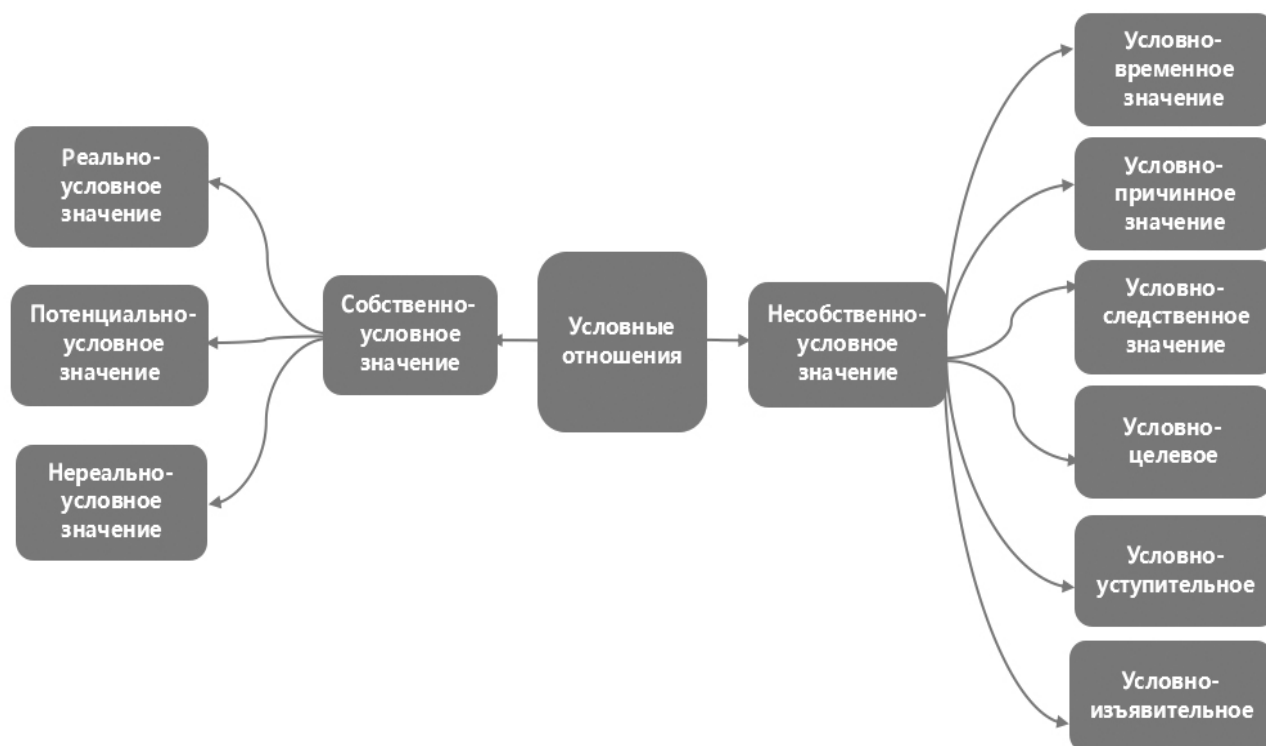

Рис. 1. Семантическая группа условных отношений

Рис. 2. Средства выражения условных отношений

Данная работа проводится на материале текстов научного дискурса, относящегося к институциональному типу дискурсов, обладающего спецификой, связанной с нормами соответствующего социального института [15], правилами осуществления коммуникации в определенной социальной сфере, особенностями материальной реализации этой коммуникации в виде текстов, маркированных специфичными для данного типа коммуникации языковыми единицами [16]. Изучение того, как реализуются отношения обусловленности в научном дискурсе, представляется значимым, проливающим свет как на план содержания и план выражения подполя условия, так и на особенности данного типа дискурса в целом.

В качестве материала нами выбран жанр научной статьи, который является одним из основополагающих жанров научной литературы, входит в ядерную зону жанровой структуры научного дискурса [17].

Предварительный анализ специальной литературы по синтаксису научной речи, а также поиск условных конструкций в текстах научных статей по филологии, истории, биологии, экономике и т. п. показали, что в научном дискурсе используются далеко не все способы выражения условных отношений, представленные в русском языке. В ходе настоящего исследования предполагалось выявить условные конструкции, употребляющиеся в текстах научных статей, проанализировать их частотность, семантические особенности и условия реализации.

Источниками для сбора материала стали статьи по тематике «Филология», «История», «Биология», «Управление, вычислительная техника и информатика», «Экономика», опубликованные в высокорейтинговых рецензируемых журналах «Мир русского слова» и «Вестник Томского госу-

дарственного университета» в период с 2011 по 2020 гг. Для исследования использовались материалы всех статей, изданных в номерах журналов за указанный период. Это 632 статьи по филологии (средний объем статьи – 5–10 страниц), 1 344 – по истории (5–15 страниц), 489 – по биологии (15–25 страниц), 477 – по технике и информатике (5–10 страниц), 766 – по экономике (5–20 страниц).

Контексты с условными конструкциями отобраны методом сплошной выборки и проанализированы с целью определения специфичных для текстов научного дискурса разных тематических областей средств выражения условных отношений, установления их процентного соотношения.

В исследовании использованы структурный метод (компонентный анализ, контекстуальный анализ), метод функционального анализа, элементы метода количественной обработки данных, метод научного описания.

Результаты и обсуждение

В данном исследовании мы исходили из предположения, что в разных типах научного дискурса предпочтение отдается разным способам выражения условной семантики.

Для подтверждения этой мысли мы обратились к материалу научных статей разных тематик. Нами получены следующие результаты: 11 188 контекстов с условными конструкциями в статьях по филологии (632 статьи), 17 299 – по истории (1 344 статьи), 8 721 (489 статей) – по биологии, 11 184 – по вычислительной технике и информатике (477 статей), 14 476 – по экономике (766 статей).

Обобщенно процентное соотношение средств выражения условия в текстах статей рассматриваемых тематик научного дискурса выглядит следующим образом (таблица).

Сводная таблица языковых средств выражения условия в научном дискурсе

Языковые средства	Частотность (филология)	Частотность (история)	Частотность (биология)	Частотность (техника и ин- форматика)	Частотность (экономика)
Простые предложения					
ПП с глагольными конструкциями <i>обуславливать (быть обусловленным)</i> и <i>являться условием</i>	6,54 % (580 ± 152)	4,90 % (632 ± 214)	13,45 % (680 ± 493)	2,36 % (88 ± 176)	2,79 % (52 ± 352)
ПП с производными предлогами <i>в условиях, в случае, при условии, при случае, на случай</i>	3,54 % (396)	8,36 % (1446)	12,75 % (1112)	10,84 % (1212)	13,51 % (1956)
ПП с непроизводными предлогами <i>при, без</i>	(40,61 ± 9,47) % (4 544 ± 1 060)	(47,47 ± 11,67) % (8 211 ± 2 019)	(63,80 ± 3,94) % (5 564 ± 344)	(56,65 ± 3,93) % (6 336 ± 440)	(55,73 ± 7,96) % (8 068 ± 1 152)
Сложноподчиненные предложения					
СПП с союзом <i>если, если бы</i>	(16,56 ± 1,39) % (1852 ± 156)	(13,07 ± 0,60) % (2261 ± 104)	(2,94 ± 0,05) % (256 ± 4)	(18,38 ± 0,11) % (2056 ± 12)	(12,71 ± 0,17) % (1840 ± 24)
СПП с союзом <i>ежели, ежели бы</i>	0,57 % (64 ± 0)	0,10 % (17 ± 0)	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)
СПП с союзом <i>коль (коли), коль (коли) бы</i>	0,46 % (32 ± 20) ± 0	0,13 % (17 ± 6) ± 0	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)
СПП с союзом <i>добро бы</i>	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)
СПП с союзом <i>кабы</i>	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)	0 % (0)
СПП с союзом <i>раз, когда</i>	(0,11 ± 19,39) % (12 ± 2 168)	(0,06 ± 12,24) % (11 ± 2 118)	(0 ± 2,98) % (0 ± 260)	(0 ± 7,09) % (0 ± 792)	(0,03 ± 6,54) % (4 ± 948)
Сложносочиненные предложения					
ССП с союзом <i>иначе, а то</i>	(1,32 ± 0,04) % (148 ± 4)	(1,37 ± 0,03) % (237 ± 6)	(0,09 ± 0) % (8 ± 0)	(0,64 ± 0) % (72 ± 0)	(0,50 ± 0,06) % (72 ± 8)
ПП+СПП+ССП					
Общее количество	100 % (11 188)	100 % (17 299)	100 % (8 721)	100 % (11 184)	100 % (14 476)

Анализ показал, что в научных статьях тематики «Филология» наблюдается следующее процентное соотношение разных типов предложений с условными единицами (всего 11 188 контекстов).

СП – 39,84 % (из них СПП – 38,48 %; ССП – 1,36 %): *Вместе с тем возможны случаи, когда высказывание с многозначным лексико-синтаксическим составом с точки зрения целеустановки оказывается резко смещено в сторону заклинания только за счет звучания* (Мир русского слова. 2016. № 3. С. 65).

Сложноподчиненные предложения с союзом *когда* занимают второе место (19,39 %). Как уже отмечалось, несмотря на традиционно выделяемое у данного союза временное значение, в дополнение к нему он может также выражать условные отношения.

ПП – 60,16 %: *Он возникает при сознательном переносе человеком названия каких-либо предметов или явлений на что-то другое в связи со сходством признаков и функций и т. д.* (Мир русского слова. 2016. № 3. С. 16).

Среди них первое место занимают простые предложения с условным непроизводным предлогом *при* (40,61 %). В большинстве случаев не-

производный предлог *при* составляет условное значение вместе с абстрактными существительными: *при условии, при использовании, при изменении* и т. д.

ССП с условным значением практически не характерны для статей данной тематики.

Союзы *ежели, ежели бы, коль (коли), коль (коли) бы* фиксируются в научных статьях по филологии достаточно редко; союзы *добро бы, кабы* вообще не отмечены, что представляется естественным из-за устаревшего характера этих союзов в целом и их разговорной окраски (в случае использования), не сопоставимой с научным дискурсом.

В научных статьях тематики «История» выявлено следующее процентное соотношение разных типов предложений с условными конструкциями (всего 17 299 контекстов).

СП – 27,60 % (из них СПП – 26,20 %; ССП – 1,40 %): *Например, если человек записался на три месяца, а по прошествии этого срока в этом же году записывался еще на три месяца, то в итоговом подсчете было два члена, а не один* (Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 30).

ПП – 72,40 %: *Происходившие в течение пяти лет систематические изменения в структуре исполкома диктовались необходимостью сокращения расходов на его содержание в условиях дефицита финансовых средств и общей хозяйственной разрухи в стране, недавно пережившей Гражданскую войну* (Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 47).

Для выражения условного значения в научных статьях с исторической тематикой используются простые предложения с глагольными конструкциями (*обуславливать, являться условием*) и предложениями *при, без*; а также сложные предложения с подчинительными и сочинительными союзами, чаще с союзами *если, если бы*, значительно реже с *ежели, ежели бы*.

Часто (но меньше в сравнении с конструкциями с предлогом *при*) для выражения условной семантики употребляются СПП с союзами *если, когда* и ПП с непроизводным предлогом *без*.

Совсем редко употребляются остальные языковые средства выражения условных отношений, с помощью которых передаются нереально-условное, нечисто-условное значения. По результатам анализа конструкции с союзами *коль (коли), коль (коли) бы* составляют только 0,13 %. По всей видимости, здесь, как и в случае со статьями по филологии, такие конструкции используются индивидуально или в целях стилизации под устаревший стиль изложения.

В научных статьях тематики «Биология» было выявлено следующее процентное соотношение разных типов предложений с условными конструкциями (всего 8 721 контекст).

СП – 6,06 % (из них СПП – 5,97 %; ССП – 0,09 %): *Так, если средняя доля тычиночных цветков в периферических простых зонтиках составляет 26,2 %, то у центральных простых зонтиков она увеличивается до 63,1 %* (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2019. № 45. С. 54).

ПП – 93,94 %: *Вероятно, обилие микроугольков в значительной степени обусловлено влиянием пожаров на молодой болотный массив с мощностью торфа менее 45 см* (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2019. № 1. С. 180).

Для выражения условных отношений в биологических статьях употребляются производные предлоги *в условиях, в случае, при условии, при случае*; непроизводные предлоги *при, без*; союзы *если, если бы, раз, когда*. С их помощью передаются потенциально-условное, реально-условное, нереально-условное, условно-временное, условно-уступительное значения. При выражении

условных отношений в научных статьях данной тематики большую часть занимают также конструкции с предлогом *при*.

Формальный показатель условия союз *если* (а также *если бы*), который считается типичным для выражения условной семантики, в отличие от статей по другим научным областям, занимает в этом дискурсе малую часть. Отметим, что в данных статьях вообще не зафиксированы союзы *раз* и *а то* для выражения условного оттенка, а также единицы *ежели, ежели бы, коль (коли), коль (коли) бы, добро бы* и др. Также очень редко отмечены ССП.

В статьях тематики «Управление, вычислительная техника и информатика» в ходе исследования были собраны и проанализированы 11 184 контекста употребления условных единиц, среди которых отмечены следующие.

СП – 26,22 % (из них СПП – 25,58 %; ССП – 0,64 %): *Поступающий с орбиты вызов принимается для обслуживания, если в этот момент имеется свободный канал, иначе он, согласно схеме Бернулли, либо покидает орбиту, либо остается в ней* (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2020. № 51. С. 22).

ПП – 73,78 %: *Однако при малых значениях относительной диэлектрической проницаемости диэлектрического цилиндра получаемые нами результаты должны быть очень близки соответствующим результатам для одиночного идеально проводящего цилиндра* (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2020. № 51. С. 41).

При выражении условных отношений в данном дискурсе самую большую часть занимают ПП, в основном конструкции с предлогом *при*, с его помощью передается преимущественно потенциально-условное, реже реально-условное и условно-уступительное значения.

В статьях по данной тематике для выражения условных отношений продуктивны также СПП с типичным условным союзом *если* и ПП с производными предлогами *в условиях, в случае, при условии, при случае*. Вообще не используются СПП с устаревшими союзами и союзами, имеющими разговорную окраску: *ежели, ежели бы, коль (коли), коль (коли) бы, добро бы, кабы*.

В статьях по тематике «Экономика» было выявлено следующее процентное соотношение разных типов предложений с условными конструкциями (всего 14 476 контекстов).

СП – 20,01 % (из них СПП – 19,45 %; ССП – 0,56 %): *В противном случае (если бы расчет*

времени был произведен правильно) чаще происходил бы отказ от проектов (Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2 (30). С. 23).

ПП – 79,99 %: Но она возможна только в случае внедрения результатов научных прорывов и новых технологий (Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2 (30). С. 31).

При выражении условных отношений в статьях экономического дискурса самую большую часть занимают ПП, чаще с предлогом *при*, с помощью которого передаются потенциально-условное и реально-условное и условно-уступительное значения. ПП с производными предлогами *в условиях*, *в случае*, *при условии*, *при случае*, *на случай* и СПП с союзом *если* занимают второе и третье места соответственно, с их помощью передаются потенциально-условное и реально-условное значения.

СПП с союзами *ежели*, *ежели бы*, *коль (коли)*, *коль (коли) бы*, *добро бы*, *кабы* вообще не зафиксированы в указанных статьях. Отметим, что данный результат совпадает с результатом анализа статей тематики «Биология» и «Управление, вычислительная техника и информатика».

Анализ содержательной стороны подполя условия показал, что в качестве частных значений условности в разных типах научного дискурса представлены следующие типы.

Реально-условное значение, предполагающее фактическое условие: *Отсюда при изготовлении бронзовых зеркал на них в назидание часто чеканилось изображение сороки* (Мир русского слова. 2012. № 4. С. 86); *Процессы внутрипочвенного выветривания, усиливающиеся в условиях агропедогенеза, способствуют высвобождению некоторого количества калия почвенного скелета* (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2011. № 1 (13). С. 21)

Потенциально-условное значение: *Необходимо также отметить, что при наличии в предложении вербализованного субъекта возможно использование инфинитива несовершенного вида в сочетании с отрицательной частицей не* (Мир русского слова. 2017. № 1. С. 39); *Модификация начального множества выполняется в случае формирования совместимых подмножеств мощности больше 1, соответствующих терминальным вершинам дерева разложения* (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2015. № 1 (30). С. 70).

Нереально-условное значение: *С этим можно было бы согласиться, если бы одним из*

важнейших условий для определения парадигмы фамилии (особенно при наличии русских и иностранных фамилий-омонимов) не являлось знание родословной ее носителя (Мир русского слова. 2012. № 4. С. 53).

Условно-уступительное значение: *Полагая, что при всех разительных отличиях друг от друга и афишируемой взаимной неприязни как литературные деятели Ломоносов и Сумароков принадлежали к одной литературно-языковой парадигме* (Мир русского слова. 2017. № 1. С. 51); *Будем говорить, что тест простой для данной реализации I, если хотя бы при одном его прогоне в полученной последовательности пар состояний нет одинаковых пар* (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2011. № 15. С. 92).

Условно-временное значение выражается посредством союза *когда*, при этом его временное значение отходит на второй план: *Мистицизм обращен к интуиции: когда истина не постижима разумом, ее можно постичь только путем таинственного чувствования* (Мир русского слова. 2019. № 2. С. 79).

Заключение

Анализируя полученные данные по всему материалу, можно сделать вывод, что при выражении условных отношений в рамках научного дискурса по пяти различным тематикам ядерное положение занимают простые предложения с неизменным предлогом *при*. Хотя неизменный предлог *при* рассматривается как предлог, выражающий прежде всего пространственные отношения, в нашем материале в большинстве случаев *при* вместе с существительным, как правило абстрактной семантики, выражает вторичное для предлога значение – условное. Больше количество указанных конструкций отмечается в биологическом дискурсе, как и в целом значительное количество простых предложно-падежных конструкций по сравнению со сложными предложениями.

ПП с предлогами *в условиях*, *в случае*, *при условии*, *при случае*, *на случай* в большей мере характерны для статей с технической, биологической и экономической направленностью по сравнению со статьями филологической и исторической направленности. СПП с союзом *если*, *если бы* для всех указанных дискурсов (кроме биологического) являются более употребительными, чем другие языковые средства выражения условия на уровне сложного предложения, с их помощью передаются потенциально-условное, реально-условное и нереально-условное значе-

ния. Данный союз в целом можно считать специализированным средством выражения условной семантики (в данном случае в научном дискурсе). Довольно часто в филологических и исторических статьях употребляются СПП с союзом *когда*. Предложения с устаревшими союзами и союзами с пометой «разговорное» (*ежели, ежели бы, коль (коли), коль (коли) бы, добро бы, кабы*) крайне редко используются в научных статьях тематики «Филология», «История» и вообще не употребляются в статьях других рассматриваемых дискурсов.

Сравнивая полученные результаты с результатами предыдущего этапа работы (на том же материале), следует отметить, что нами получено значительно больше контекстов с условной семантикой, чем контекстов с уступительной семантикой (практически в 1,5 раза), особенно на материале статей по тематике «Управление, вычислительная техника и информатика». Это может быть связано с тем, что условная семантика как отражение особого типа логических отношений и значимый элемент научного рассуждения в целом более востребована в научных статьях, чем уступительная. Кроме того, средства выра-

жения условной семантики в целом более разнообразны и пересекаются с маркерами несобственно-условных отношений (временных, уступительных).

Возвращаясь к основному фокусу данного исследования, отметим вариативность плана выражения и плана содержания подполя условия. При выражении условных отношений отмечаются качественные и количественные различия в употреблении языковых средств обозначения условия в рамках научного дискурса определенной тематической направленности. Таким образом, несмотря на «принципы единства и целостности гносеологической деятельности» [18, с. 36], можно говорить о наличии закреплённости определенных средств выражения условных отношений за текстами определенных научных дискурсов, что свидетельствует о дискурсивной вариативности условных единиц.

Как представляется, дальнейшее исследование формально-структурных и функционально-семантических особенностей подполя условия в научном дискурсе позволит уточнить его статус в рамках функционально-семантического поля обусловленности.

Список источников

1. Дементьев В. В. О некоторых содержательноцентричных тенденциях в современной отечественной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 42–73.
2. Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др. СПб.: Наука, 1996. 228 с.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
4. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук, Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
5. Halliday M. A. C. Introduction to functional grammar. London: Arnold, 1994. 689 p.
6. Бабалова Л. Л. Семантические разновидности причинных и условных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 24 с.
7. Гусман Тирадо Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке / под. ред. А. М. Ломова. Воронеж, 1998. 135 с.
8. Цао Лина. О вариативности способов выражения уступительных отношений (на материале статей научного стиля) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 34–44. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-6-34-44
9. Диденко Е. А. Способы выражения условия в русских пословицах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2001. 19 с.
10. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
11. Акопян А. В. ЕСЛИ и только ЕСЛИ / науч. ред. К. С. Акопян. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2012. 172 с.
12. Рогожникова Р. П. Активизация в современном русском языке подчинительных конструкций союзами *раз* и *поскольку* // Вопросы синтаксиса современного языка. М.: Наука, 1966. С. 61–73.
13. Степаненко С. Л., Степаненко А. С. Выражение условных отношений в простом и сложном предложениях: пособие для иностранных учащихся экономического профиля обучения. Минск: БГУ, 2013. 66 с.

14. Акимов Э. Н. Категория обусловленности: статус, состав, уровни реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 250–254.
15. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
16. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
17. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1984. С. 16–27.
18. Краевская И. О., Мишанкина Н. А. Терминообразование в аспекте гносеологической прозрачности (на материале русскоязычной терминосистемы «нефтегазопереработка») // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 36–49.

References

1. Dement'yev V. V. O nekotorykh sodержatel'notsentrichnykh tendentsiyakh v sovremennoy otechestvennoy lingvistike [On Some Content-Centred Tendencies in Modern Russian Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 72, pp. 42–73 (in Russian).
2. Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: lokativnost', bytiynost', posessivnost', obuslovlennost'* [Functional grammar theory: locativity, beingness, postessentiality, conditionality]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 228 p. (in Russian).
3. Bondarko A. V. *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Functional Grammar and Issues of Aspectology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 208 p. (in Russian).
4. Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning in the system of functional grammar: On the material of the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 736 p. (in Russian).
5. Halliday M. A. C. *Introduction to functional grammar*. London, Arnold, 1994. 689 p.
6. Babalova L. L. *Semanticheskiye raznovidnosti prichinnyykh i uslovnykh predlozheniy v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Semantic varieties of causal and conditional sentences in the modern Russian language. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1974. 24 p. (in Russian).
7. Gusman Tirado R. *Generativnyye slozhnopodchinennyye predlozheniya v russkom yazyke* [Generative compound sentences in the Russian language]. Ed. A. M. Lomova. Voronezh, 1998. 135 p. (in Russian).
8. Cao Lina. O variativnosti sposobov vyrazheniya ustupitel'nykh otnosheniy (na materiale statey nauchnogo stilya) [On the variability of ways of expressing concessive relations (on the material of articles of scientific style)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 34–44 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2022-6-34-44
9. Didenko E. A. *Sposoby vyrazheniya usloviya v russkikh poslovitsakh. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Ways of expressing the condition in Russian proverbs. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Ryazan, 2001. 19 p. (in Russian).
10. *Russkaya grammatika: Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya: v 2 t.* [Russian Grammar: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word-formation. Morphology: in 2 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 1. 783 p. (in Russian).
11. Akopyan A. V. *ESLI i tol'ko ESLI* [IF and only IF]. Ed. K. S. Akopyan. Erevan, Erevan State University Publ., 2012. 172 p. (in Russian).
12. Rogozhnikova R. P. *Aktivizatsiya v sovremennom russkom yazyke podchinitel'nykh konstruktivnykh soyuzami raz i poskol'ku* [Activation of subordinating constructions in the modern Russian language by the conjunctions once and since]. *Voprosy sintaksisa sovremennogo yazyka* [Issues of modern language syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1966. pp. 61–73 (in Russian).
13. Stepanenko S. L. *Vyrazheniye uslovnykh otnosheniy v prostom i slozhnom predlozheniyakh: posobiye dlya inostrannykh uchashchihsya ekonomicheskogo profilya obucheniya* [Expressing conditional relations in simple and complex sentences: a manual for foreign students of economics]. Minsk, BSU Publ., 2013. 66 p. (in Russian).
14. Akimova E. N. *Kategoriya obuslovlennosti: status, sostav, urovni realizatsii* [The category of conditionality: status, composition, levels of realisation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2012, no. 1 (15), pp. 250–254 (in Russian).
15. Karasik V. I. O tipakh diskursa [On types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs. Sbornik nauchnykh trudov* [On types of discourse. Collection of scientific articles]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. Pp. 5–20 (in Russian).

16. Mishankina N. A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2010. 282 p. (in Russian).
17. Troyanskaya E. S. Polevaya struktura nauchnogo stilya i yego zhanrovyykh raznovidnostey [Field structure of scientific style and its genre varieties]. *Obshchiye i chastnyye problemy funktsional'nykh stiley* [General and specific problems of functional styles]. Moscow, Nauka Publ., 1984. pp. 16–27 (in Russian).
18. Kraevskaya I. O., Mishankina N. A. Terminoobrazovaniye v aspekte gnoseologicheskoy prozrachnosti (na materiale russko-yazychnoy terminosistemy “neftegazopererabotka”) [Terminology formation in the aspect of gnoseological transparency (on the material of the Russian-language term system “oil and gas processing”)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2020, no. 456, pp. 36–49 (in Russian).

Информация об авторе

Цао Лина, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: caolina272@gmail.com

Information about the author

Caol Lina, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: caolina272@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 08.02.2024; accepted for publication 23.03.2024

УДК 811.161.1; 811.222.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-28-36>

Экспрессивные и оценочные конструкции в русской разговорной речи и их эквиваленты в персидском языке

Набати Шахрам¹, Мехтиханлы Севиндж²

^{1,2} *Гилянский университет, Решт, Иран*

¹ *shnabati@guilan.ac.ir*

² *smehdikhanli@guilan.ac.ir*

Аннотация

В данной работе осуществляется анализ экспрессивных и оценочных конструкций, объективирующих разные интенции и эмоции в русской разговорной речи. Средства и способы выражения эмоций у людей разнообразны. Эти различия наблюдаются не только у представителей разных народов, но и у представителей одной и той же нации. Экспрессивные и оценочные конструкции рассматриваются в качестве важных особенностей русской коммуникативной культуры. Актуальность данной работы заключается в необходимости изучения способов выражения эмоций, оценки экспрессивности русской разговорной речи в иранской аудитории, так как без знания вербальных форм эмоционального взаимодействия в обществе изучение русского языка, можно сказать, невыполнимо. Эмоции являются неотъемлемой частью человеческой личности и определяют национально-культурное своеобразие и уникальность данной личности. Исходя из этого, одновременно с изучением эмоционального слоя русского языка происходит и усвоение иранскими студентами информации, касающейся особенностей языкового сознания и культуры русского народа. Студенты, изучающие русский язык, осваивают новую для них лингвокультуру, постигают эмоциональный язык и, можно сказать, эмоциональную картину мира в процессе обучения. Актуальность работы также определяется задачами и целями не только обучения русскому языку как иностранному в иранской аудитории, но также активного и правильного владения данным языком в неязыковой среде. Цель настоящей работы состоит в выявлении экспрессивных и оценочных конструкций, обозначающих разные интенции и эмоции в разговорной речи в русском языке и их аналогов в персидском языке. Контексты получены из системы «Национальный корпус русского языка». Анализ показал, что экспрессивные конструкции разговорной речи могут выражать различные интенции и эмоции в русском языке: удивление, согласие, возражение, предположение, отказ, сожаление, восхищение, возмущение, радость, огорчение, которые характерны и для персидского языка, но вследствие национального своеобразия в персидском языке данные интенции и эмоции имеют свои способы и средства выражения. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты настоящей статьи могут быть полезными для переводчиков, а также служить дополнительным материалом на занятиях для студентов, обучающихся на кафедрах РКИ иранских вузов по соответствующим учебным дисциплинам.

Ключевые слова: *экспрессивность, оценочность, эмотивность, разговорная речь, русский язык, персидский язык*

Для цитирования: Набати Шахрам, Мехтиханлы Севиндж. Экспрессивные и оценочные конструкции в русской разговорной речи и их эквиваленты в персидском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 28–36. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-28-36>

To the question of expressive and evaluative constructions that reflect different intentions and emotions in Russian colloquial speech and their expressions in Persian

Nabati Shahram¹, Mehdikhanli Sevinj²

^{1,2} *University of Guilan, Rasht, Iran*

¹ *shnabati@guilan.ac.ir*

² *smehdikhanli@guilan.ac.ir*

Abstract

This work analyzes expressive and evaluative constructions that objectify various intentions and emotions in Russian colloquial speech. People have different means and ways of expressing emotions. These differences are

observed not only among representatives of different peoples, but also among representatives of the same nation. Expressive and evaluative constructions are considered as important features of Russian communicative culture. The relevance of this work lies in the need to study the ways of expressing emotion, evaluation and expressiveness of Russian colloquial speech in an Iranian audience, since, without knowing the verbal forms of emotional interaction in society, learning the Russian language can be said to be unthinkable. Emotions are an integral part of the human personality and determine the national and cultural identity and uniqueness of this personality. Russian language is studied simultaneously with the study of the emotional layer of the Russian language and the assimilation by Iranian students of the information concerning the peculiarities of the linguistic consciousness and culture of the Russian people. Iranian students who study Russian outside the language environment, learn a new linguistic culture, comprehend emotional language and, one might say, an emotional picture of the world in the learning process. The relevance of the work is also determined by the goals and objectives of teaching Russian as a foreign language in an Iranian audience and correct language knowledges in a non-linguistic environment. The purpose of this article is to identify expressive and evaluative constructions denoting different intentions and emotions in Russian speech and their expression in Persian. Contextual analysis was carried out on the basis of authentic contexts obtained from the information and reference system "National Corpus of the Russian Language". The analysis showed that the expressive constructions of colloquial speech can express various intentions and emotions in the Russian language: astonishment, agreement, objection, assumption, refusal, regret, admiration, indignation, joy, chagrin, but due to national identity, in the Persian language these intentions and emotions have their own ways and means of expression. The theoretical and practical significance of the work lies in the fact that the results of the article can be used by students studying at the departments of Russian as a foreign language in Iranian universities as additional material in the relevant academic subjects, in university practice at different levels of teaching Russian and Persian languages, as well as by translators.

Keywords: *expressiveness, appraisal, emotivity, colloquial speech, Russian language, Persian language*

For citation: Nabati Shahram, Mehdi Khanli Sevinj. Ekspressivnyye i otsenochnyye konstruktсии v russkoy razgovornoy rechi i ikh ekvivalenty v persidskom yazyke [To the question of expressive and evaluative constructions that reflect different intentions and emotions in Russian colloquial speech and their expressions in Persian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 28–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-28-36>

Введение

Эмоции и оценка – составляющие состояния человека, играющие важную роль в его жизни, так как любое взаимодействие человека с окружающей его действительностью, с другими людьми сопровождается различными чувствами, эмоциями и оценкой. Именно поэтому данный вопрос всегда остается актуальным и исследуется различными науками.

Согласно словарю под редакцией М. Н. Кожинной, категория оценки – это «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [1, с. 140].

Л. А. Сергеева утверждает, что «оценка по своей природе концептуальна, так как она сравнивает действительность с идеализированной моделью мира» [2, с. 121].

В словаре лингвистических терминов под редакцией О. С. Ахмановой оценка определяется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. – как одно из основных частей стилистической коннотации» [3, с. 293].

Существуют разные определения категории оценки, в том числе структуры, происхождения и средств ее выражения, данные исследователями. Во всех вышеуказанных дефинициях оценки подразумеваются индивидуальные исследовательские подходы лингвистов, и все определения взаимодополняют друг друга. Однако следует отметить, что определение, данное в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, является более емким и лаконичным, в то же время актуальным для данной научной статьи.

В связи с наличием тесной связи между оценочностью и эмотивностью в реальной действительности также можно наблюдать проявление данной связи между эмоцией и оценкой. Исходя из вышесказанного, классификация эмотивных и оценочных слов в особые группы сопровождается рядом трудностей.

Следует отметить, что в работах ряда лингвистов эмотивность и оценочность рассматриваются вместе, исходя из того, что эмотивность сопровождается оценочностью. Так, Н. М. Павлова полагает, что «в структуре лексического значения слова эмотивность может присутствовать без

оценочности, хотя круг таких слов ограничен, но оценочность всегда сопровождается эмотивностью» [4, с. 54].

Имеются работы, в которых вышеуказанные категории рассматриваются лингвистами как самостоятельные составные части в значении слова. И. В. Арнольд утверждает, что «в состав лексического значения слова, помимо понятийного содержания, входят экспрессивный, эмотивный и оценочный компоненты, которые не следует смешивать» [5, с. 87]. Исходя из утверждения И. В. Арнольд, эмотивность и оценочность не совпадают и рассматриваются как два разных компонента.

Являясь одним из свойств языковой единицы, эмотивность тесно связана с выражением эмоций человека. Как отмечает В. Н. Телия: «сознание способно пропускать мир через себя, что предопределило необходимость эмоций как реакций на этот мир, желательных или нежелательных, заслуживающих одобрения или порицания» [6, с. 109]. В. И. Шаховский отмечает, что «эмоциональное отражение действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором субъект отражает мир и его предметы в форме эмоциональных образов» [7, с. 47].

Т. А. Трипольская в своей работе «Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты» выделяет понятие эмотивно-оценочного дискурса «как составной части дискурса в целом, вычленяемое ввиду важности сферы квалификативной и эмоциональной деятельности человека по ориентации в мире и его упорядочиванию, основными признаками которого являются наличие эмотивно-оценочной лексики, высокая степень экспрессивности, категоричность эмотивно-оценочного содержания» [8, с. 4].

Несмотря на различные взгляды и определения по поводу связи категорий эмотивности и оценочности, то, что данные категории считаются пересекающимися и есть возможность совмещения друг с другом, однако, несмотря на это, не совпадают, является наиболее убедительным.

Ввиду связи экспрессивности с познанием действительности данная категория тоже является одной из непростых в области лингвистики. Категория обладает свойством положительной и отрицательной характеристики значений языковых единиц. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой экспрессивность определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство

субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [9, с. 591].

Некоторые лингвисты рассматривают категорию экспрессивности в рамках других лингвистических категорий, указывая на непосредственную связь с ними. Так, В. Н. Телия рассматривает связь категории экспрессивности с категориями эмоциональности, образности, интенсивности, оценочности. В. Н. Телия называет экспрессивность «многокомпонентной категорией» и отмечает, что «экспрессивность является интегральным результатом реализации эмоциональности, оценочности, образности, интенсивности» [10, с. 26].

В своей работе Е. М. Галкина-Федорук указывает на необходимость разграничения этих двух понятий: «Выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна. Данные понятия обладают разными функциями. Эмоциональные элементы служат выражению чувств человека, в то время как экспрессивные средства служат усилению выразительности и изобразительности» [11, с. 121].

Все признаки категории экспрессивности взаимодополняют друг друга, так как выражают общее экспрессивное семантическое значение языковых единиц. Семантическая характеристика категории экспрессивности является основной, а остальные находятся с ней в отношении дополнительности.

Существует немало научных работ, рассматривающих связь категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности, чего нельзя сказать о соотношении категорий экспрессивности и оценочности и работах, посвященных данной проблеме.

Лингвисты, исследующие вопрос об оценочной функции экспрессивных средств языка, указывают на пересечение категории экспрессивности и оценочности, исключая возможность их совпадения друг с другом. Так, В. Н. Цоллер полагает, что «эти категории могут пересекаться в одном слове», т. е., если говорящий хочет выразить свое оценочное отношение к тому или иному явлению действительности, он выбирает экспрессивные языковые средства. Однако не всегда оценочность совмещается с экспрессивностью, так как некоторые слова имплицитно содержат оценку, и в них не всегда содержится экспрессивный семантический признак, т. е. вербальное выражение оценки не всегда экспрессивно» [12, с. 65].

В своей работе И. М. Гиндлина пишет, что «оценочность экспрессивна, однако экспрессивность не всегда оценочна» [13, с. 4].

По мнению В. К. Харченко, «оценочность представляет собой функциональную категорию; она меньше всего является „созначением“ и тем самым отличается от экспрессивности» [14, с. 67].

Наиболее подходящим из вышеуказанных суждений о связи категорий экспрессивности и оценочности является суждение о том, что категория экспрессивности считается более широкой, чем категория оценочности.

Материал и методы

В процессе исследования применялись как общенаучные (анализ, синтез, обобщение), так и частнонаучные (лингвистические) методы (описательный, сопоставительный, метод контекстуального анализа). Контекстуальный анализ осуществлялся на основе аутентичных контекстов Национального корпуса русского языка [15]. При переводе выражений в исследовании использовался «Русско-персидский словарь» [16].

Результаты и обсуждение

В данной работе рассматриваются экспрессивные конструкции и оценочные выражения, свойственные разговорному стилю речи. Приводятся экспрессивные конструкции, отображающие различные эмоции и интенции в разговорной речи в русском языке, и их выражения в персидском языке. Для лучшего понимания смысла эмоции и интенции дается их нейтральная конструкция.

Удивление – *تاادجоб (هэйрат)*¹

Экспрессивные конструкции ‘ничего себе!’, ‘надо же’, ‘вот это да!’, ‘да ты что?’ выражают сему ‘удивление’.

Экспрессивная конструкция ‘ничего себе!’ выражается в персидском языке словами ‘عجب!’; ‘وای!’ и употребляется для выражения удивления, недовольства или недоверия. Ее нейтральной конструкцией является ‘Не может быть!’:

(1) *Это велогонки «Тур де Франс». И вот уже в них участвуют женщины – ничего себе!* (Князева С. XX век берет разбег // Знание – сила. 2014).

این مسابقه دوچرخه سواری "تور دو فرانس" است. و اکنون زنان در آن تور ها شرکت می کنند - عجب!

Ин мосабеге дочархэ савари “тур ду франс” аст. Ва акнун занан дар ан турһа шеркат миконанд – аджаб.

¹ Здесь и далее в работе для удобства чтения мы приводим перевод примеров на персидский язык кириллицей. Для обозначения звуков, отсутствующих в русском алфавите, мы используем отдельные буквы латиницы, например h.

(2) *Я долго ломал голову, почему он подписался: «Ак. И. Роцин». Что за «Ак.»? И вдруг сообразил: академик. Ничего себе! А я-то считал его за простого инженера* (Сартаков. Горный ветер).

برای مدت طولانی گیج بودم که چرا او چنین امضا کرد: «اک. ای. روشین». «اک» چیست؟ و ناگهان متوجه شدم: آکادمیسین. چه جالب! و من فکر می کردم که او یک مهندس ساده است.

Барае моддатэ тулани гидж будам кэ чэра у чэнин эмза кард: «Ак. И. Роцин». «Ак.» чиства? нагэһан мотэваджеһ шодам: акадэмисиан. Чэ джалэб! Ва ман фэкр микардам кэ у ек моһандэс аст.

(3) – *И надо же – плохое настроение само собой куда-то улетучилось!* (Рик Т. Лекарство от плохого настроения // Мурзилка, 2002).

چه جالب - حال بد خود به خود ناپدید شد! - و

– *Ва чэ джалэб – һал бад ход бэ ход нападид шод!*

(4) *С какой-то глупой самодовольной внутренней ухмылкой, которой Новиков сам же застыдился, он подумал: «Вот это да, попал и я в номенклатуру»* (Гроссман В. Жизнь и судьба. Ч. 2. 1960).

نوویکوف با پوزخند درونی از خود راضی احمقانه، که خود او از آن خجالت می کشید، فکر کرد: "وای، من هم وارد فهرست اسامی شدم."

Новиков ба пузханд даруни аз ход рази, ке ход у аз ан хеджалат микешид, фекр кард: «Вай, ман һам варэд фэһрэст асами шодам».

(5) – *Сережка в школу пошел. – Да ты что? Когда? – Этой осенью! – Вот время идет!* (Геласимов А. Ты можешь. 2001).

سرپوزکا دیگر مدرسه ای شده. – *چی میگی؟ چه زمانی؟* - -

همین پاییز! - زمان چه زود می گذارد!

Серёжка дигяр мадрасэи шодэ. – Чи миги? Чэ замани? – һамин пайиз! – Заман чэ зуд мигозарад!

Согласие – *موافقت، رضایت (پاسخ مثبت)، резайат (пасохэ мосбат)*

Экспрессивные конструкции ‘А как же!’, ‘Еще бы!’ акцентируют внимание на семе ‘согласие’ и репрезентируют положительный ответ с оттенком удивления заданному вопросу.

Согласно словарю [16], в качестве переводного эквивалента конструкции ‘А как же!’ в персидском языке указывается слово *ма-гар мишавад*.

(6) – *Нет ли у Вас фоторобота? – спросил Шерлок Холмс секретаря. – А как же! – ответил радостно секретарь* (Карпов В. Э., Мещерякова Т. В. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // Информационные технологии, 2004).

- تصویر رایانه ای از چهره دارید؟ - شرلوک هولمز از منشی *شوود* نداشته باشیم! - منشی با خوشحالی جواب داد. پرسید. - *مگر می*

Тасвирэ райанэи аз чэхреһ дарид? – Шерлок холмс аз монии порсид – **магар мишавад надаштэһ башим!** – монии ба хошһали джаваб дад.

(7) – Да захочет ли он прийти к нам? – **Еще бы!** Он очень будет рад (Тургенев И. С. Накануне).

فکر می کنی او بخواد به 469 ما بیاید؟ - چرا که نه! او بسیار خوشحال خواهد شد.

– фэкр микони у бэхаһад бэ ма биайад? **Чэра кэ на!** у бэсъяр хошһал хаһад шод.

Возражение – مخالفت (اعتراض) **мохалэфат (этэраз)**

Конструкции ‘Ничего подобного!’, ‘Да ты что?’ выражают сему ‘возражение’. Эти конструкции употребляются как выражение решительного отрицания, несогласия. В русском языке нейтральными вариантами этих конструкций выступают ‘я не согласен’, ‘нет’, ‘это не так’ соответственно:

(8) – Почему ты говорил о рабочих так... раздраженно? – **Ничего подобного!** Откуда ты это взяла? (Горький М. Жизнь Клима Самгина).

– چرا در مورد کارگران اینقدر با عصبانیت صحبت کردی؟ - هیچ همچو چیزی نیست! از کجا اینو در آوردی؟

– чэра дар морэдэ каргяран ингадр ба асабанийат соһбат карди? – **һич һамчу чизи нист!** Аз коджа ино дар аворди?

(9) – Мне кажется, меня тоже убьют... – **Да ты что?!** – я пришел в полное изумление (Белусова В. Второй выстрел. 2000).

– به نظرم من را هم خواهند کشت... - چه می گویی؟! - من کاملاً حیرت زده شدم.

Бэ назарам ман ра хаһанд кошт... – **чэ мигуйи?!** – ман камэлан һэйрат задэһ шодам.

Предположение – (حدس، تصور) **гоман (һадс, тасаввор)**

Для выражения *предположения* в разговорной речи в русском языке употребляется конструкция ‘... что ли?’, который обозначает *наверное*,... Эта конструкция в словаре [16] переводится как *йани* *یعنی*:

(10) А когда на плохенькую репродукцию смотрели – всё чувствовали! Получается, зря ехали, что ли?! В Дрезден... Значит, зря (Гришковец Е. Одновременно. 2004).

– هنگامی که به یک تولید ضعیف نگاه می کردید، همه چیز را احساس می کردید! معلوم می شود که بیهوده رفتیم، یعنی؟! به درسدن ... پس بیهوده بود.

Нэнгами кэ бэ ек толидэ заиф нэгаһ микардид, һамэ чиз ра эһсас микардид! Малум мишавад кэ биһудэһ рафтим, **йани?!** Бэ Дрэсдэн ... пас биһудэһ буд.

Отказ – (رد) **джавабэ рад (рад)**

Конструкции ‘Ни за что!’, ‘Ну уж нет!’, ‘Я пас’ выражают сему ‘отказ’.

Конструкция ‘Ни за что!’ имеет значение ‘Нет. Никогда’, которая в персидском языке обозначается словом هرگز *һаргез*:

(11) – Чтобы наша дочь перешла в какое-то там лютеранство и протестантство – **ни за что!** (Рыбаков А. Тяжелый песок. 1975–1977).

– که دختر ما به لوترانیسم و پروتستانتیسم روی آورد - هرگز!

Кэ дохтарэ ма бэ лотеранисм ва протестантисм руй авард – **һаргез!**

Конструкция ‘Ну уж нет!’ в персидском языке может выражаться конструкцией **اصلاً و ابداً!** *Аслан ва абада*.

(12) Он, хромая, приковылял к двери, уселся перед ней и стал проситься на улицу. – **Ну уж нет!** – строго сказала мама. – Куда ты, такой дырявый, собрался? (Аромштам М. С. Мохнатый ребенок. 2010).

– او لنگان لنگان به سمت در رفت، جلوش نشست و شروع به کرد. - اصلاً و ابداً! - مامان خیلی جدی درخواست بیرون رفتن گفت. - "کجا میخوای بری با این سر و وضع؟"

– У ланган ланган бэ самтэ дар рафт, джэлуйаш нэшафт ва шору бэ дархастэ бирун рафтан кард. – **аслан ва абада!** – маман хэйли джедди гофт. Коджа михай бэри ба ин сар ва ваз?

Согласно «Русско-персидскому словарю» [16], в качестве переводного эквивалента конструкции ‘Я пас’ указывается оборот **مان تسليم من تاسليم**.

(13) – Извините. Я своих решений не меняю. – Тогда **я пас**, – сказал Петр. – Не хотите как хотите. А больше заплатить не сможем (Слаповский А. И. Большая Книга Перемен // Волга. 2010).

– ببخشید. من تصمیماتم را تغییر نمی دهم. - پیتر گفت: "پس من تسلیم." - هر طور میل شماست. اما ما نمی توانیم بیشتر پرداخت کنیم.

– бэбахшид. Ман тасмиматам ра тағйир нэмидам. Питер гофт: **пас ман таслим**. *һар тор мэйлэ шомаст*. Амма ма нэмитавањим биштар пардахт коним.

Сожаление – (تأسف) **афсус (таассоф)**

Конструкции ‘Я бы с удовольствием, но...’, ‘Увы!’ обозначают сему ‘отказ’ в разговорной речи.

Конструкция ‘Я бы с удовольствием, но...’ имеет нейтральный вариант ‘К сожалению, не могу. К сожалению, нет’. Эта конструкция обозначается в персидском языке словосочетанием **با کمال میل، اما...**

(14) **Я бы с удовольствием, но** у меня обе ноги левые, не представляю, как вы справитесь (Дворецкий Л. Шакалы. 2000).

– با کمال میل، اما من هر دو پای چپم را دارم، نمی چگوننه می توانید از پس این کار بر بیایید.

– *ба кямалэ мэйл, амма ман хар до пае чапам ра дарам, нэמידанам чэгунеш митаванид аз пасэ ин кар бар биайид.*

Информация о сожалении выражается также конструкцией **Увы!**, которая переводится в персидском языке словом *افسوس/афсус*.

(15) *А оставшейся мощности двум-трем колесам, увы, недостаточно* (Качурин Н. Крутящий момент истины // Автопилот. 15.02.2002).

- واما قدرت باقى مانده براى دو يا سه چرخ، افسوس، كافى نيست.

Ва амма годратэ баги мандэһ барае до йа сэ чарх, афсус, кафи нист.

В русском языке существуют экспрессивные конструкции, которые могут обозначать такие эмоции, как **восхищение, возмущение, радость, огорчение**. Перейдем к описанию этих конструкций.

Восхищение - (تحسين (شعف) **таһсин (шаф)**)

К экспрессивным конструкциям, обозначающим **восхищение** в разговорной речи, относятся такие, как **‘Ух ты!’**, **‘Вот это да!’**, **‘Ничего себе!’**. Эти конструкции в персидском языке переводятся как *عجب* *аджаб*, *نمیشه* *намише*, *بافارم* *баварам* *нэмишэ*, *شگفتا* *шэгфата* соответственно:

(16) – *А что такое сахарная пудра? – Наркотик. – Ух ты! А откуда у тебя наркотик? – Торговал когда-то* (Клепаков А. Опекун // Волга. 2016).

- پودر قند چیست؟ - مواد. - عجب! مواد را از کجا تهیه کردید؟ - یک زمانی تجارت می کردم.

Пудрэ ганд чист? Мавад. Аджаб! Мавад аз коджа таһайэ кардид? – ек замани тэджарат микардам.

(17) *Может, он хотел извиниться? 4 апреля 1995 года. Вот это да! Просто нет слов. Я каскету наконец посмотрел* (Геласимов А. Нежный возраст. 2001).

شاید او می خواست عذرخواهی کند؟ 4 آوریل، سال 1995. باورم همیشه! دیگر هیچ حرفی نیست. بالاخره نوار ویدئویی را دیدم.

Шайад у михаст озрхати конад? 4 аврилэ салэ 1995. Баварам нэмишэ! Дигар һич харфи нист. Бэл ахарэһ наварэ видэои ра дидам.

(18) – *У нас нет срочной работы? – едва ли не гневно воскликнул он. – Ничего себе! У нас нет срочной работы!* (Солженицын А. В круге первом. Т. 1, гл. 26–51 // Новый мир, 1990).

- کار فوری نداریم؟ - تقریباً با عصبانیت او فریاد زد. - شگفتا! ما کار فوری نداریم!

Карэ фори надарим? Тагрибан ба асабаният у фаръяд зад. Шэгфата! Ма карэ фори надарим!

Возмущение - (خشم (انزجار) **хашм (энзэджар)**)

К экспрессивным конструкциям, обозначающим **возмущение** в разговорной речи, относятся **‘Ну вообще!’**, **‘У меня нет слов!’**, **‘Безобразно!’**, **‘Ну, знаешь...’**, **‘Ну, знаешь ли...’**.

Эти конструкции в персидском языке обозначаются как *افتضاح* *афтэзаһ*, *من دیگر هیچ حرفی ندارم* *Ман дигар һич харфи надарам бэгуйам*, *این دیگر چه وضعی است* *ин дигар чэ вази аст*, *ببین* *бэбин*, *می دانی که* *ми дани кэ* соответственно:

(19) *Но я считаю, что это «женские штучки», ибо возможности, которые он предоставляет, и качество снимков — ну вообще!* (Выбор цифрового фотоаппарата. 2007–2008).

اما من فکر می کنم که اینها "ترفندهای های زنانه" هستند، زیرا فرصت هایی که او ارائه می دهد و کیفیت تصاویر - افتضاح!

Амма ман фэкр миконам кэ инһа тарфандһае зананэһ һастанд, зира форсатһайи кэ у эрэ мидадһад ва кэйфијатэ тасавир – афтэзаһ!

(20) – *Я только что это прочел! – кричал Вельтман. – У меня нет слов!* (Галкина Н. Вилла Рено // Нева. 2003).

- من تازه خوندمش! - ولتمن فریاد می زد. - من دیگر هیچ حرفی ندارم بگویم!

Ман тазэһ хундамэш! Вэлтман фаръяд мизад. Ман дигар һич харфи надарам бэгуйам.

(21) *Возмущённый постоялец обращается к хозяину гостиницы: – Безобразие! У вас худая крыша! Дождевая вода капает мне прямо на кровать!* (Коллекция анекдотов: гостиница. 1970–2000).

مهمان عصبانی خطاب به صاحب هتل می گوید: - این دیگر چه وضعی است! سقف اتاق خراب است! آب باران درست روی تخت من چکه می کند!

Мэһманэ асабани хатаб бэ саһэбэ хотэл мигуйад: ин дигар чэ вази аст! Сагфэ отаг хараб аст! Абэ баран дорост руе тахтэ ман чэккэ миконад!

(22) – *Ну знаешь, за героев всегда так волнуешься, пока читаешь* (Аромштам М. С. Мохнатый ребенок. 2010).

- ببین، در حین خواندن برای شخصیت ها همیشه هیجان زده می شوی.

Бэбин, дар һэйнэ хандан барае шахсийатһа һамишэһ һайаджан задэһ мишави.

(23) – *Такие большие друзья? – Птицы... – Ну, знаешь ли, птица птице рознь.* (Соломатина Т. Отойти в сторону и посмотреть. 2011).

- این قدر دوستان خوبی هستند؟ - پرندگان ... - خوب، می دانی که، پرندۀ داریم تا پرندۀ.

Ин гадр дустанэ хуби һастанд? – парандэган... хоб, мидани кэ, парандэһ дарим та парандэһ.

Радость - (خوش حالی) **шадмани (хошһали)**

Экспрессивные конструкции **‘Ура!’**, **‘Здорово!’**, **‘Круто!’**, **‘Классно!’** обозначают радость, конструкции **‘Да?!’**, **‘Да ладно...’** также обозначают радость, но с оттенком недоверия и соответствуют персидским эквивалентам *هورا* *һура*,

واقعا، باحالە، *Маһиарэ*، محشره *Аали*، *вагэан*، *ولش کن*، *кон* соответственно:

(24) **Ура!!!** Я понял!!! Я понял, откуда у Солопова фамилия! (Переписка в icq между agd-ardin и Колочий друг. 18.12.2007).

- **هورا!!**!! من فهميد!! فهميد نام خانوادگی سولوپوف از کجا آمده است!

هура!!! Ман фаһмидам!!! Фаһмидам намэ ханэвадэгие солопоф аз коджа амадэһ аст!

(25) – **Здорово!** – сказала Белка, когда сели на крыльце пить чай (Козлов С. Кит // Мурзилка. 2003).

- **عالی!** - گفت بلکه، وقتی نشستند در ایوان تا چای بنوشند.

Аали! – гофт Бэлка, вагти нешастанд дар эйван та чай бэнушанд.

(26) – **А теперь, наверное, снова буду.** – **Круто!** – Машка явно была поражена. (Клепаков А. Опекун // Волга. 2016).

- حالا، احتمالاً، دوباره این کار را خواهیم کرد. - **محشره!** - ماشا به وضوح شگفت زده شده بود.

hala, *эһтэмалан*, *добарэһ ин кар ра хаһам кард*. **Маһиарэ!** Маша бэ возуһ шэгэфт задэһ шодэһ буд.

(27) Я ничего не понял в их разговоре. Но все равно интересно! И **классно!** (Клетинич Б. Е. Мое частное бессмертие // Волга. 2016).

- من از صحبت آنها چیزی نفهمیدم. اما همچنان جالب است! و - **باحاله!**

Ман аз соһбатэ аһна чизи нафаһмидам. Амма һамчэнан джалэб аст! Ва **баһалэ!**

(28) – Вы знаете новость? Петров женился. – **Да?!** А я и не знал.

- خبر داری؟ پتروف ازدواج کرد. - نه بابا؟! من نمی دانستم.

- **Хабар дари?** Петров эдэвадж кард. – **На баба?!** Ман немиданестам.

(29) – Да нет, я хотел про наших учителей рассказать, про сельских... – Ну? – **Да ладно!** – Да что же «ладно»? Расскажи (Шукшин В. Печки-лавочки. 1970–1972).

- نه بابا، من می خواستم از معلمانمان بگویم، در مورد روستایی... - - خوب؟ - **ولش کن!** - یعنی چه "ولش کن"؟ تعریف کن.

На баба, ман михастам аз моаллэман бэгуйам, дар морэдэ рустайи... хоб? – **Вэлэш кон!** – Йяни чи «вэлэш кон»? Тариф кон.

Огорчение – *تاثير (تاسف) таассор (таассоф)*

Конструкции '**Ну вот...**', '**Как жаль...**' обозначают огорчение в разговорной речи. Эти конструкции в персидском языке переводятся как *خوب* *хоб*, *چه تاسف آور است* *Чэ таассоф авар аст* кэ соответственно:

(30) – Ну вот, четвертую попытку тоже можно считать неудавшейся, – чуть грустно улыбался я (Клепаков А. Опекун // Волга. 2016).

- **خب،** چهارمین تلاش را هم می توان ناموفق دانست، - لبخند غمگینی می زدم من.

Хоб, чаһаромин талаш ра һам митаван намоваффаг данэст, – Лабхандэ гамгини мизадам ман.

(31) **Как жаль, что я совершенно ничего об этом не знаю** (Улицкая Л. Казус Кукоцкого // Новый мир. 2000).

- **چه تاسف آور است** که من چیزی در موردش نمی دانم.

Чэ таассоф авар аст кэ ман чизи дар морэдэи нэмиданам.

Заклучение

Человек познает мир, окружающую действительность, проявляет свои положительные и отрицательные чувства и эмоции. Многие лингвисты отмечают, что не следует недооценивать эмоции человека и оставлять их вне лингвистических исследований. Язык служит для номинации, выражения и описывания эмоций, также формирует эмоциональную картину мира людей, являющихся представителями той или иной культуры. Сами эмоции и способы их выражения в языке занимают одно из главных мест среди научных тем изучения современной лингвистики, которая анализирует эмоции в узком и широком смысле. В узком смысле категория эмотивности соотносится с эмотивной лексикой, рассматривается как отдельный компонент коннотации или в совокупности с экспрессивностью и оценочностью. При широком понимании данная категория включает в себя все языковые средства выражения эмоций и эмоциональной языковой личности. Экспрессивность как лингвистическая категория характерна для русского и персидского языков. Одновременно данная категория характеризуется национальным своеобразием, так как экспрессивность каждого языка выражается по-своему и имеет свои способы и средства выражения. В русском языке экспрессивные конструкции разговорной речи выражают различные эмоции и интенции, такие как удивление, согласие, возражение, предположение, отказ, сожаление, восхищение, возмущение, радость, огорчение и т. д. Данные эмоции и интенции характерны и для персидского языка, но вследствие национального своеобразия, как и указывалось выше, имеют свои способы и средства выражения, т. е. выражаются по-своему. Анализ данных показывает, что «настоящая» структура русских экспрессивных и оценочных конструкций в персидском языке также в большей степени выражается с помощью «глагольной модели», что структура «существительное со значением эмоционального состояния + глагол» из подгруппы сложного глагола является наиболее повторяющейся. Остальные конструкции преимущественно выражаются с помощью «именной модели». Исследование показывает, что в персидском языке не представляется возможным точно предоставить модель перевода и выражения чувств в различных синтаксических структурах русского языка.

Список источников

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
2. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. Текст. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
3. Словарь лингвистических терминов / под ред. О. С. Ахмановой. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
4. Павлова Н. М. О соотношении понятий «экспрессивность» и «эмоциональность» и об уточнении их лингвистической сущности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д., 1987. С. 47–54.
5. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвуз. конф. / отв. ред. В. А. Ильиш. Л., 1970. С. 87–90.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
7. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 128 с.
8. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999. 166 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая рос. энциклопедия, 1998. 685 с.
10. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
11. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сб. ст. по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103–124.
12. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. 1996. № 6. С. 62–72.
13. Гиндлина, И. М. Экспрессивные словообразовательные средства в художественной речи и способы их передачи при переводе: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 215 с.
14. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // РЯШ. 1976. № 3. С. 66–71.
15. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.12.2021).
16. Восканян Г. А. Русско-персидский словарь: ок. 30 000 слов. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. 865 с.

References

1. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. M. N. Kozhina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 696 p. (in Russian).
2. Sergeeva L. A. *Problemy otsenочноy semantiki. Tekst* [Problems of evaluative semantics. Text]. Moscow, MGOU Publ., 2003. 140 p. (in Russian).
3. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Ed. O. S. Akhmanova. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. 608 p. (in Russian).
4. Pavlova N. M. O sootnoshenii ponyatiy "ekspressivnost'" i "emotsional'nost'" i ob utochnenii ikh lingvisticheskoy sushchnosti [On the relationship between the concepts of "expressiveness" and "emotionality" and on clarifying their linguistic essence]. In: *Problemy ekspressivnoy stilistiki* [Problems of expressive stylistics]. Rostov-on-Don, 1987. Pp. 47–54 (in Russian).
5. Arnol'd I. V. Emotsional'nyy, ekspressivnyy, otsenочnyy i funktsional'no-stilisticheskiy komponenty leksicheskogo znacheniya [Emotional, expressive, evaluative and functional-stylistic components of lexical meaning]. *XXII Gertsenovskiyе chteniya. Inostrannyye yazyki: materialy mezhvuzovskoy konferentsii* [XXII Herzen Readings. Foreign languages: materials of the interuniversity conference]. Leningrad, 1970. Pp. 87–90 (in Russian).
6. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 143 p. (in Russian).
7. Shakhovskii V. I. Emotsii: *Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* [Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguoculturology]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 128 p. (in Russian).
8. Tripol'skaya T. A. *Emotivno-otsenочnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects]. Novosibirsk, 1999. 166 p. (in Russian).
9. *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. Ed. V. N. Yartseva. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. 685 p. (in Russian).

10. Teliya V. N. *Ekspressivnost' kak proyavleniye sub'yektivnogo faktora v yazyke i yego pragmaticheskaya oriyentatsiya* [Expressiveness as a manifestation of the subjective factor in language and its pragmatic orientation]. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Iazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* [The human factor in language: Linguistic mechanisms of expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Pp. 36–66 (in Russian).
11. Galkina-Fedoruk E.M. *Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke. Sbornik statey po yazykoznaniyu* [About expressiveness and emotionality in language. Collection of articles on linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1958. P. 103–124 (in Russian).
12. Collier V. N. *Ekspressivnaya leksika: semantika i pragmatika* [Expressive vocabulary: semantics and pragmatics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1996, no. 6, pp. 62–72 (in Russian).
13. Gindlina I. M. *Ekspressivnyye slovoobrazovatel'nyye sredstva v khudozhestvennoy rechi i sposoby ikh peredachi pri perevode*. Dis. kand. filol. nauk [Expressive word-formation means in artistic speech and ways of their transmission in translation. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1999. 215 p. (in Russian).
14. Kharchenko V. K. *Razgranicheniye otsenocnosti, obraznosti, ekspressii i emotsional'nosti v semantike slova* [The distinction between evaluativeness, figurativeness, expression and emotionality in the semantics of the word]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 1976, no. 3, pp. 66–71 (in Russian).
15. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language] (in Russian). URL: www.ruscorpora.ru. (accessed 10 December 2021).
16. Voskanyan G. A. *Russko-persidskiy slovar': okolo 30 000 slov* [Russian-Persian Dictionary: 3000 words]. Moscow, AST, Vostok – Zapad Publ., 2008. 865 p. (in Russian).

Информация об авторах

Набати Шахрам, кандидат филологических наук, ассистент, Гилянский университет (пр. Халидж Фарс, 1841, Решт, Иран).

E-mail: shnabati@guilan.ac.ir

Мехтиханлы Севиндж, кандидат филологических наук, ассистент, завкафедрой, Гилянский университет (пр. Халидж Фарс, 1841, Решт, Иран).

E-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir

Information about the authors

Nabati Shahram, Candidate of Philology, is Assistant Professor, lecturer, University of Guilan (Khalij Fars highway (5th km of Ghazvin road), 1841, Rasht, Iran).

E-mail: shnabati@guilan.ac.ir

Mehdikhanli Sevinj, Candidate of philology, Assistant Professor, head of the Department of Russian Language, University of Guilan (Khalij Fars highway (5th km of Ghazvin road), 1841, Rasht, Iran).

E-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir

Статья поступила в редакцию 05.08.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 05.08.2023; accepted for publication 23.03.2024

РОМАНСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.134.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-37-46>

Процесс грамматикализации перифразы «*estar* + герундий» в средневековом испанском языке

Светлана Алексеевна Алыпova

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
alypova_sveta@mail.ru

Аннотация

Герундиальные перифразы широко распространены в испанском языке и занимают особое место в грамматической системе языка. Наиболее частотной в их ряду является перифраза «*estar* + герундий». Исследовательский интерес вызывает процесс вхождения данной перифразы в активное употребление, то есть процесса ее грамматикализации в средневековый период развития испанского языка. Актуальность исследования обусловлена отсутствием подобного анализа, основанного на корпусах исторических текстов, в отечественной иберо-романистике. Материалами исследования послужили тексты XII–XV вв., обнаруженные в корпусах El Corpus Diacrónico del Español (CORDE) и Corpus del Español: Genre/Historical. При помощи структурно-диахронного метода анализа последовательно рассматриваются несколько этапов грамматического и лексического расширения в употреблении исследуемой конструкции. В процессе исследования выявлено, что уже с XIII в. перифраза активно внедряется в систему языка в качестве грамматически устойчивого глагольного сочетания, а впоследствии значительно расширяется ее лексическая и грамматическая сочетаемость. К XV в. грамматикализация достигает максимума, и перифраза уже используется во всех возможных временах и наклонениях так же, как и в современном языке. Важно отметить семантику глаголов, встраивающихся в состав перифразы в качестве полнозначных: чаще всего в рассмотренный средневековый период в этой позиции встречаются глаголы, обозначающие восприятие и умственную деятельность. С акциональной точки зрения зачастую это глаголы-состояния. Судя по всему, для сочетания с глаголом-состоянием *estar* другим глаголам необходимо было также обладать стативными характеристиками. Интересно, что в настоящее время, напротив, стативные глаголы наименее частотны в составе рассматриваемой перифразы, если ориентироваться на анализ текстов из корпусов современного испанского языка. Материалы и результаты статьи могут быть полезны специалистам в области исторической грамматики испанского языка, а также исследователям герундиальных перифраз.

Ключевые слова: грамматикализация, исторические корпуса, перифраза «*estar* + герундий», средневековый испанский язык

Для цитирования: Алыпova С. А. Процесс грамматикализации перифразы «*estar* + герундий» в средневековом испанском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 37–46. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-37-46>

ROMAN AND GERMANIC LANGUAGES

Periphrasis “*estar* + gerund”: process of grammaticalization in medieval Spanish

Svetlana A. Alypova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, alypova_sveta@mail.ru

Abstract

Verbal periphrases with gerund occupy a special place in the grammatical system of Spanish. These constructions are composed of an auxiliary verb in a conjugated form and a main verb in an impersonal form of gerund. Among them, the most frequent is the periphrasis “*estar* + gerund”. Thus, the study of the process of its grammaticalization in the medieval period of the Spanish language represents an exceptional interest. The relevance of the research is due to the absence of such an analysis based on the corpora of historical texts in studies on Ibero-Romance linguistics

written in Russian. The materials of the study are the texts of the XII–XV centuries taken from the Spanish corpora *El Corpus Diacrónico del Español (CORDE)* and *Corpus del Español: Genre / Historical*. The methods of grammatical, semantic, and aspectual interpretation were used to analyse the found contexts. Several stages of grammatical and lexical expansion in the use of the studied construction are consistently considered. It was revealed that since the XIII century the periphrasis was actively introducing into the language system as a grammatically stable verb combination. Subsequently its lexical and grammatical compatibility was significantly expanded. By the XV century, grammaticalization reached its maximum and the periphrasis was already used in all possible tenses and moods, just as in modern language. It is important to note that most often in the medieval period under consideration, verbs semantically denoting perception and mental activity took the position of the main verb of the periphrasis. From an actional point of view, these are often stative verbs. Apparently, in order to combine with the stative verb *estar*, other verbs also needed to have stative characteristics. At present, on the contrary, stative verbs are the least frequent in the position of the main verb of the periphrasis under consideration, according to analysis of texts from the corpus of modern Spanish.

Keywords: grammaticalization, historical corpora, periphrasis "estar + gerund", medieval Spanish

For citation: Alypova S. A. Protseß grammatikalizatsii perifrasy "estar + gerundiy" v srednevekovom ispanskom yazyke [Periphrasis "estar + gerund": process of grammaticalization in medieval Spanish]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 37–46 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-37-46>

Введение

Герундиальные перифразы в испанском языке представляют собой особые грамматические единства – сочетания вспомогательного глагола (например, *estar*, *ir*, *venir* или *andar*), обладающего всеми базовыми грамматическими характеристиками (время, лицо, число, наклонение), но утратившего либо редуцировавшего свое семантическое значение, и полнозначного глагола, несущего основную лексико-семантическую нагрузку и стоящего в нефинитной форме герундия.

Исследование процесса грамматикизации наиболее распространенной герундиальной перифразы испанского языка «*estar* + герундий» можно считать актуальным, поскольку в отечественной науке отсутствуют подобные исследования, основанные на материалах исторических корпусов. Следует также отметить, что из всех романских языков герундиальные перифразы получили наибольшее развитие и распространение в иберо-романской подгруппе. В связи с этим диахронический анализ средневекового состояния испанского языка и становления грамматики перифраз при переходе из латыни представляет исследовательский интерес.

Материал и методы

Материалами исследования послужили исторические корпусы испанского языка *El Corpus Diacrónico del Español (CORDE)*¹ и *Corpus del Español: Genre/Historical*². Абсолютное большинство примеров для настоящей статьи обнаружено в данных корпусах, за исключением не-

скольких примеров из работы испанской исследовательницы А. Ильеры *Sintaxis histórica del verbo español: las perífrasis medievales* [1], составившей для нас, помимо прочих теоретических работ, основную методологическую базу.

В исследовании используется структурно-диахронный метод анализа, предполагающий опору на контексты, с целью выявления исторического развития рассматриваемого глагольного сочетания и его грамматикизации.

Результаты и обсуждение

Диахроническое исследование грамматических конструкций испанского языка необходимо начать с «предка» испанского – латыни. Следует прокомментировать отмечаемое в работе американских лингвистов Дж. Байби, Р. Перкинса и У. Пальюка происхождение прогрессивного³ значения из значения нахождения в пространстве (стативного положения или движения) [2, с. 129–133]. В большинстве языков мира вспомогательные глаголы, используемые для обозначения прогрессивности, имеют именно такую первичную семантику. Исследователи подчеркивают следующее: «Испанским вспомогательным глаголом, образующим прогрессивную конструк-

³ Согласно многочисленным исследованиям, написанным как на английском ([2, 3, 4] и др.) или на русском языке ([5, с. 181–186; 6, с. 47–48] и др.) с привлечением испанского материала, так и на испанском языке ([7; 8, с. 1685, 1688, 1710, 1762] и др.), по отношению к категории аспекта, выражаемой герундиальными перифразами, применяется термин «прогрессив» (*progressive*, *progresivo*). Таким образом, в рамках данной работы мы придерживаемся общепринятого, традиционного термина и обозначаем аспектуальное значение, реализуемое перифразой «*estar* + герундий», испанским прогрессивом.

¹ <https://corpus.rae.es/cordenet.html>

² <https://www.corpusdelespanol.org/hist-gen/>

цию с причастием настоящего времени¹, является глагол *estar*, который происходит от латинского *stare*, означающего ‘стоять’. Однако к тому времени, когда развился испанский прогрессив², вероятно, от данного специфического значения *estar* практически ничего не осталось. С другой стороны, употребление *estar*, в отличие от другого испанского глагола-связки *ser*, сохраняет некоторые нюансы локативной и позиционной семантики, поскольку именно *estar* всегда используется для обозначения местоположения и временных состояний»³ [2, с. 130].

Следует отметить, что еще в классической, а позднее и в народной латыни наблюдались сочетания глаголов *esse*, *stare*, *ire* и *sequi* с причастием настоящего времени. А. Ильера цитирует пример из Плавта («Пуниец», приблизит. 195–189 до н. э.), в котором сочетание действительного причастия глагола *scire* ‘знать’ с глаголом *esse* – *ut sis sciens* ‘чтобы ты знал’ – употребляется в том же значении, в котором употреблялась простая форма глагола *scire* – *ut scias* ‘чтобы ты знал’. Исследовательница отмечает, что уже в ту эпоху наблюдалась грамматическая избыточность, создающая эффект прогрессивности [1, с. 22]. Говоря о процессе развития герундиальных перифраз, мы рассматриваем в том числе сочетания с действительными причастиями настоящего времени. По наблюдениям ученых, даже в классическую эпоху порой отсутствовало различие форм причастия настоящего времени, герундия и герундива в связи с их фонетическим сходством, что приводило к грамматическому смешению. Например, сочетание аблатива герундия с глаголами *stare* и *ire* зафиксировано даже в документах позднелатинского периода. Данный феномен получил активное развитие в народной

латыни, что впоследствии привело к распространению подобных аналитических конструкций почти на всей территории Древней Романии (за исключением восточно-романских языков). Как известно, наиболее широко герундиальные перифразы представлены в языках иберо-романской подгруппы.

Глагол *stare* в сочетаниях с причастиями настоящего времени изначально сохранял свое основное пространственное значение – ‘стоять’. В качестве примера можно привести фрагмент из «Энеиды» Вергилия (книга VI, строка 313): **Stabant orantes primi transmittere cursum**⁴, который в переводе на русский язык С. А. Ошеровым звучит следующим образом: «Все умоляли, чтобы их переправил первыми старец» [10, с. 249]. Однако в этом переводе совершенно неочевидно сохранение упомянутого первоначального значения глагола *stare*. Наоборот, складывается впечатление, что уже в I в. до н. э. наблюдается реализация искомого значения перифразового сочетания: то есть фиксация на процессуальности, «сиюминутности» действия, рассматриваемого в определенный промежуток времени. Однако, для того чтобы понять, каким образом данная фраза понималась древними, обратимся к «Поэтике» Юлия Цезаря Скалигера, которая цитируется во второй главе научной монографии под редакцией Ю. В. Ивановой и М. В. Шумилина «Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков»: «А хочешь еще на другом примере увидеть, как тягучая медлительность прямо так и встает перед глазами? Stabant orantes primi transmittere cursum. Ведь вместе с ними и стих стоит» [11]. Таким образом, автор данной главы М. В. Шумилин переводит этот фрагмент уже совсем по-иному: «Там стояли просящие, чтобы их перевезли первыми», такой вариант грамматически ближе к оригиналу.

Конструкция, состоящая из причастия/герундия в сочетании с глаголом *estar* в упомянутом выше значении, заимствованном из латыни (то есть ‘стоять’), в средневековом испанском романсе практически вышла из употребления. Например, в памятнике испанской литературы XII в. «Песне о моем Сиде» наблюдается полное отсутствие подобного значения в данных грамматических конструкциях [12, с. 672–674]. Сохраняется иное оригинальное значение глагола *estar* – ‘находиться в каком-либо месте’. Как отмечают исследователи Ж. Бузе и М. Коме-Колото, глагол *stare* утратил свое латинское значение «вертикального положения», что привело к расширению его употребления: на

¹ Крайне интересно отметить данную ошибку исследователей: в современном испанском языке *нет* причастий настоящего времени. Однако исторически, как отмечается ниже, они действительно использовались в этих конструкциях, но впоследствии форма причастия настоящего времени смешалась с формой герундия из-за фонетической схожести.

² В данной работе, так же как и, например, в труде Е. В. Горбовой [5], используется принятое в типологически ориентированной литературе различие на письме граммемы, рассматриваемой как один из элементов универсальной грамматики, наименование которой пишется только со строчной буквы, и граммемы, характерной для каждого конкретного языка, чье название дается с прописной буквы.

³ The Spanish auxiliary that produces a progressive construction with the present participle is *estar*, which comes from the Latin *stare* meaning ‘to stand’. However, by the time the Spanish Progressive developed, probably very little of the specific postural meaning of *estar* remained. On the other hand, the uses of *estar* in contrast with the other Spanish copula, *ser*, retain some locative and postural nuances, as it is *estar* that is always used for location and temporary states [2, с. 130].

⁴ Латинский текст приводится по изданию [9].

первом этапе изменений – к использованию в локативных конструкциях, а на втором этапе – к использованию с прилагательными, таким образом составляя конкуренции глаголу *esse* [13, 14]. Именно к локативному значению зачастую и присоединялся герундий для обозначения каких-либо дополнительных обстоятельств. По наблюдениям исследователей, изначально сочетание герундия с глаголом *estar* имело значение ‘пробывать в каком-то месте, занимаясь чем-либо’:

- (1) <...> **ý estava** doña Ximena con cinco dueñas de pro,
rogando a San Pero e al Criador <...>
El Cantar de Mio Cid, XII – нач. XIII в.
 ‘<...> Там донья Химена с пятью знатными дамами
 Молят святого Петра и творца <...>’¹
 (2) **En la grand Boloña estando** el martes
 a los escolares las Artes **leyendo**,
 e a los doctores de rrason **vençiendo** <...>
El cancionero de Baena, XV в.
 ‘В Болонье будучи во вторник,
 школярам про искусства читая,
 а ученых разумом побеждая <...>’

В примерах (1) и (2) две глагольные формы находятся на значительном расстоянии друг от друга, а также обязательно присутствует обстоятельство места (подчеркнуто). Подобные примеры могли бы быть обнаружены и в языках, которым чужды перифразовые единства. Приведем также примеры, где присутствует обстоятельство места, но герундий непосредственно следует за глаголом *estar*:

- (3) Mio Cid don Rodrigo **en Valencia está folgando** <...>
El Cantar de Mio Cid.
 ‘Мой Сид в Валенсии отдыхает’
 (4) **Ally estan esperando** qual avra
 el rico tuero <...>
Juan Ruiz, Arcipreste de Hita. Enximplo de la propiedat que'l dinero ha. I-я пол. XIV в.
 ‘Там они ждут, когда умрет следующий богач <...>’

В примерах (3) и (4) глагол *estar* уже не обозначает только местоположение. Здесь проявляется значение глагола, известное еще с первых литературных памятников, – ‘находиться в каком-либо состоянии, в какой-либо ситуации’, то есть уже не прямое, а **переносное** пространственное значение.

Комментируя употребление глагола *estar* в контекстах, указывающих на локализацию в пространстве (в которых он тогда еще конкурировал с глаголом *ser*), Ж. Рока-Понс отмечает, что еще

в классическую эпоху глагол *estar* использовался также и для указания на локализацию во времени [15, с. 220–222]. Рассматривает иное переносное употребление *estar* и Ж. Бузе, оно происходит из употребления данного глагола в конструкциях, грамматически схожих с конструкциями места (состояния с предлогом места): *estar en deleit* ‘наслаждаться’ <досл. *быть в наслаждении*>; *estar en dubda* ‘пребывать в сомнении’; *estar en queixa* ‘жаловаться’ <досл. *быть в жалобе*> и др. [13, с. 49]. Также Ж. Бузе указывает на существующее в эпоху средневекового романа употребление *estar* в сочетании с совокупностью «признаков, которые имели начало и могут иметь конец, рассматриваемых, следовательно, с точки зрения продолжительности и действительных только в актуальный момент»² [13, с. 47]. Видимо, именно в связи с этим переносом смысла впоследствии глагол *estar* в сочетании с герундием и стал утрачивать свое прямое пространственное значение, а перифразовые конструкции получили развитие.

Следуя за хронологическим развитием рассматриваемого сочетания «*estar* + герундий» в средневековом романе, для начала нужно обратиться к XII в. и эпическому произведению «Песнь о моем Сиде». К сожалению, нам не удалось найти в корпусах примеров из иных литературных источников той эпохи. Крупнейший исследователь данного эпоса Р. Менендес Пидаль, анализируя «Песнь о моем Сиде», отмечает еще одно важное значение глагола *estar* – не просто ‘стоять прямо’, ‘находиться в состоянии покоя’, но в том числе и ‘оставаться спокойным’, ‘оставаться на месте’ (*detenerse, quedarse quieto*), а также впоследствии производное от него – ‘оставаться, делая что-то’, ‘задержаться, продолжая делать что-либо’ (*quedarse haciendo algo*) [16, с. 214]. Пример (5), следовательно, можно трактовать как *se quedaba mirándolos* или *permanecía mirándolos* – ‘оставался (неподвижным), смотря на них’. Согласно терминологии А. Ильеры, такое акциональное значение может рассматриваться как «инцептивно-континуативное» (*inceptivo-continuativo*), а в рамках концепции С. Г. Татевосова мы бы определили его как «инцептивно-стативное», то есть «вхождение в состояние» [17]:

- (5) De los sos ojos tan fuertementre llorando,
 tornava la cabeça e **estávalos catando** <...>
El Cantar de Mio Cid.

‘Громко и горько плача,

² «...carácteres que han tenido comienzo y pueden tener fin, vistos, por consiguiente, bajo el aspecto de duración y valederos solo para la actualidad» [13, с. 47].

¹ Здесь и далее перевод на русский наш. – С. А.

Голову поворачивал и смотрел на них <...>¹

В своей работе А. Ильера отмечает один¹ интересный пример употребления сочетания «*estar* + герундий», где проявляется инцептивное значение в форме имперфекта, являющегося последним звеном в цепочке действий, выраженных простым перфектом, что чуждо современному языку:

(6) *assi commo entraron al Çid besaron le las manos, sonrrisos mio Çid, estavalos hablando...*

El Cantar de Mio Cid.

‘как только они вошли, Сиду поцеловали руки, улыбнулся им мой Сид, разговаривал с ними...’

Говоря об общей семантике рассматриваемого сочетания в тексте «Песни о моем Сиде» (кроме представленного выше примера), следует подчеркнуть именно то значение, которое свойственно современному языку: ‘состояние или действие, обладающее определенной длительностью и представленное в развитии, происходящее параллельно с другим действием или происходящее в тот же момент, что и другое действие, имеющее более точечный характер’. Необходимо отметить, что в «Сиде» рассматриваемая конструкция употребляется только в тех временах, которые способны выражать данное значение: в настоящем времени (семь примеров) и в имперфекте (три примера), а в перфективных временах она не встречается.

Также следует отметить такой важный факт языка того периода, как «предпочтение» глаголом *estar* одушевленных подлежащих. В этот период глагол *estar* все увереннее вытесняет *ser* в значении местонахождения и обозначает «ситуацию, следующую за каким-либо движением, предполагающую изменение» [13, с. 44]. По-видимому, именно поэтому он и употреблялся с одушевленными подлежащими, ведь предметам не свойственно самопроизвольное движение, изменение местоположения. Например, в «Песне о моем Сиде» ни разу не встречается сочетание «*estar* + герундий» с неодушевленным подлежащим.

Наиболее употребительны в составе рассматриваемой конструкции глаголы, обозначающие восприятие и умственную деятельность, так как именно они передают пребывание в некоем состоянии, не действие – значение, судя по всему,

необходимое в ту эпоху для сочетания с глаголом состояния *estar*. Интересно, что в современном языке, напротив, стативные глаголы наименее частотны в составе рассматриваемой перифразы. Например, в «Песне о моем Сиде» можно отметить три примера с глаголом *catar* ‘смотреть’, один – с *aguardar* (в значении *guardar* ‘смотреть’), один – с *parar mientes* ‘думать о чем-либо, замечая что-либо’. Также возможны сочетания с глаголами речи (*fablar* ‘говорить’, *bendecir* ‘благословлять’, *llamar* ‘звать’), здесь вероятна реализация значения *quedarse haciendo algo* – ‘задерживаться, занимаясь чем-либо’.

Таким образом, в данный период можно отметить лишь слабую делексистикацию глагола *estar* в сочетании с герундием, пока грамматикализация перифразы не имеет места.

Сочетание «*estar* + герундий» все активнее грамматикализуется в XIII в. Глагол *estar* отдален от своего оригинального значения. Практически отсутствует использование изучаемой конструкции в значении *quedarse* – ‘остаться, задержаться в каком-либо состоянии’, но все больше развивается значение *permanecer* – ‘пребывать, находиться в каком-либо состоянии’. Чаще всего данная конструкция, судя по корпусным данным, все так же используется в имперфекте. Самым распространенным значением становится обозначение действия в развитии, на фоне которого происходит некое точечное действие (7). В настоящем времени конструкция также нередко используется: она обозначает действие, происходящее в момент речи, и достаточно часто встречается в диалогах (8). Данные примеры заимствованы из корпуса CORDE, оба из сборника поучительных рассказов *Calila e Dimna*:

(7) ...et preguntó a unos omnes que **estavan fablando**, et díxoles...

‘...и спросил он нескольких человек, которые разговаривали, и сказал им...’

(8) et dixo Dimna: — ¿P or qué **estades todos tartaleando**?²

² Следует прокомментировать наш перевод примера (8). В диссертации Х.-Дж. Дехли, где исследуется «Калила и Димна», говорится о том, что слово *tartalear* представляет собой ономатопею и в DRAE трактуется как *tartamudear* ‘заикаться, запинаться в речи’ [18, с. 814–815], а в «Экспериментальном словаре средневекового испанского языка» (*Tentative Dictionary of Medieval Spanish*) дается следующее определение: *balbucear*, no *acertar a hablar* ‘бормотать, не начинать говорить’ [19], которое несколько ближе к искомому; автор диссертации выбирает наиболее подходящее значение, представленное в *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico*: *titubear*, *vacilar* ‘запинаться, колебаться’ [20]. В то же время автор недоумевает, по какой причине переводчиками «Калилы и Димны» был выбран данный испанский глагол, ведь в арабском оригинале используется глагол со значением ‘молчать’, в других местах переведенный верно.

¹ К сожалению, в языковых корпусах, которыми мы пользуемся, очень сложно найти подобные примеры, так как в них невозможно осуществить поиск по сочетанию только определенных грамматических форм без указания конкретных лексем или частей лексем. Особенно данная задача становится мало осуществимой доступными инструментами, если учитывать нестабильную орфографию изучаемого периода. В связи с этим на данный момент мы располагаем только одним подобным примером (6), однако можно предположить, что он не является единственным в своем роде.

...и сказала Димна: — Почему вы все молчите (заканчиваетесь)?

Calila e Dimna, анон., 1251.

В примерах (7) и (8) фигурируют уже отмеченные выше сочетания с глаголами речи, которые были в ту эпоху особенно частотны.

Чаще всего в сочетании с глаголом *estar* встречается герундий глагола *esperar* – корпус Corpus del Español: Genre/Historical насчитывает 34 вхождения в текстах XIII в. Это согласуется с изначальным значением глагола *estar*, от которого данное глагольное сочетание все же не окончательно отходит, – значением статичного местонахождения, поэтому частотно в таких фразах и употребление наречия места (подчеркнуто):

(9) ...como los **estaua ally esperando**
sallio luego...

Alfonso X, General estoria V, после 1270

‘...так как он ждал их там, он вышел позже...’

(10) El cauallero que la **estaua esperando en la calle** quando auja de venjr tenja presto para ella vn palafren muy onrrado...

Sancho IV, Castigos y documentos para bien vivir, 1293

‘У рыцаря, который ждал на улице, когда она должна была прийти, был для нее благородный скакун...’

Как отмечалось ранее, глагол *estar* зачастую употреблялся в имперфекте и настоящем времени. Однако, например, в *Gran conquista de Ultramar* несколько раз встречается форма простого перфекта (*indefinido*):

(11) ...**tanto estuieron esperando** que
passo vn año...

‘...столько они ждали, что прошел год...’

(12) ...**estuuo los esperando** en vn castillo
de la marisma tres dias...

‘...он их ждал в замке на болотистом
побережье три дня...’

*Gran conquista de Ultramar, анон.,
между 1291–1295*

Так же, как и в современном языке, в данных примерах обязательно присутствует идея ограниченного во времени действия/состояния (маркеры, указывающие на время, подчеркнуты). Согласно А. Ильере, перифразовая форма начала использоваться в подобных контекстах в связи с неспособностью *indefinido* передавать очевидную дуративность, в то время как оригинальное значение глагола *estar* и грамматический характер герундия дают возможность «интенсифицировать» пребывание в каком-либо состоянии/процессе. Таким образом подчеркивалась длительность, но длительность, ограниченная определенными временными рамками в связи с использованием времени *indefinido* [1, с. 34]. Ис-

панский аорист сам по себе способен обозначать длительное действие или состояние (базовый пример *La guerra duró diez años* ‘Война длилась десять лет’), однако без фокуса на внутреннем протекании события, герундиальные перифразы позволяют это изменить¹.

Важно отметить, что в сравнении с текстами XII в. (в частности, «Песнь о моем Сиде», пример (5) в данной работе), где «инцептивно-континуативное» (или «инцептивно-стативное») значение передавалось только настоящим временем либо имперфектом, в текстах XIII в. это значение полностью «берет на себя» *indefinido* (13), что, как сказано выше, характерно и для современного языка, в отличие от употреблений с имперфективными временами.

(13) ...e semeja al que se quebranto la su nave,
e le echo la mar a tierra, e **estovo catando**

a los otros que eran con el como se trastornavan
entre las ondas...

*Los Bocados de Oro, анон., пер. с арабского
текста, сер. XIII в.*

‘...и он похож на того, чей корабль разбился
вдребезги, и выбросило его море на берег,
и (по)смотрел он на других, тех, кто был
с ним, как они метались среди волн...’

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о полноценном употреблении времени *indefinido* в сочетании с активно грамматикализуемой герундиальной перифразой с глаголом *estar* начиная уже с XIII в.

Необходимо также отметить появление в текстах XIII в., опять же в отличие от предшествующих, форм глагола *estar* в сочетании с герундием, происходящих от той же основы, что и *indefinido*, – *pretérito imperfecto de subjuntivo* (14) и *futuro imperfecto de subjuntivo* (15).

(14) ...alguno que fuesse
pobre & touiesse mal pleyto. **estudiesse**
llorando antel...

‘...кто-то, кто беден и проиграл в суде,
плачет перед ним...’

¹ Необходимо отметить, что так называемые перфективные времена в форме прогрессива – прогрессивный аорист, прогрессивный перфект, прогрессивный плюсквамперфект – в целом являются достаточно оригинальным и уникальным феноменом, свойственным иберо-романским языкам: The double morphological marking of the Spanish Perfective Progressive has been mentioned in the literature as a case in which different aspectual values cluster together in one and the same form, thus representing a quite peculiar and intriguing case in the theory of aspect [21, с. 35]. ‘Двойное морфологическое маркирование испанского перфективного прогрессива было упомянуто в литературе как ситуация, в которой различные аспектуальные значения объединяются в одной и той же форме, что представляет собой довольно своеобразный и занимательный случай в теории аспекта’.

- (15) E si algunos estudieren caualgando;
deuen descender de las bestias.

‘И если кто-то будет на лошади, должен
спешиться.’

Alfonso X, Primera Partida, 1256–1263

Возвращаясь к анализу вхождений «*estar* + герундий» в Corpus del Español: Genre/Historical, можно сказать, что следующим по частотности вхождений за глаголом *esperar*, рассмотренным в примерах (9)–(12), является глагол *catar* – 18 вхождений, при этом *mirar*, синонимичный *catar*, имеет 8 вхождений. Эти глаголы также входят в вышеупомянутые семантические поля, с XII в. они не изменились. Например, глаголы говорения (или молчания) все так же занимают ведущие позиции: *callando* – 17 вхождений, *fablando* – 14, *diziendo* – 8, *deziendo* – 7, *hablando* – 5. Также частотен и глагол *hacer*, например форма *faziendo* в сочетании с глаголом *estar* имеет 16 вхождений.

Почти все встретившиеся в корпусе глаголы, как отмечалось ранее, передают статичную ситуацию. Даже с глаголом *hacer* практически во всех случаях сочетается имя существительное, обозначающее нечто нематериальное и не предполагающее физической активности: *una oración* ‘молитва’, *un sacrificio* ‘жертвоприношение’, *su sermón* ‘его/ее/их проповедь’, *su casamiento* ‘его/ее/их женитьба’.

Однако в XIII в. все чаще начинают появляться сочетания с глаголами иного характера, подразумевающими какую-либо деятельность, которая предполагает материальный результат. Например, глагол *labrar* ‘отделывать, творить, обрабатывать, приводя в желаемое состояние’ (возможно, этот глагол в данном случае употребляется в следующем значении, приводимом по Diccionario de la lengua española – *hacer un edificio* ‘возводить здание’):

- (16) E hizieron aquellos dos castillos
& **estuuieron labrando** los hasta la Pascua...

*Gran conquista de Ultramar, анон.,
между 1291–1295*

‘И построили те два замка и отделывали
их до Пасхи...’

Также Ильера перечисляет множество других глаголов, обозначающих физическую, материальную деятельность, которые начали употребляться в форме герундия в сочетании с глаголом *estar* в эту эпоху (однако примеры не приводятся): *lamer* ‘лизать’, *dar* ‘давать’, *comer* ‘есть’, *armarse* ‘вооружаться’, *calçar* ‘обувать, носить обувь’, *matar* ‘убивать’ и др. [1, с. 35].

К XV в. перифраза «*estar* + герундий» уже употребляется во всех возможных временах и наклонениях так же, как и в современном языке.

Относительно форм плюсквамперфекта А. Ильера отмечает, что ранее «Селестины» (ок. 1500 г.) составные формы (*aver* + причастие) с исследуемой перифразой не наблюдались, в употреблении были формы на *-ra*. Однако в корпусе CORDE обнаружено несколько более ранних примеров: один пример из «Амадиса Гальского» (1482–1492 гг.) – (17), два примера из «Хроники Адрамона» (ок. 1492 г.), один из них – (18) и один пример из перевода «Евангелия Псевдо-Матвея» («Книга детства Марии и Христа Спасителя», ок. 1493 г.).

- (17) ...llegó a ellos el rey Perión, que **avía estado hablando** gran pieça con la muy hermosa
Grasinda...

*Garci Rodríguez de Montalvo. Amadís
de Gaula, 1482–1492.*

‘...приехал к ним король Перион, который
долго разговаривал с прекраснейшей
Грасиндой...’

- (18) ...otro dya yvan a preguntar por él; dezyan
que dormya -que toda la noche **avya estado
escryvyendo**...

La corónica de Adramón, анон., ок. 1492.

‘...в другой раз они собирались спросить
о нем; говорили, что он спит, потому что всю
ночь писал...’

А. Ильера не сообщает об употреблении рассматриваемой перифразы в *pretérito perfecto compuesto*, таком же составном и, относительно остальных, пришедших из латыни, более «новом» времени, как и сложный плюсквамперфект. Однако в корпусе CORDE обнаружено как минимум четыре таких примера, в формах 1-го и 3-го лица единственного числа соответственно примеры (19) и (20):

- (19) Señor, **he estado hablando** con ellos
que están de la otra parte del rryo...

La corónica de Adramón, анон., ок. 1492.

‘Господин, я говорил с теми, кто живет
на другом берегу...’

- (20) ¿As oýdo, Menedemo, esto que Galterio
me **ha estado relatando** y las maravillas grandes
que me ha dicho?

Comedia Thebayda, анон., ок. 1500.

‘Ты слышал, Менедемо, то, что Гальтерио
мне рассказывал, и те великие чудеса,
о которых он мне поведал?’

Очень редки случаи употребления перифразы в отрицании, так как, по-видимому, сложно представлять некое действие в развитии, но при этом отрицать его существование; необходимо вспомнить и механизм отрицания герундия – «*sin* + инфинитив», что также не способствует употреблению герундиальной перифразы в отрицании.

Принимая во внимание вышесказанное, интересно отметить пример (21), где перифраза используется в отрицательном императиве:

(21) EL AMOR: No me vayas atajando, / que yo lo que quieres quiero. /

EL VIEJO: **Ni m'estés tu falagando** / que, aunque agora vienes blando, / bien sé qu'eres escusero.

Rodrigo de Cota, Diálogo entre el Amor y un Viejo, 2-ая пол. XV в.

‘ЛЮБОВЬ: Не мешай мне, потому что я хочу того же, чего и ты.

СТАРИК: А ты не лсти мне, ведь, хотя сейчас ты ведешь себя мило, я прекрасно знаю, что ты ищешь оправдания.’

Учитывая то, что в современном языке данная перифраза вообще практически не используется в императиве (корпусы современного испанского языка CORPES XXI, Corpus del Español: NOW, Corpus del Español: Web/Dialects выдают крайне малое количество контекстов с утвердительным императивом, абсолютное большинство из которых содержит прономинальную форму типа «estate + герундий», отрицательный императив обнаружить инструментами корпусов и вовсе не удалось), а также учитывая данные о редких случаях использования перифразы «estar + герундий» с отрицанием в средневековых текстах, пример (21) представляется исключительным.

Также следует отметить, что, несмотря на очень активное грамматическое расширение в употреблении исследуемой конструкции, по заключению А. Ильера, «последний рывок в завоевании всей грамматической системы языка» (su última conquista), то есть употребление данной перифразы с глаголами, обозначающими физическое движение либо движение в переносном смысле (то есть изменение, прогрессивное разви-

тие и т. п.), осуществлен уже после эпохи Средневековья, когда они употреблялись только в составе перифраз с глаголами движения *ir* и *andar* [1, с. 47].

Выводы

Подводя итог диахроническому анализу грамматикализации перифразы «estar + герундий», представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Уже с XIII в. перифраза активно внедряется в систему языка именно в качестве устойчивого глагольного сочетания. В дальнейшем расширяется ее грамматическое и лексическое употребление: она все чаще используется в различных временах и наклонениях, а также развивается ее сочетаемость с глаголами различных семантических полей.

2. К XV в. грамматикализация достигает максимума. В сравнении с современным состоянием языка «грамматический охват» перифразы в XV в. шире: примечателен случай, не характерный для современного языка, – отрицательный императив.

3. Обращая внимание на семантику глаголов, встречающихся в составе герундиальной перифразы в средневековый период, необходимо отметить наибольшую частотность глаголов, обозначающих восприятие и умственную деятельность. С акциональной точки зрения зачастую это глаголы-состояния. Судя по всему, в тот период для сочетания с глаголом-состоянием *estar* другим глаголам необходимо было также обладать стативными характеристиками. Интересно, что в настоящее время, напротив, стативные глаголы наименее частотны в составе рассматриваемой перифразы, судя по анализу корпусов современного испанского языка.

Список источников

1. Yllera A. Sintaxis histórica del verbo español: Las peifrasas medievales. Zaragoza: Departamento de Filología Francesa, Universidad de Zaragoza, 1980. 374 p.
2. Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
3. Bertinetto P. M., Ebert K. H., De Groot C. The progressive in Europe // Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology / ed. Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 517–558.
4. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
5. Горбова Е. В. Грамматическая категория аспекта и контекст: на материале испанского и русского языков СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2017. 418 с.
6. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 846 с.
7. De Miguel E. El aspecto léxico // Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 2 / dirs. I. Bosque, V. Demonte. Madrid: Espasa-Calpe, 1999. P. 2977–3060.
8. NGLLE 2009 = Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española: Nueva Gramática de la Lengua Española. Morfología y sintaxis. Madrid: Espasa, 2009. 4032 p.

9. Virgil. Eclogues. Georgics. Aeneid: Books 1–6 // Loeb Classical Library 63 / translated by H. Rushton Fairclough; Revised by G. P. Goold. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1916. 593 p.
10. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. А. Ошерова. М.: Художественная литература, 1979. 550 с.
11. Шумилин М. В. Джованни Понтано: трактат о латинской метрике из диалога «Акций» // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков / под ред. Ю. В. Ивановой, М. В. Шумилина. М.: Дело, 2016. С. 40–84.
12. Menéndez Pidal R. *Cantar de Mio Cid. Texto. Gramática y Vocabulario*. Vol. I–III. Madrid: Espasa-Calpe, 1944. 1232 p.
13. Bouzet J. Orígenes del empleo de *estar*. Ensayo de sintaxis histórica // Estudios dedicados a Menéndez Pidal. Vol. IV. Madrid: CSIC, 1953. P. 37–58.
14. Komé Koloto M. Aproximación al proceso de gramaticalización del verbo *estar* en la prosa de los siglos XV, XVI y XVII. Doctoral dissertation: 26.05.1997. Madrid, 1997. 432 p.
15. Roca Pons J. Estudios sobre perífrasis verbales del español // RFE Anejo LXVII. Madrid: CSIC, 1958. 403 p.
16. Menéndez Pidal R. Documentos lingüísticos de España. Tomo I. Reino de Castilla // RFE, Anejo LXXXIV. Madrid: CSIC, 1966. 201 p.
17. Татевосов С. Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.
18. Döhla H.-J. El libro de Calila e Dimna (1251). Edición nueva de los dos manuscritos castellanos, con una introducción intercultural y un análisis lexicográfico árabe-español: doctoral dissertation. Zurich, 2007. 865 p.
19. Kasten L. A., Cody F. J. Tentative Dictionary of Medieval Spanish. New York: Hispanic Seminary of Medieval Studies, 2001. 745 p.
20. Corominas J., Pascual J. Diccionario critico etimológico castellano e hispánico. Madrid: Gredos, 1980–1991. Vol. 1–6.
21. Squartini M. Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality, and Grammaticalization. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. 370 p.

References

1. Yllera A. *Sintaxis histórica del verbo español: Las perífrasis medievales*. Zaragoza, Departamento de Filología Francesa, Universidad de Zaragoza, 1980. 374 p.
2. Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 398 p.
3. Bertinetto P. M., Ebert K. H., De Groot C. The progressive in Europe. Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Ed. Ö. Dahl. Berlin, Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 517–558.
4. Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976. 142 p.
5. Gorbova E. V. *Grammaticheskaya kategoriya aspekta i kontekst: na materiale ispanskogo i russkogo yazykov* [Grammatical category of aspect and context: based on the material of Spanish and Russian languages]. Saint Petersburg, SPbU Publ., 2017. 418 p. (in Russian).
6. Maslov Yu. S. *Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 846 p. (in Russian).
7. De Miguel E. El aspecto léxico. *Gramática descriptiva de la lengua española*. Vol. 2. Dirs. I. Bosque, V. Demonte. Madrid: Espasa-Calpe, 1999. P. 2977–3060.
8. NGLE 2009 = Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española: Nueva Gramática de la Lengua Española. Morfología y sintaxis. Madrid, Espasa, 2009. 4032 p.
9. Virgil. Eclogues. Georgics. Aeneid: Books 1–6. Translated by H. Rushton Fairclough. Revised by G. P. Goold. Loeb Classical Library 63. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1916. 593 p.
10. Virgil. *Bucolics. Georgics. Aeneid*. (Russ. ed.: Vergiliy. Bukoliki. Georgiki. Eneida. Per. s lat. S. A. Osherova. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979. 550 p.)
11. Shumilin M. V. Dzhovanni Pontano: traktat o latinskoy metrike iz dialoga “Aktsiy” [Giovanni Pontano: a treatise on Latin metrics from the dialogue “Actius”]. *Nauki o yazyke i tekste v Evrope XIV–XVI vekov* [The sciences of language and text in Europe of the XIV–XVI centuries.]. Yu. V. Ivanova, M. V. Shumilin (eds.). Moscow, Delo Publ., 2016. Pp. 40–84 (in Russian).
12. Menéndez Pidal R. *Cantar de Mio Cid. Texto. Gramática y Vocabulario*. Vol. I–III. Madrid, Espasa-Calpe, 1944. 1232 p.
13. Bouzet J. Orígenes del empleo de *estar*. Ensayo de sintaxis histórica. *Estudios dedicados a Menéndez Pidal*. Vol. IV. Madrid, CSIC, 1953. Pp. 37–58.

14. Komé Koloto M. *Aproximación al proceso de gramaticalización del verbo estar en la prosa de los siglos XV, XVI y XVII*. Madrid, 1997. 432 p.
15. Roca Pons J. Estudios sobre perífrasis verbales del español. *RFE*, Anejo LXVII. Madrid, CSIC, 1958. 403 p.
16. Menéndez Pidal R. Documentos lingüísticos de España. Tomo I. Reino de Castilla. *RFE*, Anejo LXXXIV. Madrid, CSIC, 1966. 201 p.
17. Tatevosov S. G. Aktsional'nost': tipologiya i teoriya [Actionality: typology and theory]. *Voprosy Yazykoznaviya*, 2005, no. 1, pp. 108–141 (in Russian).
18. Döhla H.-J. El libro de Calila e Dimna (1251). *Edición nueva de los dos manuscritos castellanos, con una introducción intercultural y un análisis lexicográfico árabe-español*. Doctoral dissertation. Zurich, 2007. 865 p.
19. Kasten L. A., Cody F. J. *Tentative Dictionary of Medieval Spanish*. New York, Hispanic Seminary of Medieval Studies, 2001. 745 p.
20. Corominas J., Pascual J. *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico*. Madrid: Gredos, 1980–1991. Vol. 1–6.
21. Squartini M. *Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality, and Grammaticalization*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1998. 370 p.

Информация об авторе

Алыпova С. А., аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119234).

Email: alypova_sveta@mail.ru

Information about the author

Alypova S. A., postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119234).

Email: alypova_sveta@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 22.11.2023; accepted for publication 23.03.2024

УДК 81-2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-47-55>

Функционально-семантический подход к описанию средств выражения интенсивности в современном немецком языке

Оксана Владимировна Кузьмина¹, Юлия Евгеньевна Ломоносова², Татьяна Евгеньевна Соболева³

^{1, 2, 3} *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*

¹ *kusmina@bsu.edu.ru*

² *lomonosova@bsu.edu.ru*

³ *soboleva@bsu.edu.ru*

Аннотация

В статье предпринята попытка использования функционально-семантического подхода к исследованию категории интенсивности с целью выявления и систематизации средств выражения интенсивности действия в современном немецком языке. Работа выполнена на материале «Немецко-русского синонимического словаря», «Словаря словообразовательных элементов немецкого языка», «Немецко-русского фразеологического словаря», а также с использованием фрагментов художественных произведений немецких писателей XX в. Учитывая основные направления в решении проблемы соотносительности категории интенсивности с понятиями экспрессивности и количественности, авторы предлагают трактовать интенсивность как категорию, производную от семантических категорий количественности и качественности, как количественный показатель экспрессивности и эмоциональных переживаний. Категория интенсивности действия исследуется как сегмент макрополя универсальной категории интенсивности. Анализ способов выражения интенсивности действия в немецком языке позволяет представить исследуемое функционально-семантическое поле как моноцентрическое образование, ядро которого включает лексические средства: глаголы-интенсификаты; наречия интенсифицирующего/деинтенсифицирующего значения и фразеологические обороты. В околоядерной зоне располагаются синтаксические средства. Словообразовательные, морфологические и фонетические средства попадают в периферийные отделы поля. В результате исследования удалось установить, что микрополе интенсивности действия включает зону интенсификации и деинтенсификации. Языковая интенсификация действия в синтагматике характеризуется большим разнообразием, чем в парадигматике. Высокой частотностью при выражении интенсивности действия в парадигматике обладают глаголы, в значение которых входит сема интенсивности. В синтагматике наиболее распространенным способом интенсифицировать или деинтенсифицировать действие можно считать использование наречий. Деинтенсификация действия в большинстве случаев не несет стилистической нагрузки и, как правило, призвана смягчить характеристику действия. Средства выражения интенсивности действия, напротив, стилистически окрашены. Наиболее яркими и мощными средствами интенсификации действия выступают качественные наречия и компаративные фразеологизмы. Построение модели функционально-семантического поля категории интенсивности действия на материале немецкого языка позволило системно представить формальные средства выражения интенсивности в их неразрывной связи со смысловой наполняемостью и прагматической направленностью.

Ключевые слова: категория интенсивности, интенсификация, интенсификатор, функционально-семантическое поле, средство, современный немецкий язык

Для цитирования: Кузьмина О. В., Ломоносова Ю. Е., Соболева Т. Е. Функционально-семантический подход к описанию средств выражения интенсивности в современном немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 47–55. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-47-55>

Functional-semantic approach to the description of means of expressing intensity in modern German

Oksana V. Kuzmina¹, Yuliya Ye. Lomonosova², Tatiana Ye. Soboleva³

^{1, 2, 3} *Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation*

¹ *kusmina@bsu.edu.ru*

² *lomonosova@bsu.edu.ru*

³ *soboleva@bsu.edu.ru*

© О. В. Кузьмина, Ю. Е. Ломоносова, Т. Е. Соболева, 2024

Abstract

The article attempts to use a functional-semantic approach to the study of the category of intensity in order to identify and systematize the means of expressing the intensity of an action in the modern German language. The work was carried out on the material of the "German-Russian Synonymous Dictionary", "Dictionary of Word Formative Elements of the German Language", "German-Russian Phraseological Dictionary", as well as using fragments of literary works of German writers of the 20th century. Taking into account the main directions in solving the problem of correlating the category of intensity with the concepts of expressiveness and quantity, the authors propose to interpret intensity as a category derived from the semantic categories of quantity and quality and as a quantitative indicator of expressiveness and emotional experiences. The category of action intensity is studied as a segment of the macrofield of the universal category of intensity. An analysis of the ways of expressing the intensity of an action in the German language allows to present the functional-semantic field under study as a monocentric formation, the core of which includes lexical means: intensifying verbs; adverbs with intensifying / deintensifying meanings and phraseological units. Syntactic means are located in the perinuclear zone. Word-formation, morphological and phonetic means fall into the peripheral sections of the field. As a result of the study, it was possible to establish that the microfield of action intensity includes a zone of intensification and deintensification. Linguistic intensification of action in syntagmatics is characterized by greater diversity than in paradigmatics. Verbs whose meaning includes the sense of intensification have a high frequency when expressing the intensity of an action in paradigmatics. In syntagmatics, the most common way to intensify or deintensify an action is to use adverbs. Deintensification of the action in most cases does not carry a stylistic load and, as a rule, is intended to soften the characteristics of the action. The means of expressing the intensity of action, on the contrary, are stylistically coloured. The most striking and powerful means of intensifying action are qualitative adverbs and comparative phraseological units. The construction of a model of the functional-semantic field of the category of action intensity on the material of the German language made it possible to systematically present the formal means of expressing intensity in their inextricable connection with semantic content and pragmatic orientation.

Keywords: category of intensity, intensification, intensifier, functional-semantic field, means, modern German

For citation: Kuzmina O. V., Lomonosova Yu. Ye., Soboleva T. Ye. Funktsional'no-semanticheskiy podkhod k opisaniiu sredstv vyrazheniya intensivnosti v sovremennom nemetskom yazyke [Functional-semantic approach to the description of means of expressing intensity in modern German]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 47–55 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-47-55>

Введение

Современные исследования в области языкознания, проводимые в рамках когнитивного, дискурсивного и социолингвистического направлений, опираются на функциональный и антропоцентрический принципы, разработанные предшествующими поколениями ученых. Анализ языковых средств в их взаимосвязи с человеком, его когнитивным опытом, социальным статусом, эмоциональным состоянием, а также с его интенцией как участника коммуникативной ситуации позволяет приблизиться к пониманию выбора тех или иных речевых форм, обусловленного контекстом и целью коммуникации. Эффективность коммуникативного процесса определяется способностью участников общения корректировать свою коммуникативную деятельность адекватно сложившейся ситуации [1, с. 125]. «...стремление к максимизации силы текста в определенном пространственно-временном отрезке обусловлено растущими информационными потоками и темпом жизни; соответствующие признаки реализуются на уровне языковых, стилистических средств, структур... и композиции...» [2, с. 99–103]. Исследование особенностей восприятия человеком окружающего мира и

связи языковых форм с определенными структурами знания основывается на изучении процессов концептуализации и категоризации. Субъект, систематизируя полученные знания, объединяет их в определенные категории, концептуальные классы, то есть выполняет акт категоризации, «познавательную операцию, позволяющую определить объект через его отнесение к более общей категории» [3, с. 62]. Несоответствие способов категоризации и концептуализации действительности в разных языках и культурах может стать причиной когнитивного диссонанса в межкультурной коммуникации [4, с. 55]. Исследование мыслительных категорий, лежащих в основе наименований, описание языковых явлений с точки зрения их функционирования в конкретной экстралингвистической ситуации возможно с помощью функционально-семантического подхода. Именно такой подход «отвечает естественным условиям речевого общения, когда различные языковые средства используются в синтезе, в их неразрывной связи» [5, с. 98]. Функционально-семантический анализ соотносится с понятием функционально-семантического поля (ФСП). ФСП трактуется как единство разноуровневых средств языка, взаимодействующих на основе

общности их семантических функций и рассматриваемых в рамках определенной семантической категории [6].

Обращение к категориальной системе языка в рамках функционально-семантического подхода является одним из способов решения проблемы эффективности в области вербальной коммуникации. Цель работы заключается в построении ФСП интенсивности действия в немецком языке, а также в попытке раскрыть выразительный потенциал языковых средств современного немецкого языка в отражении как субъективной, так и объективной реальности. Объектом настоящего исследования являются разноуровневые языковые единицы, объединенные на основе выполняемой ими семантической функции интенсификации/деинтенсификации действия в составе ФСП интенсивности. Комплексное рассмотрение ФСП интенсивности в немецком языке, которое до настоящего времени оставалось за рамками специальных исследований, может способствовать выявлению основных приемов интенсификации речевого поведения с целью достижения нужного прагматического эффекта, что и определяет актуальность исследования.

Материал и методы

Материалом для работы послужили глаголы с единым родовым значением из «Немецко-русского синонимического словаря» [7], аффиксы с усилительным значением или со значением деинтенсификации из «Словаря словообразовательных элементов немецкого языка» [8], фразеологические обороты из «Немецко-русского фразеологического словаря» [9], а также фрагменты художественных произведений немецких авторов XX в. Исследование проводилось с помощью компонентного анализа значений лексических единиц, дистрибутивного анализа языковых компонентов исследуемого фрагмента языковой картины мира, метода полевого моделирования, а также элементов дескриптивного, контекстуального и квантитативного анализов.

Результаты и обсуждение

Исследователи соотносят интенсивность с экспрессивностью и эмоциональностью, отождествляя или разграничивая данные категории, указывая при этом на различного рода отношения, возникающие между ними (Е. М. Галкина-Федорук, Н. А. Лукьянова, В. Н. Телия, С. В. Десятская и др.). И. И. Туранский подчеркивает наличие «ингерентных отношений» между понятиями интенсивности и экспрессивности [10, с. 20]. Неоспоримым фактом для большинства ученых, признающих соотнесенность данных

категорий, является и когерентность понятия интенсивности с понятиями меры, количества, градуальности (Н. Е. Сергеева, И. И. Сущинский, И. И. Убин, Е. И. Шейгал и др.). «Интенсивность – это не мера экспрессивности, а скорее количественный параметр того эмоционального переживания, которое выражается в высказывании и шире – в коммуникативном акте» [11, с. 26]. Таким образом, интенсивность – это количественное отражение того, насколько далеко качественная характеристика вышла за рамки нейтрального и логического содержания высказывания. Отличие категории интенсивности от категории количественности состоит в том, что она не просто отражает объективную количественную характеристику того или иного признака, она передает еще и субъективную оценку.

Определяя способы выражения интенсивности действия в немецком языке, мы опираемся на классификацию С. Е. Родионовой, в основе которой лежит многоуровневая система способов интенсификации, что выражается в выделении синтаксических, лексических, морфологических, словообразовательных и фонетических средств [12, с. 150–169]. Анализ способов выражения интенсивности действия в немецком языке позволяет, на наш взгляд, констатировать, что исследуемое ФСП является моноцентрическим образованием, ядро которого представлено лексическими средствами, включающими 1) глаголы-интенсификаты; 2) наречия интенсифицирующего/деинтенсифицирующего значения; 3) фразеологизмы. В околоядерной зоне оказываются синтаксические средства. Словообразовательные, морфологические и фонетические средства попадают в периферийные отделы ФСП интенсивности действия (словообразовательные средства – ближняя периферия, морфологические и фонетические – крайняя периферия). Далее на рисунке представлена модель ФСП интенсивности действия в немецком языке (рис. 1).

В немецком языке глаголы, в значении которых содержится сема интенсивности, подразделяются на имперфективные и перфективные единицы интенсивного, осложненно-интенсивного и интенсивно-результативного типов [13, с. 127]. Поскольку, как было указано выше, категория интенсивности соотносится не только с количеством, но и с качеством как количественной характеристикой экспрессивности, различия между членами синонимичных цепочек глаголов не сводимы только к количественному индексу. Смысловые компоненты таких глаголов демонстрируют и качественные расхождения, регистрируемые словарями.

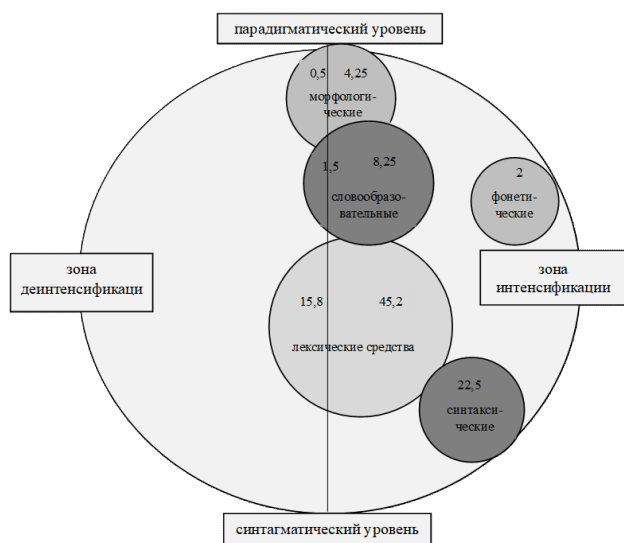

Рис. 1. Функционально-семантическое поле интенсивности действия с указанием процентного соотношения доли средств выражения интенсивности

В представленных синонимических рядах каждая единица содержит две семы: один смысловой компонент передает основное значение, второй имеет сему, указывающую на усиление действия. При актуализации количественных признаков к значению глагола добавляются и качественные характеристики. Синонимичность данных цепочек слов является относительной, так как все элементы отличаются друг от друга дополнительными значениями, отражающими определенную степень силы действия. Исследуемые синонимические ряды включают следующие группы вербальных единиц: глаголы говорения: *murmeln* (бормотать) – *sprechen* (говорить) – *schwadronieren* (болтать) и др.; *flüstern* (шептать) – *sagen* (говорить) – *schreien* (кричать, орать) – *brüllen* (реветь (от злобы), рычать) и др.; глаголы движения: *trotten* (тяжело шагать; плестись), *zoteln* (идти медленно, еле двигаться, плестись, брести) – *gehen* (идти) – *laufen* (бежать) – *rennen* (мчаться, скакать), *rasen* (нестись, мчаться) и др.; глаголы эмоциональной реакции: *grinsen* (ухмыляться) – *kichern* (хихикать) – *lachen* (смеяться, хохотать) – *gackern* (гоготать) – *wiehern* (ржать) и др.; *greinen*, *flennen* (хныкать, ныть) – *weinen* (плакать) – *schluchzen* (рыдать) – *heulen* (выть, реветь) и др.; глаголы восприятия: *linsen* (глазеть) – *sehen* (глядеть, смотреть) – *starren* (пристально смотреть, уставиться) – *glotzen* (пялиться) и др.; *zuhören* (слушать внимательно) – *lauschen* (внимательно слушать, подслушивать) – *hорchen* (прислушиваться); *befühlen* (ощупывать, щупать) – *betasten* (щупать) – *befingern* (ощупывать) – *betatschen* (грубо хватать) и др.; глаголы выражения чувств: *hängen* (быть привязанным к

кому-либо), *mögen* (чувствовать расположение к кому-либо) – *lieben* (любить); *hassen* (ненавидеть) – *verabscheuen* (испытывать отвращение) и др.

В перечисленных рядах один из глаголов выражает нейтральную степень проявления действия, другие же, благодаря наличию в структуре их лексического значения семы-интенсификатора/деинтенсификатора, выражают ослабленную или усиленную степень действия, конкретизируя таким образом способ его осуществления. При этом следует учитывать, что «наличие или отсутствие экспрессивности в интенсивах (глаголах со значением интенсивности) во многом зависит от стиля речи, от среды, в которой они употребляются» [14, с. 112]. Реализация значения интенсивности у глаголов осуществляется в контексте, который может повысить степень «усиления» или понизить ее, практически нейтрализуя.

Достаточно большая доля лексических средств интенсификации действия принадлежит наречиям. Адвербиальные единицы интенсифицирующего/деинтенсифицирующего значения можно классифицировать следующим образом: наречия малой степени проявления действия, такие как *etwas* (несколько, немного), *ein bisschen* (чуть-чуть, немного), *ein wenig* (немного, немножко); наречия умеренной (достаточной) степени проявления действия: *genug* (достаточно, довольно), *ziemlich* (довольно, порядочно), *genügend* (довольно, порядочно); наречия неполной степени проявления действия: *fast* (чуть, едва), *beinahe* (почти, едва), *nahezu* (почти); наречия полной степени проявления действия: *völlig* (полностью, совершенно), *vollständig*, *ganz* (совершенно, совсем), *gänzlich* (совершенно, всецело); наречия высокой степени проявления действия: *sehr* (очень, весьма, крайне), *äußerst*, *besonders* (особенно); наречия предельной степени проявления действия: *stark* (сильно, очень), *tief* (глубоко), *heftig* (сильно, интенсивно, резко), *furchtbar* (очень, ужасно), *intensiv* (напряженно, сильно). Наблюдения, проведенные на материале глагольных словосочетаний с количественными наречиями степени и меры, показывают, что для этих словосочетаний типичны количественно-определенные отношения: зависимый компонент (наречие) определяет ведущий компонент – глагол. Рассматриваемые наречия в сочетании с глаголами характеризуют действие с точки зрения интенсивности, полноты или меры его проявления. Подобные сочетания не так многочисленны, как адъективные. Однако следует отметить, что и они относятся к продуктивным и широко употребляемым словосочетаниям в современном

немецком языке. Неоднородность семантики количественных наречий степени и меры разных лексико-семантических групп отражается на особенностях их сочетаемости. Чем шире лексическое значение наречия, тем больше сфера его сочетаемости с глаголами. Наречия со значением неполной степени имеют наиболее широкую сферу лексической сочетаемости. За наречиями неполной степени следуют антонимичные им наречия полной степени, также имеющие широкую сферу сочетаемости с глаголами. При этом можно отметить, что наречия неполной степени служат средством деинтенсификации действия, тогда как наречия полной степени являются средством интенсификации, например: *Als er gegessen und getrunken hatte und sich aufs Bett warf, den «Völkischen Beobachter» in der Hand, war sein Wohlbefinden wieder vollständig hergestellt* [15, S. 11]. Сочетаемость многозначных наречий малой и достаточной степени характеризуется средней степенью сочетаемости.

Самый узкий сектор лексических средств выражения интенсивности представлен фразеологическими оборотами. Метафоры как эффективный инструмент фразеологической объективации в краткой сжатой форме кодируют явление, переживание или эмоции, придавая наибольшую интенсивность высказыванию [16, с. 17]. Фразеологическими средствами интенсификации/деинтенсификации действия являются компаративные обороты типа *wie* + неопределенный артикль + существительное + глагол, например: *wie ein Sack schlafen* (спать мертвым сном). *Geschrei und Gekreisch. Gustav fuhr herum wie ein Wetterhahn bei Sturm* [17, S. 31]. Компаративные фразеологизмы гораздо чаще используются для выражения интенсификации, чем для выражения деинтенсификации действия.

Интенсификация действия с помощью синтаксических средств становится возможной благодаря тому, что значение большинства слов контекстуально обусловлено [18, с. 316]. На синтаксическом уровне выражение интенсивности действия реализуется, как правило, с помощью восклицательных предложений, сравнительных оборотов, парцелляции и повторов. Рассмотрим некоторые из перечисленных способов. Наибольшей частотностью с точки зрения выражения интенсивности действия в немецком языке характеризуются повторы. Данный способ позволяет интенсифицировать определенный фрагмент текста в смысловом и эмоциональном отношении. Выразительность повторов, как правило, обусловлена их структурой и локализацией повторяющегося элемента в речевом потоке. Являясь выразительным средством, повтор отражает

субъективно-оценочное отношение говорящего к предмету речи. Рассматривая повтор как способ интенсификации действия, можно выделить следующие его разновидности: простой контактный повтор – многократное называние одного и того же слова или словосочетания, занимающих в предложении контактную позицию, например: *Ich drück mich natürlich durch und guck in die Ecke und in jene Ecke, ich such an der Theke und im Gastzimmer, ich such draußen und frag ihre Freundin* [19, с. 18]; повтор с усилением за счет введения интенсификаторов, например: *Und dann lachte Felix, lachte laut und wie betrunken* [20, S. 19]; тавтологический повтор, представляющий собой повторение тождественных по смыслу и грамматически синонимичных элементов в структуре предложения, например: *Er lief quer durch die halbe Stadt; er blickte den Menschen ins Gesicht: den Frauen, den Männern, startete wippenden Mädchenröcken nach, gierte durch die Fenster einer Buchhandlung, stand auf der Schlossbrücke, sah den Strom...* [20, S. 6]. Следует отметить, что повтор не может быть средством деинтенсификации действия. К способам синтаксической интенсификации действия относятся также придаточные сравнительные предложения с союзами *wie* (как), *als* (как), *so... dass* (так... что), в которых идея сравнения выражается эксплицитно. Цель придаточного предложения – передача глубины содержания качественной характеристики антецедента. При этом в каждом конкретном случае подчеркивается предел действия, степень состояния (его масштабы и границы), например: *Da konnte er sich so verlieben, dass er den ersten Menschen, den er bei der Rückkehr von der Fahrt im Dorf wieder traf, ansah wie ein fremdes Wesen* [19, S. 37]. Довольно часто синтаксические средства сочетаются со способами интенсификации, реализуемыми на других уровнях. Рассмотрим следующий пример: *Das Klassenzimmer war schon ziemlich voll. Die meisten Kinder liefen herum oder hockten hinten in der Bücherecke und zwei Jungs bewarfen sich vorne an der Tafel mit nassen Schwämmen. Klatschpatsch. Patschkatsch. Das sah lustig aus* [21, S. 12]. Из приведенного фрагмента мы понимаем, что дети находятся в классе. Двое мальчишек балуются, кидаясь друг в друга тряпкой для доски. Звук полета тряпки передается с помощью парцеллированных фраз *Klatschpatsch. Patschkatsch* («Хлоп-шлеп. Шлеп-хлоп»). Перестановка слов «хлоп» и «шлеп» позволяет читателю ярко представить целую картину с тряпкой, непрерывно летающей то в одну, то в другую сторону. Действие интенсифицировано с помощью фонетических средств (в данном случае с помощью звукоподражания), а также за счет парцелляции.

В зоне периферии исследуемого микрополя оказываются словообразовательные средства, к которым в нашей работе мы относим аффиксацию и словосложение. Как уже отмечалось, интенсификация содержания предполагает противопоставление не нейтрального по интенсивности (неординарного) ординарному. В качестве примера можно привести такие пары слов, как *preisen – hochpreisen, laden – überladen, brennen – herunterbrennen*. Второй компонент пары отчетливо демонстрирует «приращение значения», увеличение «объема» признака качества, оценочной характеристики. Интенсификация действия может осуществляться с помощью суффиксов *-igen, -sen, -zen (tschen), -chen, -ieren: kündigen (kunden), grausen (grauen), grinsen (grienen), horchchen (hören), spendieren (spenden), endigen (enden), schluchzen (schlucken), rutschen (rücken), hopsen (hoppen), schnarchen (schnarren), sinnieren (sinnen)*. В качестве наиболее частотных усилительных префиксов, встречающихся в картотеке наших примеров, можно отметить следующие: *ab-: abfliegen, abküssen; durch-: durchkommen, durchlüften; ein-: einstürmen, einhacken; über-: überladen, überschätzen, überfüttern; herunter-: herunterbrennen, herunterreißen; ver-: verprügeln, verreiben; zer-: zerknacken, zerschneiden*. Например: *Die schwarze Ärgerspinne übernetzte Gústavs Gedanken ganz und gar* [17, S. 30]. Деинтенсификация достигается за счет применения следующих аффиксов: префикса *unter-: unterbelichten, unterschätzen*; суффикса *-(e)ln: fälteln, hüsteln, lieben*, например: *Felix lächelte sie an, aber die drei Augenpaare verharrten in Vorsicht und Misstrauen* [20, S. 42].

Что касается словосложения, то в современной германистике переход элементов сложных слов в словообразовательные ресурсы языковой системы рассматривается как определенная закономерность. Ш. Балли отмечает, что в немецком языке не существует «четкой границы» между сложными и префиксальными словами [22, с. 332–334]. Такие образования у ученых-германистов получили разные названия: *trennbare Komposita* или *Halbkomposita* [23], *unfeste Zusammensetzungen* (нестойкие сложные слова) [24], *unfeste trennbare Verben* [25]. Словосложение как средство интенсификации действия может быть представлено следующими компонентами сложных слов, с помощью которых образуются эксплицитные дериваты: *tot-: totlachen, totarbeiten, totweinen; fest-: festkleben, festschrauben; voll-: vollessen, vollmechanisieren*, например: *Von mir aus braucht ihr euch nicht totzuarbeiten* [20, S. 13].

Морфологические и фонетические средства выражения интенсивности включены в зону крайней периферии исследуемого ФСП. Интенсификаторы морфемного уровня представлены в языке с помощью степеней сравнения. Градуированию поддаются прилагательные, наречия, глаголы, существительные. Однако градуальность не всегда связана с интенсификацией. Иногда таким образом просто отражаются объективные параметрические характеристики предмета речи. Для интенсификации необходима субъективная экспрессивная составляющая, например: *«Ich kann ja verstehen, dass du aufgeregt bist. Aber ich brauche Penelope jetzt auch». Ich legte Papai die Hand auf den Arm. «Aber ich brauche sie dringend»* [21, S. 108]. В данном фрагменте мы видим использование сравнительной степени прилагательного *dringend* для усиления значения слова *brauchen*.

На фонетическом уровне интенсивность в устной речи можно распознать по громкости голоса, его силе. Использование нестандартной интонации, растягивание звуков в словах, паузы, ускорение/замедление темпа – все это приемы, связанные с интенсификацией внешней формы и имеющие прямое отношение к фонетической стороне речи. Графическое представление звуковой интенсификации высказывания тоже имеет определенное количество вариантов. Растягивание гласных и согласных звуков отражается в повторе соответствующих букв. Необычное написание слова или фразы с использованием дефисов и тире, с выделением отдельной буквы, слога, части предложения свидетельствует об усиленной, неординарной манере произношения. Написание всего слова прописными буквами, выделение слова курсивом также становится фонетическим интенсификатором в письменной речи. Например, в предложении: *Das Mädchen, das jetzt in die Klasse kam und sich auf den freien Platz neben mich setzte, r o c h nach Fisch* [21, S. 15] слово *roch (om riechen)*, очевидно отличается необычной интонацией, судя по графической репрезентации фонетической интенсификации. Нейтральное, основное значение слова *riechen* – «пахнуть». Но в данном контексте от девочки *воняло, несло, разило* рыбой. Героиня следующего эпизода растягивает слово *lieben*, что в данном случае может означать «очень люблю»: *Ich liiiiiiiebe es, wenn Papai solche Sachen macht* [21, S. 24].

Заключение

В результате анализа языковых средств выражения интенсивности действия в современном немецком языке представляется возможным построение ФСП интенсивности действия моно-

центрического типа. Микрополе интенсивности действия, входящее в состав макрополя интенсивности как универсальной языковой категории, включает зону интенсификации и деинтенсификации, причем зона интенсификации представлена более широко и дифференцированно и характеризуется большим спектром выражаемых экспрессивных оттенков значения. Доминирующими средствами выражения интенсивности действия как в зоне интенсивности, так и в зоне деинтенсивности выступают лексические средства, являющиеся компонентами парадигматического и синтагматического уровней. Следует отметить, что интенсивность действия выражается на уровне речи (в синтагматике) с помощью гораздо большего числа разнообразных средств, чем на уровне языка (в парадигматике). Основными средствами выражения интенсивности/деинтенсивности в парадигматике являются лексико-семантические группы глаголов, одним из смысловых компонентов которых является сема интенсивности, усиления действия, но различающиеся степенью проявления данного признака. Определенная доля здесь принадлежит также словообразовательным элементам, благодаря которым интенсивность/деинтенсивность действия выражается на уровне лексемы.

Полагаем, что использование функционально-семантического подхода к исследованию катего-

рии интенсивности действия на материале немецкого языка позволило нам представить в системе как смысловые (содержательные) оттенки исследуемого значения, так и формальные средства его выражения и их взаимодействие. Можно отметить, что средства выражения деинтенсивности действия в большинстве случаев нейтральны в стилистическом плане и выражают, как правило, либо объективно-ослабленную степень проявления действия, либо выполняют прагматическую функцию смягчения характеристики действия. Лишь в редких случаях они могут быть экспрессивно окрашенными (*wie ein Spatz essen*, но *wenig essen*). Средства выражения интенсивности действия, напротив, обычно стилистически маркированы. Особенно ярко экспрессия проявляется в случае использования в качестве средств интенсификации действия качественных наречий, не потерявших образной основы, а также компаративных фразеологизмов, для которых характерна образность, возникающая в результате сравнения. Другие средства интенсификации действия также несут экспрессивную нагрузку в большей или меньшей степени. Как правило, говорящий использует эти средства для воздействия на слушателя с целью яркого представления или образной характеристики какого-либо действия или убеждения слушателя в правильности его оценки действия.

Список источников

1. Никонова Е. А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 123–139.
2. Казимирчик Л. В. Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 99–103.
3. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
4. Leontovich O. A. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective // Russian Journal of Linguistics. 2015. Vol. 19, № 4. P. 49–56.
5. Петросьян М. Г. Функционально-семантический подход к изучению категории экзистенциальности // Сборник научных работ аспирантов и молодых преподавателей. Ч. 3: Филология. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1999. С. 98–111.
6. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 256 с.
7. Немецко-русский синонимический словарь / И. В. Рахманов и др.; ред. Г. Шмидт. М., 1983. 704 с.
8. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев и др. М., 1979. 536 с.
9. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович и др.; под ред. Д. Маличе-Клаппенбаха, К. Агрикола. М., 1975. 656 с.
10. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 172 с.
11. Королева Е. И. Экспрессивные грамматические средства языка в аспекте функционально-семантического поля (на материале современной британской беллетристики): дис. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2016. 221 с.
12. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / Я. Э. Ахипкина и др. СПб.: Наука, 2005. С. 150–169.
13. Breu W. Zur Rolle der Lexik in der Aspectologie // Die Welt der Slaven. 1984. S. 123–148.

14. Штатская Т. В. Глаголы-интенсивы в экспрессивном контексте // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 9. С. 111–112.
15. Welskopf-Henrich L. Jan und Jutta. Mitterdeutscher Verlag Haale (Saale), 1974. 676 S.
16. Смирнова А. В. Метафора как когнитивный элемент передачи эмоций на примере немецкого языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 2 (167). С. 16–19.
17. Strittmatter E. Der Wundertäter. Aufbau, 1974. 438 S.
18. Терентьева Е. В., Ефимова А. А. Синтаксические средства выражения интенсивности признака // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7, № 6, ч. 2. С. 315–322.
19. Novotny J. Ein gewisser Robel. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun, 1979. 235 S.
20. Brezan J. Semester der verlorenen Zeit. Verlag Neues Leben Berlin, 1960. 276 S.
21. Abedi I. Hier kommt Lola! Bindlach: Loewe, 2015. 126 c.
22. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001. 416 с.
23. Willmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch Text.: in 2 B. Wortbildung.-Straßburg: Akademie, 1896. B. 2. 289 S. URL: <https://www.readanybook.com/ebook/deutsche-grammatik-gotisch-alt-mittel-und-neuhochdeutsch-2-518445> (дата обращения: 09.09.2023).
24. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. 500 с.
25. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Tübingen: Niemeyer, 1957. 306 S.

References

1. Nikonova Ye. A. Diskursivnaya praktika i kommunikativnaya strategiya: eklektika vs polypragmatism? [Discursive practice and communicative strategy: eclecticism vs polyparadigmatism]. *Nauchnyy dialog – Scientific dialogue*, 2023, iss. 12, no. 6, pp. 123–139 (in Russian).
2. Kazimirchik L. V. Fenomen mediatizatsii publichnoy politiki: teoretiko-metodologicheskii aspekt [The phenomenon of mediation of public policy: theoretical and methodological aspect]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2014, no 11, pp. 99–103 (in Russian).
3. Frumkina R. M. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 320 p. (in Russian).
4. Leontovich O. A. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 2015, vol. 19, no. 4, pp. 49–56.
5. Petrosiyan M. G. Funktsional'no-semanticheskii podkhod k izucheniyu kategorii ekzistentsional'nosti [Functional-semantic approach to the study of the category of existentiality]. In: *Sbornik nauchnykh rabot aspirantov i molodykh prepodavateley* [Collection of scientific works of graduate students and young teachers. Part 3: Philology]. Rostov-on-Don, RSPU Publ., 1999. Pp. 98–111 (in Russian).
6. Bondarko A. V. *Osnovy funktsional'noy grammatiki: Yazykovaya interpretatsiya idei vremeni* [Fundamentals of functional grammar: Linguistic interpretation of the idea of time]. Saint Petersburg, 1999. 256 p. (in Russian).
7. Rachmanov I. V. et al. *Nemetsko-russkii sinonimicheskii slovar'* [German-Russian synonym dictionary]. Ed. G. Shmidt. Moscow, 1983. 704 p. (in Russian).
8. Zuev A. N. et al. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh elementov nemetskogo yazyka* [Dictionary of word-forming elements of the German language]. Moscow, 1979. 536 p. (in Russian).
9. Binovich L. E. et al. *Nemetsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [German-Russian phraseological dictionary]. Ed. by D. Maliche-Klappenbakha and K. Agrikola. [Moscow, 1975. 656 p. (in Russian).
10. Turanskiy I. I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1990. 172 p. (in Russian).
11. Korolyova Ye. I. *Ekspressivnyye grammaticheskiye sredstva yazyka v aspekte funktsional'no-semanticheskogo polya (na materiale sovremennoy britanskoy belletristiki)*. Dis. kand. filol. nauk [Expressive grammatical means of language in the aspect of the functional-semantic field (based on the material of modern British fiction). Diss. cand. philol. sci.]. Ekaterinburg, 2016. 221 p. (in Russian).
12. Rodionova S. Ye. Semantika intensivnosti i yeyo vyrazheniye v sovremennom russkom yazyke [Semantics of intensity and its expression in modern Russian language]. In: Ya. E. Akhapkina et al. *Problemy funktsional'noy grammatiki: polevyye struktury* [Problems of functional grammar: field structures]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005. Pp. 150–169 (in Russian).
13. Breu W. Zur Rolle der Lexik in der Aspectologie. *Die Welt der Slaven*. 1984. S. 123–148.

14. Shtatskaya T. V. Glagoly-intensivy v ekspressivnom kontekste [Intensive verbs in expressive contexts]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya – International Journal of Experimental Education*, 2015, no. 9, pp. 111–112 (in Russian).
15. Welskopf-Henrich L. Jan und Jutta. Mitterdeutscher Verlag Haale (Saale), 1974. 676 s.
16. Smirnova A. V. Metafora kak kognitivnyi element peredachi emotsyi na primere nemetskogo yazyka [Metaphor as the cognitive element of emotions' transfer on the example of the German language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, vol. 2 (167), pp. 16–19 (in Russian).
17. Strittmatter E. *Der Wundertäter*. Aufbau, 1974. 438 s.
18. Terent'eva Ye. V., Yefimova A. A. Sintaksicheskiye sredstva vyrazheniya intensivnosti priznaka [Syntactic means of adjective intensification]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* [Historical and Social Educational Ideas]. Krasnodar, 2015. vol. 7, no. 6, pp. 315–322 (in Russian).
19. Novotny J. *Ein gewisser Robel*. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1979. 235 s.
20. Brezan J. *Semester der verlorenen Zeit*. Verlag Neues Leben Berlin, 1960. 276 s.
21. Abedi I. *Hier kommt Lola!* Bindlach: Loewe, 2015. 126 s.
22. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, 2001. 416 p. (in Russian).
23. Willmanns W. *Deutsche Grammatik*. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch Text: in 2 B. Wortbildung.-Straßburg: Akademie, 1896. B. 2. 289 S. URL: <https://www.readanybook.com/ebook/deutsche-grammatik-gotisch-alt-mittel-und-neuhochdeutsch-2-518445> (accessed 9 September 2023).
24. Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of language history]. Moscow, 1960. 500 p. (in Russian).
25. Henzen W. *Deutsche Wortbildung*. Tübingen: Niemeyer, 1957. 306 s.

Информация об авторах

Кузьмина О. В., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015).

E-mail: kusmina@bsu.edu.ru

Ломоносова Ю. Е., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015).

E-mail: lomonosova@bsu.edu.ru

Соболева Т. Е., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015).

E-mail: soboleva@bsu.edu.ru

Information about the authors

Kuzmina O. V., Associate Professor, Belgorod State University (ul. Pobedy, 85, Belgorod, Russian Federation, 308015).

E-mail: kusmina@bsu.edu.ru

Lomonosova Yu. Ye., Associate Professor, Belgorod State University (ul. Pobedy, 85, Belgorod, Russian Federation, 308015).

E-mail: lomonosova@bsu.edu.ru

Soboleva T. Ye., Associate Professor, Belgorod State University (ul. Pobedy, 85, Belgorod, Russian Federation, 308015).

E-mail: soboleva@bsu.edu.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 13.12.2023; accepted for publication 23.03.2024

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 811.161.1'06'38–112

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64>

Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении

Болотнова Нина Сергеевна¹, Болотнов Алексей Владимирович²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *nsb@tspu.edu.ru*

² *stylistica@tspu.edu.ru*

Аннотация

Актуальность исследования определяется важностью анализа основных этапов развития стилистики как одной из ключевых областей современного речеведения, отражающей смену научных лингвистических парадигм и перенос акцентов с изучения языка на изучение речи и речевой деятельности. Хотя некоторые этапы развития стилистики в разной степени уже освещались, для стилистики будущего важно обобщить уже имеющиеся наблюдения и динамику развития данной области знания в целом. Целью статьи является анализ проблематики и краткой истории отечественной стилистики в современном научном освещении, обзор различных стилистических направлений, развивающихся на разных этапах ее развития, и определение перспектив данной области знания. Материалом для исследования послужили работы известных лингвистов, написанные в разные годы, включая издания последних лет. На основе наблюдения, анализа и обобщения были выявлены основные особенности отдельных этапов и тенденций в развитии стилистики в России, а также намечены перспективы современных стилистических исследований в русле новой научной когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике. Стилистика рассмотрена в статье как важная часть речеведения и коммуникативной теории текста, значимая для формирования речевой культуры личности. Представлена динамика развития отечественной стилистики в XX–XXI вв., охарактеризован вклад отдельных ученых в формирование ее различных направлений на разных этапах развития стилистики, отмечены связь стилистики с теорией дискурса и перспективы развития данной области знания с учетом смены научных парадигм. Будущее стилистики связано с коммуникативной теорией текста и смежными областями знания в рамках коммуникативного, когнитивного, антропоцентрического, психолингвистического, дискурсивного и других научных направлений современной русистики. Тенденция к интеграции с другими областями знания является определяющей для современной стилистики, которая имеет прочную теоретическую базу, основанную на антропоцентризме и текстоцентризме гуманитарных наук и сильна своими научными школами. Многообразие сфер общения и речевых практик языковых личностей разных типов, появление новых информационных технологий и каналов связи определяют новые горизонты стилистических исследований в XXI в.

Ключевые слова: *стилистика русского языка, этапы развития стилистики, научные направления, стиль, текст, дискурс*

Для цитирования: Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 56–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64>

RUSSIAN LANGUAGE AND LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Actual problems of stylistics in modern and historical coverage

Nina S. Bolotnova¹, Aleksey V. Bolotnov²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ nsb@tspu.edu.ru

² stylistica@tspu.edu.ru

Abstract

The relevance of the study is determined by the importance of analyzing the main stages in the development of stylistics as one of the dominant areas of modern speech science. This area reflects a change in the scientific linguistic paradigm and a shift in emphasis from the study of language to the study of speech and speech activity. Although some stages of the development of stylistics have already been covered to one degree or another, it is important to summarize the existing observations and the dynamics of the formation of this field of knowledge as a whole. The purpose of the article is to analyze the problems and brief history of Russian stylistics in modern scientific interpretation, review various stylistic trends developing at different stages of its formation, and identify the prospects of stylistics.

The material for the study is the works of famous linguists written in different years, including recent publications. Based on observation, analysis and generalization, the main features of individual stages and trends in stylistics development in Russia were identified, and the prospects for modern stylistic research in line with the new scientific cognitive-discursive paradigm in linguistics were outlined. The article points out stylistics as an important part of speech science and communicative theory of text, which is important for the formation of human speech culture. The dynamics of the development of Russian stylistics in the XX–XXI centuries are presented, the contribution of individual scientists to the formation of its various directions at different stages of stylistic development is characterized. The article notes the connection between stylistics and the theory of discourse and the prospects for the development of this field of knowledge, taking into account the change in scientific paradigms. The future of stylistics is connected with the communicative theory of text and related areas of knowledge in communicative, cognitive, anthropocentric, psycholinguistic, discursive and other scientific areas of modern Russian studies. The tendency towards integration with other fields of knowledge is decisive for modern stylistics, which has a strong theoretical basis, formed on the anthropocentrism and textocentrism of the humanities, and is strong in its scientific schools. The diversity of spheres of communication and speech practices of linguistic personalities of different types, the emergence of new information technologies and communication channels determine new horizons for stylistic research in the 21st century.

Keywords: *stylistics of the Russian language, stages of development of stylistics, scientific directions, style, text, discourse*

For citation: Bolotnova N. S., Bolotnov A. V. Aktual'nyye problemy stilistiki v sovremennom i istoricheskom osveschenii [Actual problems of stylistics in modern and historical coverage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 56–65 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-65>

Введение

В структуре речеведения как интегративной области знания роль стилистики особенно велика в силу ее неразрывной связи с риторикой, культурой речи, теорией текста. Формирование речевой культуры личности невозможно без знания основ стилистики (стилистических ресурсов русского языка, специфики разных сфер общения, законов жанрово-стилистического варьирования речи и т. д.), что определяет ее востребованность

в разные периоды развития общества. В этом плане показательны названия сборников статей по стилистике и работ М. Н. Кожинной и других исследователей [1–3].

Между тем судьба стилистики как особой области лингвистического знания складывалась в России по-разному. Из выделенных В. В. Виноградовым [4, с. 5] направлений стилистики (стилистика языка, стилистика речи, стилистика художественной речи) особенно давняя история

у стилистики художественной речи. Это связано с тем, что отдельные ее аспекты так или иначе освещались уже в исследованиях XVIII–XIX вв., хотя, по мнению М. Н. Кожиной, «как научная дисциплина стилистика начинает формироваться примерно с 20–30-х гг. XX в.» [5, с. 9].

Результаты и обсуждение

В истории отечественной стилистики важным этапом стала дискуссия 50-х гг. XX в. о статусе данной области знания и ее ключевых понятиях на страницах журналов «Вопросы языкознания» и «Вопросы литературы», когда оспаривалось и защищалось место стилистики в науке, обсуждался вопрос о статусе стилей языка и стилей речи, месте языка художественной литературы в общей системе стилей. Это стало мощным стимулом для дальнейшего развития данной области знания. В работах В. В. Виноградова 50-х гг. формулируется ключевое понятие стиля с учетом не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов общения, ставшее классическим для стилистики в последующие годы: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [6, с. 73].

Что касается стилистики художественной литературы, в 50-е гг. отмечалось «массовое производство статей по языку и стилю писателя», для которых были характерны, по словам В. В. Виноградова, «теоретическая необоснованность лингвистического анализа» [7, с. 49], а «стилистический анализ подменялся или прерывался анализом идеологическим» [7, с. 41].

Если в 1959 г. В. В. Виноградов еще называл стилистику «широкой, но малоисследованной областью» [7, с. 637], то в 60-е гг. наблюдаются существенные изменения в развитии данной области знания. Это связано с появлением первых работ по функциональной стилистике М. Н. Кожиной «О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей» [8], «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики» [9], «К основаниям функциональной стилистики» [10]; монографии «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» В. В. Виноградова по стилистике художественной литературы с уточнением ее предмета и задач как интегральной составной части литературоведения и языко-

знания [4]; книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского», важной для перехода от монологического мировосприятия к диалогическому, от изучения монологической речевой культуры к диалогической [11].

В работах М. Б. Борисовой, Д. Н. Шмелева, А. И. Федорова, Л. А. Соколовой активно разрабатываются лингвистические аспекты стилистики художественной литературы, акцентируется внимание на семантике языковых знаков, связи слова и образа, изучаются типы речи в художественной прозе. Начиная с 1962 г. в Саратове публикуются сборники «Вопросы стилистики» под редакцией О. Б. Сиротининой, особенно значимые для развития данной области знания.

Важным этапом в развитии стилистики в России стали 70-е гг. XX в. Выход книги В. В. Виноградова «О теории художественной речи» в 1971 г. и концепция образа автора, отраженная в ней, сыграли ключевую роль в осмыслении системной организации текста и в акцентировании, хотя и в самом общем плане, его коммуникативной природы: в частности, подчеркивалась особая роль читателя, который «не только „читает“ писателя», но и творит вместе с ним, подставляя в его произведения все новые и новые содержания» [12, с. 8]. Идея деятельностного подхода к проблеме стиля развивалась и в работе М. П. Брандес [13]. По-прежнему актуальной в эти годы остается проблема соотношения слова и образа в работах ряда ученых: Н. А. Рудякова, Э. С. Азнауровой, В. П. Григорьева, Л. А. Новикова и др. Для дальнейшего развития коммуникативного подхода к тексту в стилистике важно, что в этот период И. В. Арнольд разрабатывает такое направление, как стилистика декодирования, или «стилистика восприятия» [14], под влиянием идей Майкла Риффатера.

Стилистика ресурсов получает свое развитие в книге Ю. М. Скребнева «Очерк теории стилистики» [15]. В этот период усиливается внимание к лингвистическим аспектам стилистических исследований в работах многих ученых: З. И. Хованской, Е. Г. Ковалевской, А. Д. Григорьевой, Г. Я. Солганика, С. Г. Ильенко, О. А. Нечаевой, Е. А. Иванчиковой, Л. А. Новикова и др. Именно в 70-е гг. XX в. в программы педагогических вузов вводятся курсы «Стилистика русского языка» и «Лингвистический анализ художественного текста». На развитие лингвистической стилистики в этот период оказали большое влияние ранее вышедшие работы по лингвистическому анализу текста Л. В. Щербы [16].

Решительный поворот к тексту и разработка лингвистики и стилистики текста связаны с 80-ми гг. XX в. В это время акцентируется вни-

мание на проблемах организации текста и его типах. Значительным событием стало издание книги В. В. Одинцова «Стилистика текста» [17], в которой стилистика текста рассмотрена как часть стилистики речи, основное внимание было уделено изучению структурных принципов текстовой организации и конструктивным приемам.

Новые аспекты стилистического исследования в этот период акцентируются в работе Т. Г. Винокур [18]. Важно, что автор вводит понятие стилистического узуса и делает акцент на исследованиях в аспекте «акт речи – узус – норма». Это позволило соотносить в перспективе текстовую деятельность автора с общими закономерностями стилистического использования языковых средств в разных сферах общения и по-новому решать проблему индивидуального стиля автора текста.

Особое внимание в 1980-е гг. уделялось художественному тексту и его смысловому развертыванию. Так, Н. А. Купина вводит понятия поверхностного и глубинного смысла текста [19], И. Я. Чернухина выделяет универсальные смыслы в структурно-смысловой организации текста в контрастивной поэтике [20–21]. Для анализа смысла текста особый акцент в работах этого периода делается не просто на роли лексики, а на изучении классов слов и текстовых парадигм (работы В. Д. Черняк, И. С. Куликовой, Р. Л. Смулаковской и др.).

В 1980-х гг. появляются и исследования, рассматривающие лингвистику текста как особое научное направление, интересующееся семантикой, синтактикой и прагматикой текста (работы О. И. Москальской, И. Р. Гальперина, Е. А. Гончаровой, З. Я. Тураевой и др.). Ученые изучают взаимосвязь текстовых фрагментов [22], текстовые категории и средства их выражения [23], структуру текста и его единицы; провозглашают необходимость исследования экстралингвистических факторов, включая порождение и восприятие текста [24]. Именно в 1980-е гг. в работах по стилистике и лингвистике текста была заложена теоретическая база для дальнейшего коммуникативного изучения текста в разных сферах общения (см., например, труды Е. В. Сидорова [25–26], Ю. Н. Караулова [27] и др.).

1990-е гг. в отечественной стилистике связаны с разработкой коммуникативно-деятельностного подхода к тексту вообще и художественному тексту в частности (статьи Н. А. Кожевниковой, Е. А. Некрасовой, О. Г. Ревзиной, К. Э. Штайн, Н. А. Николиной, А. Г. Баранова и других авторов в сборниках «Поэтика и стилистика» (1991), «Текст и его изучение в вузе и школе» (1991), «Художественный текст: единицы и уровни ор-

ганизации» (1991), «Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте» (1994) и др.; монографии О. Л. Каменской [28], Н. С. Болотновой [29–30]). Наряду с этим усиливается внимание к антропоцентрическим тенденциям в стилистике, к языковой личности автора, стоящей за текстом, благодаря разработке концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, получившей широкое распространение.

1990-е гг. – время зарождения коммуникативной стилистики текста, реализующей коммуникативно-деятельностный подход к тексту, включая три направления исследований: теорию регулятивности, теорию текстовых ассоциаций, теорию смыслового развертывания текста. Целью коммуникативной стилистики в самом общем смысле стала разработка теоретических аспектов комплексного изучения текстовой деятельности автора и адресата в целях их эффективного общения. Это важно для формирования коммуникативной культуры языковой личности, участвующей в первичной и вторичной текстовой деятельности, т. е. в порождении текста и его восприятии, интерпретации и понимании. В связи с этим актуальным стало исследование средств и способов достижения коммуникативного эффекта в диалоге автора и адресата, анализ закономерностей текстовой организации (коммуникативных универсалий) разных типов, варьирующихся в зависимости от индивидуального стиля языковой личности, жанра, сферы и обстоятельств общения [31–33].

Для коммуникативной стилистики на ее современном этапе в XXI в. характерны когнитивный и медийный векторы развития в русле когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы (работы Н. С. Болотновой, О. В. Орловой, А. В. Курьянович, И. А. Пушкаревой, А. В. Болотнова, А. А. Каширина, А. В. Шутовой, О. Л. Кабаниной и др.).

Общее направление в разработке когнитивного вектора коммуникативной стилистики – от изучения вербализации ключевых концептов в текстах разных типов к исследованию концептуальной структуры целого текста как формы коммуникации. Это дает возможность решать проблему смысловой интерпретации текста с опорой на его лексическую структуру и анализировать особенности мировидения автора. В разработке медийного вектора коммуникативной стилистики в исследованиях последних лет (см., например, [34–36 и др.]) акцент сделан на разработке проблемы гармонизации общения в медиасфере, изучении специфики идиостиля медийных личностей разных типов, выявлении общих стилистических тенденций в медиакommunikации,

анализе стилистических особенностей новых медиажанров и т. д.

Этот комплекс проблем вписывается в общий научный контекст лингвистики XXI в. и определяется современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмой. С усилением внимания к теории дискурса в России на рубеже XX–XXI вв. и в последующие годы вновь неоднократно возникал вопрос о статусе и целесообразности стилистики, однако данная область знания, имеющая богатую историю в отечественном языкознании, была, есть и будет.

Теория дискурса, получившая широкое распространение в XXI в., представленная разными научными школами (Т. ван Дейк, М. Фуко и др.), не стала абсолютно новым феноменом для отечественных стилистов, поскольку акцент на экстралингвистических факторах и учет обстоятельств общения, ситуации, фактора адресата, сферы общения, типа мышления и др.) постулировался в отечественной стилистике и ранее в трудах Пермской школы функциональной стилистики, активно разрабатываемой под руководством проф. М. Н. Кожиной (ср. работы М. Н. Кожиной, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой и др.). Очевидно, что в разных направлениях дискурсологии отмечаются разные акценты в изучении общего контекста коммуникации (ср. немецкую школу, школу Т. ван Дейка, голландскую, англосаксонскую школы и др.), что, конечно, представляет определенный интерес и для отечественных ученых.

Вопрос о статусе и перспективах развития стилистики в XXI в. остается актуальным. Например, обзор статей в сборнике по итогам IV Международной научной конференции 2016 г. в Москве «Стилистика сегодня и завтра» [37] позволяет судить об актуальности не только новых, но и традиционных для стилистики XXI в. проблем, освещаемых учеными. Среди них: стилистические ресурсы разных типов, жанрово-стилистическая динамика в разных сферах общения и появление новых жанров и тенденций в текстовой деятельности (ср.: освещение таких жанров, как частное письмо, литературная рецензия, описание специфики полемических текстов и PR-текстов, рекламы). В качестве центральной и наиболее дискуссионной проблемы с начала XXI в. по-прежнему рассматривается взаимосвязь феноменов *стиль* и *дискурс* (статьи Е. А. Баженовой и М. П. Котюровой, Г. Н. Манаенко, Л. Н. Синельниковой, О. С. Рогалевой и др.). По этому вопросу нам близка точка зрения Е. А. Баженовой и М. П. Котюровой о неразрывной связи данных понятий и продуктивности теоретической базы функциональной стилистики [38]. Ранее связь

дискурсного анализа со стилистикой была подробно рассмотрена М. Н. Кожиной [5, с. 189–201]. Как и Г. Н. Манаенко, считаем, что «дискурсология и функциональная стилистика находятся в отношениях дополнительности» [39]. В последние годы стал особенно очевиден акцент на медийном направлении лингвистических исследований (статьи В. И. Карасика, Т. Л. Каминской, Т. В. Чернышовой, Е. Г. Малышевой, Н. Г. Нестеровой и др.). В последние годы интерес к медиастилистике особенно усиливается, судя по количеству публикаций (см., например, монографии [40–41]).

Особый статус стилистики обусловлен не только ее сущностью и задачами – изучением языка «по всему разрезу его структуры в целом», но в особом аспекте – «с точки зрения употребления», как отмечал Г. О. Винокур [42]. Это связано также с неослабевающим интересом науки в целом и современной лингвистики в частности к ЧЕЛОВЕКУ и его социальной сущности, проявляющейся в общении, в разных сферах коммуникации. Принцип антропоцентризма был и остается главным в науке о языке, а смещение акцентов с изучения языка на изучение речи и речевой деятельности, наблюдающееся в последние десятилетия, делает особенно актуальной проблему изучения разных форм проявления личности, прежде всего ее коммуникативной (текстовой) деятельности, а значит, и ее индивидуального СТИЛЯ как ключевого понятия стилистики.

Заключение

Отечественная стилистика сильна своими истоками (ср. работы В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. В. Щербы, Б. А. Ларина и др.), научными центрами (Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Саратов, Томск и др.). В рамках стилистических научных центров исследователи делают разные акценты и преимущественно занимаются изучением разных сфер общения: в Москве – публицистикой и массмедиа (В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, Н. И. Клушина, Е. С. Кара-Мурза и др.); в Санкт-Петербурге – художественными текстами (К. А. Рогова и ее школа) и медиатекстами (И. П. Лысакова, В. И. Коньков, Л. Р. Дускаева, В. В. Васильева и др.); в Перми – научной сферой общения (М. Н. Кожина, М. И. Котюрова, Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская и др.) и публицистической, включая массмедиа (В. А. Салимовский, В. А. Мишланов и др.); в Саратове – художественной (М. Б. Борисова, И. А. Тарасова и др.), а также разговорно-обиходной и диалектной речью (О. Б. Сиротинина, В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, М. А. Кормилицина и др.), в Томске – художественными и эпистолярными

текстами, а также медиатекстами разных жанров и стилей (Н. С. Болотнова, И. А. Пушкарева, О. В. Орлова, А. В. Курьянович, А. В. Болотнов и др.).

В области современной стилистики очевидна общая тенденция к расширению сферы исследования и интеграции. Представляется справедливым утверждение Е. А. Баженовой и М. П. Котюровой: «Стилистика открыта к взаимодействию со смежными направлениями современной науки и позволяет объединить функционально-стилистический, дискурсивный, когнитивный и другие подходы в трансдисциплинарный, синергетический» [38, с. 39].

Будущее стилистики связано с обогащением ее предмета, объекта и методов исследования благодаря взаимодействию с когнитивной лингвистикой и дискурсологией, лингвистической прагматикой и психолингвистикой, лингвокультурологией, медиалингвистикой и другими областями научного знания. При этом скрепляющим, цементирующим началом в области стилистики является, во-первых, ключевое понятие «стиль» (функциональный стиль языка/речи и индивидуально-авторский стиль), фокусирующее многообразие речевых практик и расширяющиеся сфе-

ры общения, связанное с разнообразием речевых жанров, уникальностью языковых личностей. Во-вторых, ключевое понятие «речевая системность стиля» (об этом писали М. Н. Кожина, Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, В. А. Салимовский и др.), позволяющее на конкретной теоретической основе, заложенной функциональной стилистикой, ставить и решать проблемы жанрово-стилистического варьирования различных речевых практик языковых личностей разных типов в различных сферах общения.

Стилистика – вечно молодая наука, живо откликающаяся на все изменения в обществе, активно внедряющая различные достижения смежных областей знания и активно реагирующая на все социальные и технологические изменения в обществе. С этим связано развитие на основе достижений в смежных областях знания и теории функциональной стилистики различных направлений: коммуникативной и когнитивной стилистики (Н. С. Болотнова, С. М. Карпенко, А. В. Курьянович, Н. Г. Петрова, И. А. Пушкарева, О. В. Орлова и др.), креативной стилистики (Н. А. Купина, Т. В. Матвеева), медиастилистики (Л. Р. Дускаева, Н. И. Клушина, Б. Тошович и др.) и т. д.

Список источников

1. Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь: Изд-во ПГУ: ПСИ: ПССГК, 2002. 475 с.
2. Стилистика как речеведение: сборник научных трудов славянских стилистов, посвященный памяти профессора М. Н. Кожиной / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта и др., 2013. 266 с.
3. Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М.: Флинта, 2015. 624 с.
4. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Акад. наук СССР. Отд. литературы и языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 255 с.
5. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
6. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
7. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
8. Кожина М. Н. О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей / отв. ред. М. А. Генкель; ред. Г. В. Бажутина. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1962. 59 с.
9. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Пермский гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1966. 211 с.
10. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968. 250 с.
11. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 361 с.
12. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 240 с.
13. Брандес М. П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка). М.: Высш. шк., 1971. 190 с.
14. Арнольд И. В. Стилистика декодирования: курс лекций. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974. 76 с.
15. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики: учебное пособие / Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова. Горький, 1975. 175 с.
16. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
17. Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.
18. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 237 с.

19. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвистического анализа. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1983. 160 с.
20. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. 115 с.
21. Чернухина И. Я. Основы контрастивной поэтики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 198 с.
22. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
23. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
24. Тураева З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 126 с.
25. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.
26. Сидоров Е. В. Коммуникативный принцип исследования текста // Известия АН СССР. Серия: Литература. 1986. Т. 45, № 5. С. 425–432.
27. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
28. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.
29. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ин-та, 1994. 212 с.
30. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / под ред. С. В. Сыпченко. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 312 с.
31. Коммуникативная стилистика текста: лексическая структура и идиостиль / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. А. Васильева и др.; под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. 331 с.
32. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
33. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова и др.; под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
34. Болотнова Н. С. Об основных тенденциях развития стилистики и статусе когнитивной стилистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3. С. 5–11.
35. Болотнов А. В. О некоторых особенностях подтекста в медиадискурсе публициста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 25–37.
36. Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия / Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов, Н. В. Камнева и др.; под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2017. 248 с.
37. Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. М.: Факультет журналистики МГУ, 2016. 639 с.
38. Баженова Е.А., Котюрова М. П. Функциональная стилистика... без границ // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Междунар. науч. конф. М.: Факультет журналистики МГУ, 2016. С. 38–41.
39. Манаенко Г. Н. Дискурс и стиль в отношении к тексту // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Междунар. науч. конф. М.: Факультет журналистики МГУ, 2016. С. 368–373.
40. Клушина Н. И. Медиастилистика. 2-е изд. М.: Флинта, 2019. 184 с.
41. Дускаева Л. Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М.: Флинта, 2019. 340 с.
42. Винокур Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.

References

1. Kozhina M. N. *Rechevedeniye i funktsional'naya stilistika: voprosy teorii. Izbrannyye trudy* [Speech science and functional stylistics: theoretical issues. Selected works]. Perm, PSU Publ., 2002. 475 p. (in Russian).
2. Duskaeva L. R. (ed.) *Stilistika kak rechevedeniye: sbornik nauchnykh trudov slavyanskikh stilistov, posvyashchyenny pamyati professora M. N. Kozhinoy* [Stylistics as speech science: a collection of scientific works of Slavic stylist, dedicated to the memory of Professor M. N. Kozhina]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 266 p. (in Russian).
3. Kozhina M. N. *Rechevedeniye. Teoriya funktsional'noy stilistiki: izbrannyye trudy* [Speech Science. Theory of functional stylistics: selected works]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 624 p. (in Russian).
4. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1963. 255 p. (in Russian).
5. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka: uchebnik* [Stylistics of the Russian language: textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 464 p. (in Russian).

6. Vinogradov V. V. Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki [Results of the discussion of issues of stylistics]. *Voprosy yazykoznaniya – Issues of linguistics*, 1955, no. 1, pp. 60–87 (in Russian).
7. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [About fiction]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 656 p. (in Russian).
8. Kozhina M. N. *O ponyatii stilya i meste yazyka khudozhestvennoy literatury sredi funktsional'nykh stiley* [On the concept of style and the place of the language of fiction among strong styles]. Executive editor M. A. Genkel; editor G. V. Bazhutina. Perm, Permskoye knizhnoye Publ., 1962. 59 p. (in Russian).
9. Kozhina M. N. *O spetsifike khudozhestvennoy i nauchnoy rechi v aspekte funktsional'noy stilistiki* [On the specificity of artistic and scientific speech in the aspect of functional stylistics]. Perm, 1966. 211 p. (in Russian).
10. Kozhina M. N. *K osnovaniyam funktsional'noy stilistiki* [To the foundation of functional stylistics]. Perm', 1968. 250 p. (in Russian).
11. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki F. M. Dostoevskogo* [Problems of poetics F. M. Dostoevsky]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 361 p. (in Russian).
12. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 240 p. (in Russian).
13. Brandes M. P. *Stilisticheskiy analiz (na materiale nemetskogo yazyka)* [Stylistic analysis (based on the material of the German language)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 190 p. (in Russian).
14. Arnol'd I. V. *Stilistika dekodirovaniya: kurs lektsiy* [Stylistics of decoding: a course of lectures]. Leningrad, LGPI im. A. I. Gertsena Publ., 1974. 76 p. (in Russian).
15. Skrebnev Yu. M. *Ocherk teorii stilistiki: uchebnoye posobiye* [Essay on the theory of stylistics: textbook]. Gorkiy, 1975. 175 p. (in Russian).
16. Shcherba L. V. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 188 p. (in Russian).
17. Odintsov V. V. *Stilistika teksta* [Stylistics of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 263 p. (in Russian).
18. Vinokur T. G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinit* [Patterns of stylistic use of language units]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 237 p. (in Russian).
19. Kupina N. A. *Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvisticheskogo analiza* [The meaning of artistic text and aspects of linguistic analysis]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk un-t Publ., 1983. 160 p. (in Russian).
20. Chernukhina I. Ya. *Elementy organizatsii khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta* [Elements of organization of artistic prose text]. Voronezh, VSU Publ., 1984. 115 p. (in Russian).
21. Chernukhina I. Ya. *Osnovy kontrastivnoy poyetiki* [Fundamentals of contrastive poetics]. Voronezh, VSU Publ., 1987. 198 p. (in Russian).
22. Moskal'skaya O. I. *Grammatika teksta* [Text grammar]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 183 p. (in Russian).
23. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 138 p. (in Russian).
24. Turaeva Z. Ya. *Lingvistika teksta (Tekst: struktura i semantika)* [Linguistics of text (Text: structure and semantics)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1986. 126 p. (in Russian).
25. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech systematicity]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 140 p. (in Russian).
26. Sidorov E. V. *Kommunikativnyy printsip issledovaniya teksta* [Communicative principle of text research]. *Izvestiya AN SSSR*, 1986, vol. 45, no. 5, pp. 425–432 (in Russian).
27. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p. (in Russian).
28. Kamenskaya O. L. *Tekst i kommunikatsiya* [Text and communication]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 152 p. (in Russian).
29. Bolotnova N. S. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical structure of literary text in the associative aspect]. Tomsk, TSPU Publ., 1994. 212 p. (in Russian).
30. Bolotnova N. S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinit leksicheskogo urovnya* [Literary text in the communicative aspect and complex analysis of units of the lexical level]. Tomsk, TSU Publ., 1992. 312 p. (in Russian).

31. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Vasil'eva A. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya struktura i idiosil'* [Communicative stylistics of the text: lexical structure and idiostyle]. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2001. 331 p. (in Russian).
32. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: Dictionary-thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
33. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative stylistics of the text: lexical regulation in text activity]. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 492 p. (in Russian).
34. Bolotnova N. S. Ob osnovnykh tendentsiyakh razvitiya stilistiki i statuse kognitivnoy stilistiki [On the main trends in the development of stylistics and the status of cognitive stylistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2012, no. 3, pp. 5–11 (in Russian).
35. Bolotnov A. V. O nekotorykh osobennostyakh podteksta v mediadiskurse publitsista [On some features of subtext in the media discourse of a publicist]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 71, pp. 25–37 (in Russian).
36. Bolotnova N. S., Bolotnov A. V., Kamneva N. V. et al. *Yazykovaya lichnost' i mediasreda: kommunikativno-kognitivnye aspekty vzaimodeystviya* [Linguistic personality and the media environment: communicative and cognitive aspects of interaction]. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, Tomskiy TSNTI Publ., 2017. 248 p. (in Russian).
37. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Stylistics today and tomorrow: materials of the IV International Scientific Conference]. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ., 2016. 639 p. (in Russian).
38. Bazhenova E. A., Kotyurova M. P. Funktsional'naya stilistika... bez granits [Functional stylistics... without borders]. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Stylistics today and tomorrow: materials of the IV International Scientific Conference]. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ., 2016. Pp. 38–41 (in Russian).
39. Manaenko G. N. Diskurs i stil' v otnoshenii k tekstu [Discourse and style in relation to the text]. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Stylistics today and tomorrow: materials of the IV International Scientific Conference]. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ., 2016. Pp. 368–373 (in Russian).
40. Klushina N. I. *Mediastilistika* [Media stylistics]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 184 p. (in Russian).
41. Duskaeva L. R. *Stilisticheskiy analiz v medialingvistike* [Stylistic analysis in media linguistics: monograph]. Moscow, FLINTA Publ., 2019. 340 p. (in Russian).
42. Vinokur G. O. *Filologicheskiye issledovaniya: lingvistika i poetika* [Philological studies: linguistics and poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 452 p. (in Russian).

Информация об авторах

Болотнова Н. С., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: nsb@tspu.edu.ru

Болотнов А. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: stylistica@tspu.edu.ru

Information about the authors

Bolotnova N. S., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: nsb@tspu.edu.ru

Bolotnov A. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: stylistica@tspu.edu.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 19.02.2024; accepted for publication 23.03.2024

УДК 811.161

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-65-73>

Речевой жанр автобиографии как дискурсивная практика (на материале текста В. Я. Булохова)

Лариса Олеговна Бутакова

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», Омск, Россия,
larisabutakova1@gmail.com*

Аннотация

Понятие дискурсивной практики как способа социально ориентированной речевой деятельности может быть применено к процессам создания и результатам (речевым произведениям, текстам) отдельной языковой личности, осуществляющей свою профессиональную деятельность в коммуникациях разного типа, жанра, адресной направленности и пр. Отдельные тексты такой личности можно считать своего рода дискурсивной практикой (по признакам социальной ориентации, реализации совокупности речевых жанров, проявлений субъектного начала, выраженности/невыраженности адресной направленности, тематической и семантической организации, когнитивной доминанты и пр.). Цель статьи – выявить дискурсивные параметры, связанные с тематическим, когнитивным, коммуникативным воплощением языковой личности автора (филолога), способами передачи информации, организации коммуникации с адресатом в художественно-публицистической речевой деятельности автобиографической направленности. На материале текста мемуарного типа «Автобиография», написанного красноярским филологом доктором педагогических наук В. Я. Булоховым, были показаны способы реализации языковой личности автора на структурном, тематическом, коммуникативном, когнитивном уровнях организации художественно-публицистического дискурса и типы проявления дискурсивной практики на основе применения регулятивов социального и персонального типа, обращающих внимание адресата на вписанность сообщаемой информации в социальный контекст «широкого» или «узкого» типа, взаимодействие хронотопов «там и тогда», «здесь и сейчас», «тогда как прогностическое сейчас». Применение анализа тематической и структурной организации текста, выявление режимов коммуникации, их чередования, особенностей актуализации когнитивного состава с помощью средств передачи информации на семантическом, прагматическом уровнях позволило установить ведущие речевые стратегии, маркирующие автобиографическую дискурсивную практику языковой личности, речевой деятельности которой присущи лексическая, синтаксическая, коммуникативная, стилевая вариативность, многообразие пространственно-временных и эгоцентрических компонентов дейксиса и текстообразования.

Ключевые слова: дискурс, текст, дискурсивная практика, коммуникативная, структурная, смысловая, когнитивная организация текста, регулятив, художественно-публицистический дискурс

Для цитирования: Бутакова Л. О. Речевой жанр автобиографии как дискурсивная практика (на материале текста В. Я. Булохова) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 65–73. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-65-73>

Speech genre of autobiography as a discourse practice (based on the text by V. Ya. Bulokhov)

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russian Federation, larisabutakova1@gmail.com

Abstract

The concept of discursive practice as a method of socially oriented speech activity is effective for describing the processes of creation and results (speech works, texts) of an individual linguistic personality who carries out his professional activities in communications of various types, genres, targeted orientation, etc. Certain texts of such a personality can be considered a kind of discursive practice (on the basis of social orientation, implementation of a set of speech genres, manifestations of the subjective principle, expressiveness/non-expression of address focus, thematic and semantic organization, cognitive dominant, etc.). The purpose of the article is to identify discursive parameters related to the thematic, cognitive, communicative embodiment of the linguistic personality of the author (philologist), methods of transmitting information, organizing communication with the addressee in artistic and journalistic speech activity of an autobiographical orientation. Analysis of the text of the memoir type “Autobiography” (written by Doctor of Pedagogical Sciences, Krasnoyarsk philologist V. Ya. Bulokhov) revealed ways of realizing the author’s linguistic personality at the structural, thematic, communicative cognitive levels of the organization of artistic and journalistic discourse, as well as features of discursive practice through the use of social regulations and personal type. Regulators draw the addressee’s attention to the connection of the reported information with the social context

of a “broad” or “narrow” type, the interaction of chronotopes “there and then”, “here and now”, “while the prognostic now”. The use of analysis of the thematic and structural organization of the text, identification of modes of communication, their alternation, features of updating the cognitive composition using means of transmitting information at the semantic, pragmatic levels made it possible to establish leading speech strategies that mark the autobiographical discursive practice of a linguistic personality, whose speech activity is characterized by lexical, syntactic, communicative, pragma-style variability, diversity of spatio-temporal and egocentric deictic components of discursive practices of text-forming means.

Keywords: *discourse, text, discursive practice, communicative, structural, semantic, cognitive organization of the text, regulative, artistic and journalistic discourse*

For citation: Butakova L. O. Rechevoy zhanr avtobiografii kak diskursivnaya praktika (na materiale teksta V. Ya. Bulokhova) [Speech genre of autobiography as a discourse practice (based on the text by V. Ya. Bulokhov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 65–73 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-65-73>

Введение

Проблемы границ, определения, сущности дискурса, категориальный и функциональный аппарат дискурс-анализа не одно десятилетие занимают зарубежных и российских исследователей [1–7]. Аналитические обзоры подходов к указанным понятиям можно найти в работах [5–10]. Лингвисты отмечают междисциплинарность связи исследований дискурса и речевой коммуникации, абстрактность понимания дискурса «с использованием языка как общественной практики, которая участвует в формировании социального мира», чем объясняют «тот интерес к анализу дискурса, который объединяет лингвистов, социологов, политологов, культурологов и представителей других гуманитарных направлений» [6, с. 227].

В системе классификаций дискурсов художественная коммуникация занимает особое место. В дискурсивной парадигме она получает деятельностный и социально ориентированный акценты, обозначается термином «художественный дискурс». Некоторые исследователи связывают такой вид дискурса с понятием «художественного», интерпретируя именно его в деятельностном ключе, – можно условиться «художественными» обозначать свойства самой творческой деятельности (художественно-языкового материала) [9, с. 21]. Понятие «художественный дискурс» соотносят с понятием «художественное высказывание» [10, с. 22], определяют его с учетом взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя), эстетических факторов порождения и восприятия [9, с. 35]. Коммуникация «промежуточного» типа, совмещающая черты художественного и публицистического повествования (жанр автобиографии, организующий текст профессионального писателя или филолога), может рассматриваться сходным образом – как «художественно-публицистический» тип дискурса – и анализироваться по дискурсивным параметрам.

Современные подходы к дискурсу любого типа (не только художественному) направлены или на установление способов смыслопорождения [10, 11], или на описание семантики [12], или на поиск единиц и приемов, наиболее пригодных для выражения дискурсивной семантики [13, 14]. Определенная их часть связана с понятиями «дискурсивная практика» и «коммуникативная стратегия» (см. обзор и анализ подходов к понятиям в [8, с. 128 и далее; 15, 16]). Первая и вторая категории понимаются динамично, социально, когнитивно, деятельностно, как комплекс речевых действий [8, с. 131, 132]. Ср. определение дискурсивной практики как динамичной организации коммуникативных систем, отражающих «характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление» и формирующих «новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [6, с. 58]. Совмещение коммуникативно-прагматических и дискурсивных подходов к одному и тому же объекту допустимо в процессе выявления определенных коммуникативных стратегий в рамках тех или иных дискурсивных практик. Оно не будет противоречивым как одна из процедур моделирования параметров дискурсивной практики одной языковой личности. Совокупность текстов отдельно взятой языковой личности может быть оценена в качестве дискурса данной личности (основанием для объединения будет выступать не параметр тематического (как при тематическом подходе) или социального единства (как при социолингвистическом подходе), а параметр принадлежности речевой деятельности конкретному индивиду [3]).

Цель статьи – выявить дискурсивные параметры, связанные с тематическим, когнитивным, коммуникативным воплощением языковой личности автора (филолога), со способами передачи информации, организации коммуникации с адресатом в художественно-публицистической рече-

вой деятельности автобиографической направленности.

Материал и методы

Материалом для данного исследования является художественно-публицистический текст мемуарного типа «Автобиография», написанный красноярским филологом профессором Красноярского государственного педагогического университета доктором педагогических наук В. Я. Булоховым. Данный текст – не единственное «ненаучное» произведение автора. Есть сборники рассказов и стихотворений (их перечень автор разместил в финальной части «Автобиографии»). Многие филологи пишут прозу и стихи, далеко не все написали автобиографические тексты. В данном тексте отчетливо проступают черты языковой личности филолога, ученого, человека своего времени.

Методология исследования включает несколько этапов: 1. Оценка тематической организации текста, 2. Определение связи тематического состава и структуры автобиографического текста. 3. Выявление коммуникативной направленности текста в аспекте выражения коммуникативных и когнитивных моделей персонального дискурса в рамках заданной дискурсивной практики.

Результаты и обсуждение

Автобиографические тексты могут быть квалифицированы в дискурсивной парадигме в целом (об этом уже говорилось выше), поскольку обладают жанровой, когнитивной, коммуникативной направленностью, представляя «человека своего поколения, времени, профессии», вписаны в типовые ситуации общения, являют собой «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [17, с. 12]. Они могут быть проанализированы как определенные дискурсивные практики, поскольку образуют динамическую систему внутри социума (по официальным поводам и по внутренней мотивации люди определенных профессиональных и социальных групп создают речевые произведения, отражающие их речевое поведение и мышление, определенные формы коммуникации в конкретной социокультурной реальности).

Текст «Автобиографии» содержит 14 разделов, часть из которых типична для дискурсивной практики автобиографического типа («От автора», «Екимовское», «Оптина пустынь», «Людиново», «Москва», «Янги-Базар», «Ингаш», «Красноярск», «Омск», «Опять Красноярск»),

поскольку передает пространственные этапы жизни автора (перечень собственных имен – названий мест, в которых автор текста последовательно жил). В. Я. Булохов не случайно вынес эти названия в «Содержание»: своего рода это структурно-тематические пространственные регулятивы, которые акцентируют внимание адресата на важности для адресанта этих мест и самого принципа перемещения в пространстве (термин Н. С. Болотновой, о регулятивах см. [18]). Некоторые разделы «От автора», «Свидетельство о рождении», «Заключение», «Список основных публикаций», «Список художественных произведений» отражают стандартные компоненты иных дискурсивных практик.

Раздел «От автора» типичен в научном, учебно-научном, художественном и художественно-публицистическом дискурсах. Данный раздел анализируемого текста отличается наличием посвящения, которое также является регулятивом абсолютного начала текста, точно указывающим на конкретного адресата (дети и внуки автора), с одной стороны, и обобщенного (все, кто захочет проделать такую же работу – приумножить знания о своей родовой фамилии) – с другой: «Посвящаю детям Игорю и Елене, внукам Андрею и Евгению с надеждой на приумножение знаний о родовой фамилии» [19, с. 3]. Раздел «От автора» примечателен тем, что в нем есть обозначение «широкого» адресата, выражение отношения автора к нему и своему тексту: «Не мне заботиться о том, кто будет читать мою книгу. Одним некогда, другие, сидя за телевизорами и компьютерами, не привыкли читать. Возможно, написал я ее для себя, потому что не мог не написать». В этом же разделе пространно представлена основная стратегия речи – объяснить читателю причины написания текста, обозначить границы жанра, оценить свои речевые способности, отметить личностный и профессиональный статус: «Это автобиография без художественных зарисовок и почти без лирических отступлений. Я стремился рассказать не только о себе, но и о людях, окружавших меня, пытался нарисовать обстановку, описать условия, в которых рос, воспитывался, формировался как человек и как ученый» [19, с. 3].

Разделы списочного плана, особенно первый из них («Список основных публикаций»), отражают черты дискурсивных практик научного дискурса (от статей до монографий и диссертаций), а также компоненты официально-делового и документного дискурса (каждый преподаватель вуза по определенным причинам предоставляет в официальные инстанции списки своих трудов). Второй список («Список художественных произ-

ведений») – указатель для адресата на то, что автор писал не только научные труды, что еще раз показывает совмещение компонентов дискурсов разного типа.

Филологическая составляющая языковой личности автора персонального художественно-публицистического дискурса проявилась на разных уровнях организации «Введения» и всех глав книги. На когнитивном уровне она представлена актуализацией концептов «книга», «творчество», «наука», «преподавание» в семантическом поле самопрезентации. На прагматическом уровне это проявляется в этом же поле через использование интертекстуальных стратегий (во «Введении» это выражено в привлечении афоризма К. Пруткина и высказываний А. П. Чехова).

Часть «Свидетельство о рождении» не случайно расположена сразу же после раздела «От автора», так как она важна для пишущего не только с точки зрения даты рождения, документного описания этого момента, но и для передачи недоверия к этому документу по нескольким линиям – графики и орфографии фамилии, когнитивной лакуны – незнания точной даты по причине установления этого факта эмпирическим путем в детском доме (неточность фиксации даты рождения типична для рожденных в СССР в 20–30-х гг. XX в.). Информативная, тематическая, когнитивная составляющие данной части акцентированы регулятивами персональной и социальной значимости информации.

Регулятивы социального типа выделяют для адресата лексически, эгоцентрически, интертекстуально вариативность графической и акцентной нормы фамилии автора БулОхов или БулАхов с ударением на первом слоге, соотносительность с известным русским композитором П. П. Булаховым, его песнями и романсами, оформлением его фамилии в энциклопедическом словаре и частотным произнесением на радио. Персональные регулятивы задают по всему тексту данной части передачу информации как процесс чтения автором свидетельств о рождении, выделяют его недоверие к варианту фамилии, отраженному в свидетельстве о рождении, неустойчивость написания ее отцом в разных документах, судебной процедуры установления единообразия написания для определения трудового стажа, рефлексии братьев-близнецов Александра и Якова на информацию о композиторе, исправлении ими в документах «о» на «а», стойкости самого автора в выборе «о», ударения на первом слоге, нежелании походить на кого-либо: «Я же всю жизнь прочно держусь за букву О и ударение на первом слоге. Я не хочу быть похожим на кого-то, даже на знаменитого человека» [19, с. 5]. Некоторые

типы этой информации важны также в социальном отношении: наличие вариантов написания собственных имен в документах разного типа, судебная процедура установления личности, ее трудового стажа по документам.

Темы рождения, документа о рождении, детства, войны, братьев, отца, матери, самого автора, детского дома и его работников, композитора-однофамильца, места рождения, написания книги – тесно переплетены, развиваются по рекурсивному принципу в субъектно-безобъектном (безадресной я-коммуникации) повествовании. Ряд тем вводится с помощью привлечения внимания к процессу продолжения чтения документа и цитации: «Продолжаю читать. – Родился 1 мая 1933 года». Введение документной цитаты провоцирует автора к рефлексивным и когнитивным актуализациям. Рефлексия связана с годом и датой рождения. Когнитивная составляющая – пространственный когнитивный сценарий «Наделение датой рождения детей в детском доме в ходе медосмотра». Сценарная «упаковка» данной информации обусловлена пошаговой передачей события, типичного для страны того периода. Когнитивная составляющая пересечена с эмотивной и интертекстуальной. Автор отмечает доброту членов комиссии, их стремление назначить дату, связанную с важными событиями страны, оценить это с позиций взрослого человека: «Члены комиссии были добрыми людьми и стремились, чтобы у каждого воспитанника день рождения совпадал с каким-либо общим праздником: 1 января, 1 мая, 7 ноября. Как поет В. Высоцкий, „И нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты“. Мне досталось 1 мая. Хорошо, что не 7 ноября» [19, с. 5].

Эти стратегии актуальны и дальше. Информирование о письме отца с фронта в детский дом о дате рождения сына 20 июня пересекается с информацией о прочтении отцом всего одной книги, которую он помнил наизусть, что вызывает рефлексии и по поводу отца автора (возможности точного запоминания даты рождения сына), и по поводу отцов вообще, которые плохо помнят даты рождения своих детей, и по поводу себя самого (не помнит дат рождения своих детей; у самого два дня рождения – 1 мая и 20 июня: «Отмечать я их не люблю: они напоминают мне Великую Отечественную войну»).

Рекурсивный шаг возвращает автора к записям в свидетельстве о рождении: «Далее в свидетельстве о рождении написаны родители: отец – Булохов Яков Харитонович (русский) и мать –. Вместо фамилии, имени и отчества матери стоит прочерк. Получается, что родился я без матери» [19, с. 5–6] (о принципе рекурсивности как по-

вторяющемся характере взаимодействия между коммуникантом и выстраиваемой им средой; рекурсивном шаге как операциональной единице коммуникации см. [20, с. 16]). Документная информация снова пересекается с информацией о медицинской комиссии, детском доме, ситуации записи сведений со слов самих детей по памяти, отце, отношения к нему людей, матери, ее облике, памяти, себе: «Мать жила незаметно... Теперь я знаю ее имя и отчество: Мария Архиповна, в девичестве Горюнова. Эта фамилия мне больше нравится, и она, кажется, лучше примеривается к моей судьбе» [19, с. 6].

Дальнейший шаг повествования и передачи информации снова представляет собой возврат к фиксации записи факта рождения и факта регистрации, их расхождения на 12 лет, констатации обыденности неточностей записей и возможности обмана. Такой возврат – своего рода подводка к рассуждениям о редкости фамилии, ее этимологии, вероятностных корнях (для этого даны этимологические справки – от М. Фасмера до Ю. Федосюка).

Следующие части текста, особенно посвященные детским и юношеским годам («Екимовское», «Оптина пустынь», «Людиново», «Москва»), в тематическом, когнитивном, структурном отношении реализуют отмеченные способы дискурсивного и текстового развития. В части «Екимовское» актуальны темы «село», «река» «детство – дети», «бедность», «школа», «мать – смерть», «война», «немцы», «оккупация», «партизаны», «разделение детей», «голод». Все темы связаны с концептами «память», «семья», «скитания». Репрезентация тем и компонентов концептов происходит с опорой на информативные, эмотивные, оценочные стратегии, совмещение точек зрения «ребенок тогда»/«взрослый сейчас»: «Мои воспоминания этого голодного времени, что лоскутное одеяло, состоят из отдельных кусков, которые не сшиты в моей памяти, как прочно сшиты у одеяла», «Годы оккупации на всю жизнь определили многие привычки и отношение к окружающему миру. До сих пор сплю, укрыв голову простыней или одеялом, как спал, чтобы согреться, во время войны...» [19, с. 17]. Интертекстуальная стратегия в этих частях реализована с помощью цитат из немецких агитационных листовок на русском языке, разбрасываемых по деревням, частушек военного времени, отсылок к прецедентным феноменам биографий Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, текстам этих писателей, а также А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова.

Часть «Оптина пустынь» охватывает темы «детский дом», «учеба», «чтение», «работа»,

«отец», «братья». Темы учения и чтения преобладают, они же представляют концепт «учеба» через информативные и аксиологические его составляющие, связанные с изготовлением чернил и «носителями» текста: «Писали мы на старых газетах карандашом или самодельными чернилами. Осенью бродили по лесу, собирали с опавших листьев дуба галлы, шарики, болезненные наросты, серный сок которых заменял нам чернила; зимой чернила изготавливали из сажи. По сей день стоит перед глазами написанное мною в диктante на газете слово *шел* через о» [19, с. 19]; отношением к новым словам: «К новым словам пацаны относились с интересом и настороженностью. Слово *концерт* мы встретили иронически и переименовали его в *консервы*, которые хорошо нам были знакомы, как и другие продукты питания, поставляемые нам из Америки» [19, с. 20], стремлением учиться: «Я хотел учиться, а отец не мог ни мне, ни братьям предоставить такого удовольствия. ...Так я ушел от родного отца. Победило стремление учиться» [19, с. 23].

Часть «Людиново», кроме указанных тем, посвящена теме учителей, которая становится доминирующей. Актуализация темы связана с портретами выдающихся людей, которые были учителями автора, – Ю. Даниэля и его жены Л. Богораз, С. М. Бонди и других. Большая часть информативной и оценочной составляющих текста главы посвящена именно Ю. Даниэлю и Л. Богораз. Средства актуализации темы – регулятивы социального и персонального типа. Первые привлекают внимание читателя рассуждениями констатирующего типа: «Каждый человек в течение своей жизни встречается со многими хорошими или плохими учителями в школе, вузе и на работе, но только отдельные из очень хороших учителей достойны преклонения. Мне повезло» [19, с. 28]. Персональные регулятивы в данной части текста представляют собой перечисление имен и фамилий известных филологов, у которых учился автор.

Социальные регулятивы, связанные с описанием событий 1966 г. в контексте политической обстановки в стране, сочетаются с персональными регулятивами. Социально значимая информация касается подробностей дела Синявского – Даниэля; персональная информация заключена в оценке тех, кто открыто защищал свободу творчества; описании биографии Даниэля, его учебы и работы, отношения к матери, жене, ученикам: «Как сейчас, перед моими глазами Юлий Маркович, увлеченный рассказом, медленно ходит вдоль классной доски, без пиджака, опускает руки по швам, берется за края своего полосатого пуловера и тянет его далеко вниз... Это была

дружная семья, увлеченная школьной педагогической деятельностью. Вершиной этой деятельности в период моего обучения в школе стал голевский литературный вечер... В заключительной сцене я изображал самого Гоголя, вернее, памятник ему» [19, с. 29–31].

Соединение регулятивов социального и персонального типа происходит не только по линии совмещения разных уровней информации, но и разных планов хронотопа: повествование «здесь и сейчас» (в момент написания текста) пересекается с повествованием «тогда» (воспоминаниями о периоде, о котором идет речь) и с повествованием «будущее в прошедшем»: «Но мы, школьники, не думали, что наш учитель – будущий писатель, и не знали, что он сын писателя. Мы, конечно, не предполагали, что Лариса Иосифовна Богораз станет известной правозащитницей, да и слова такого тогда не было в употреблении» [19, с. 34]. Значимость фигуры Учителя и Человека для автора передана через финальный для данной части регулятив, совмещающий персональную и социальную информацию: «На этом формально закончились годы учения словесности у Юлия Марковича Даниэля. Умер он 30 декабря 1988 года, но в сердцах благодарных учеников он продолжает жить и остается Учителем» [19].

Часть «Москва» продолжает тему учителей по рекурсивному и прогрессивному принципам. Рекурсия связана с постоянными отсылками к мнению Ю. М. Даниэля и Л. И. Богораз, которые повлияли на выбор филологического факультета МГУ, куда поступил автор. Рекурсивные шаги связывают те или иные информативные или оценочные высказывания пишущего с выражением своего рода соотношения с позицией Ю. Даниэля или его высказываниями. Рекурсивны некоторые фрагменты этой части, связанные также с отцом и сестрой.

Прогрессивный принцип реализован через передачу информации, в которой выделены яркие портретные и/или событийные черты преподавателей МГУ и однокурсников автора (двое из них трагически закончили свои жизни, о чем, совмещая временные планы, пишет автор, «забегая вперед»), описания военных сборов гуманитарных факультетов, совпавших с выходом постановления Пленума ЦК об антипартийной группе (своего рода акцией неповиновения московских студентов тогдашним властям), сцены долгого прощания с Москвой перед получением диплома и окончанием университета.

Своеобразным способом регулятивности является смена коммуникативного режима: повествовательный монолог автора сменяется «полифоническим диалогом»: речевые партии членов

приемной комиссии, опрашивавших автора текста, даны без указаний на говорящих субъектов, отделены друг от друга и от ответов абитуриента графически. Еще одним способом регулятивности является смена типа дискурса: при описании созданных студентами филфака обществ и сменявших их шутилой «Черноморской эскадры» и фрегата «Жемчужина» приводятся приказ по эскадре и рапорт, написанные в традициях институционального дискурса в официально-деловом стиле. При этом автор подчеркивает как игровой характер создаваемых тогда «обществ», так и стратегию применяемой их участниками языковой игры, соответственно, трансформации дискурсивной практики как противостояние социально значимой практике того времени: «Нас интересовала чисто бумажная сторона дела, языковая игра. Однако игра явно противопоставлялась некоторым общественным организациям» [19, с. 46].

Остальные части книги представляют профессиональную учительскую и научную деятельность автора. В разделах «Янги-Базар» и «Ин-гаш» преобладают регулятивы социального типа, связанные как с особенностями распределения выпускников МГУ 1958 г., так и с тонкостями работы учителя в Узбекистане («Тут наконец-то до меня дошло, что восток – дело тонкое, и я не вписываюсь в эту тонкую структуру» [19, с. 56]) и Красноярском крае («Случались и такие периоды, когда я директорствовал в трех местах одновременно: в восьмилетней школе, на УПК для вольнонаемных и в средней вечерней школе для заключенных» [19, с. 76]).

Есть социально значимые регулятивы в «Заключении», реализующие стратегию «подведение итога». Части «Красноярск», «Омск», «Опять Красноярск», «Заключение» наполнены регулятивами персонального типа («Прохолюстяковал лет восемь, 7 июля 1995 года я женился на Чернышевой Людмиле Матвеевне... После защиты докторской диссертации никаких других неожиданных и выдающихся событий в моей жизни не произошло», «Как видит читатель, в моей жизни было много трудного» [19, с. 102, 104]).

Заключение

Текст «Автобиографии» отражает, с одной стороны, характерное для социальной общности профессионально ориентированных людей (учителей, руководителей школы, студентов, преподавателей вуза, научных сотрудников) речевое поведение и мышление, а с другой – формирует комплексные формы коммуникации в данной социокультурной реальности, связанные с творческим переосмыслением жанра автобиографии

и совмещением в нем черт публицистического и художественного дискурсов.

Не только совокупность текстов отдельно взятой языковой личности может быть оценена в качестве дискурса данной личности, но и текст, совмещающий разные коммуникативные стратегии, композиционные компоненты которого указывают на сложное переплетение речевых мотивов и наличие речевых компетенций, образованных в ходе ведения дискурсивных практик разного типа.

Сформированность у языковой личности компонентов дискурсивных практик художественного типа связана с наличием высокого уровня креативного речевого компонента, эстетической мотивации речевой деятельности и наличием опыта самой этой деятельности. Все в совокупности проявляется в эстетически ориентированной речевой деятельности (поэтической и/или прозаической).

Сформированность у этой же личности компонентов дискурсивных практик официально-делового, профессионально ориентированного, учебного, педагогического, научного типа обусловлена интенсивной речевой деятельностью в рамках профессионально ориентированных институциональных и персональных дискурсов. Наличие сформированности и первых и вторых компонентов указывает на развитую языковую личность автора, одинаково эффективно реализующую разные типы дискурса. Именно такая языковая личность отражена в анализируемом тексте. Речевой деятельности В. Я. Булохова присущи лексическая, синтаксическая, коммуникативная, прагматическая вариативность, многообразие пространственно-временных и эгоцентрических дейктических компонентов дискурсивных практик, текстообразующих средств.

Совмещение коммуникативно-прагматических стратегий эстетически и публицистически ориентированной коммуникации ярко проявляется в автобиографической дискурсивной практике. Хотя сам автор подчеркивает в начале текста отсутствие художественных зарисовок и лирических отступлений, способ организации повествования, наличие антропоморфных метафорических структур, выбор коммуникативных моделей

(от я-, мы-коммуникации с отсутствующим адресатом до коммуникативной полифонии), информационный и интертекстуальный состав свидетельствуют об обратном.

Компоненты публицистического дискурса являются определяющими (выбор жанра способствует этому), проявляются во вводных и заключительных рассуждениях автора по каждому поводу, цитации документных фрагментов, постоянном обращении читателя к событиям в стране и типовому поведению (в том числе речевому) определенных групп людей или отдельных личностей в типичных ситуациях. Эстетическая и профессиональная филологическая составляющие выражаются не только в образном способе мышления (особенно это проявилось в главах, передающих детство и юность при описании часто прозаических и даже «сниженных» объектов), но и в обилии цитат и фрагментов из текстов частушек, песен, стихов и прозы разных поэтов и писателей, включая самого автора. Интертекстуальная стратегия не менее важна в таком типе дискурса: научные интересы педагога и методиста (речь школьников, речевые недостатки и пр.) не вытесняют в дискурсивной практике литературные и книжные пристрастия филолога.

При наличии безадресной коммуникации фигура адресата на формальном уровне задана в разделе «От автора» в виде посвящения детям и внукам и в разделе «Заключение» в виде описания «продолжателей рода». Фактическая фигура – все, кому интересно читать данный текст. Управление вниманием адресата и влияние на него производится автором через набор регулятивов социального и персонального типа. Тематическое разнообразие в пределах частей, пересекаемость тем и представленных средствами их воплощения концептов, применение принципов рекурсивного и прогрессивного развития, смена коммуникативных моделей внутри частей текста, вариативность средств связности текста, исторические и географические справки о местах, где родился, жил, учился, работал автор, об учителях, людях, с которыми свела его жизнь, можно квалифицировать также как своего рода регулятивы.

Список источников

1. Йоргансен М. В., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. 353 с.
2. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсанализу // Современная политическая лингвистика / под ред. Э. В. Будаева, А. П. Чудинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. С. 123–136.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

4. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
5. Иссерс О. С. Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 275 с.
6. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.
7. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 54–61.
8. Никонова Е. А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 123–139. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139
9. Фещенко В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 16–35. doi: 10.24411/2072-9316-2021-00001
10. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.
11. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2021. 208 с.
12. Бутакова Л. О., Орлова Н. В. Семантика дискурса // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 30–37. doi: 10.51762/1FK-2022-27-04-03
13. Dijk T. A. van. Discourse, semantics and ideology // Discourse and society. L. etc. 1995. Vol. 6, № 2. P. 243–289.
14. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity, 1992. 259 p.
15. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. С. 37–61.
16. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2002. 284 с.
17. Чернявская В. Е. «Дискурс – лидер продаж» или распродажа дискурса? // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 6–14.
18. Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 197–203.
19. Булохов В. Я. Автобиография. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. 124 с.
20. Карданова-Бирюкова К. С. Лингвистическая теория речевого события: структурно-эволюционный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 359 с.

References

1. Yorgansen M. V., Filips L. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Kharkov, 2008. 353 p. (in Russian).
2. Vodak R. Vzaimosvyaz' "diskurs – obshchestvo": kognitivnyy podkhod k kriticheskomu diskursanalizu [The relationship between "discourse and society": a cognitive approach to critical discourse analysis]. In: Budayev E. V., Chudinov A. P. (eds) *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2006. pp. 123–136 (in Russian).
3. Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Language personality: institutional and personal discourse: collection of scientific works]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. P. 5–20 (in Russian).
4. Karasik V. I. *Yazykovyye klyuchi* [Language keys]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 520 p. (in Russian).
5. Issers O. S. *Lyudi govoryat: diskursivnyye praktiki nashego vremeni* [People speak: discursive practices of our time]. Omsk, Omsk State University Publ., 2012. 275 p. (in Russian).
6. Issers O. S. Diskursivnaya praktika kak nablyudayemaya real'nost' [Discursive practice as observable reality]. *Vestnik Omskogo Universiteta – Herald of Omsk University*, 2011, no. 4, pp. 227–232 (in Russian).
7. Chernyavskaya V. Ye. Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmy [Phantoms and syndromes of the discursive paradigm]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2014, no. 1 (38), pp. 54–61 (in Russian).
8. Nikonova Ye. A. Diskursivnaya praktika i kommunikativnaya strategiya: eklectika vs poliparadigmatizm? [Discursive practice and communicative strategy: eclecticism vs polyparadigmatism?]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2023, vol. 12, no. 6, pp. 123–139 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139
9. Feshchenko V. V. Khudozhestvennyy diskurs: k opredeleniyu termina v perspektive lingvoestetiki [Artistic discourse: towards the definition of a term in the perspective of linguistic aesthetics]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*, 2021, no. 1 (56), pp. 16–35 (in Russian). DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00001

10. Chernyavskaya V. Ye. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 134 p. (in Russian).
11. Chernyavskaya V. Ye. *Tekst i sotsial'nyy kontekst: sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya* [Text and social context: sociolinguistic and discourse analysis of meaning generation]. Moscow, Lenand Publ., 2021. 208 p. (in Russian).
12. Butakova L. O., Orlova N. V. Semantika diskursa Semantics of discourse [Semantics of discourse]. *Filologicheskiy klass*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 30–37 (in Russian). DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-03
13. Dijk T. A. van. Discourse, semantics and ideology. *Discourse and society*. L. etc., 1995. Vol. 6, no. 2. Pp. 243–289.
14. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity Publ., 1992. 259 p.
15. Issers O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya [Discursive practice: to the definition of the concept]. *Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novyye diskursivnyye praktiki* [Modern speech communication: new discursive practices]. Omsk, Omsk State University Publ., 2011. Pp. 37–61 (in Russian).
16. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, URSS Publ., 2002. 284 p. (in Russian).
17. Chernyavskaya V. Ye. “Diskurs – lider prodazh” ili rasprodazha diskursa? [“Discourse is the best seller” or the sale of discourse?]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 3, pp. 6–14 (in Russian).
18. Bolotnova N. S. Kontsepsiya emotivnosti V. I. Shakhovskogo v kontekste issledovaniy po kommunikativnoy stilistike teksta [Concept of emotiveness V. I. Shakhovsky in the context of research on communicative stylistics of the text]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskiye nauki – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 2022, no. 3 (166), pp. 197–203 (in Russian).
19. Bulokhov V. Ya. *Avtobiografiya* [Autobiography]. Krasnoyarsk, RIO KSPU Publ., 2002. 124 p. (in Russian).
20. Kardanova-Biryukova K. S. *Lingvisticheskaya teoriya rechevogo sobytiya: strukturno-evolyutsionnyy aspekt. Dis. dokt. filol. nauk* [Linguistic theory of speech events: structural-evolutionary aspect. Diss. doc. philol. sci.]. Moscow, 2021. 359 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бутакова Л. О., доктор филологических наук, профессор, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 644077).
E-mail: larisabutakova1@gmail.com

Information about the author

Butakova L. O., Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor, Omsk Dostoevsky State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: larisabutakova1@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 20.02.2024; accepted for publication 23.03.2024

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 378(37.013)

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-74-83>

Аспектуальный комментарий в типологии толкований толкового словаря и учебного словаря русского языка как иностранного

Ольга Константиновна Грекова¹, Тюлай Акбаба²

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, olggre@list.ru*

² *Университет им. Бурдура Мехмета Акифа Эрсоя, Бурдур, Турция, tulay.0209@hotmail.com*

Аннотация

Многие зарубежные и российские лингвисты (в том числе синтаксисты так называемой Виноградовской школы) считают русское предложение/высказывание вербоцентричным, так как глагол служит опорой многих синтаксических структур как простого, так и сложного предложения. Именно поэтому так важны в процессе обучения иностранных учащихся все формы работы над разными сторонами этой грамматической категории, включая видовое формообразование, значение и употребление видовой пары (как категориальное, так и прагматическое), ее семантическая и синтаксическая сочетаемость с левыми и правыми актантами. В распоряжении иностранных учащихся, изучающих русский язык как иностранный (РКИ) в России и вне страны языка, имеются, как правило, разные типы словарей, и наша цель – проследить, какие возможности дают им эти словари для овладения употреблением глагольного слова в современном дискурсе. Иными словами, какой объем аспектуальной информации они содержат, насколько она адекватна современному состоянию языка и насколько способствует свободному участию иностранца в разных дискурсивных процессах, как устных, так и письменных. Рассмотрены те виды словарей, с которыми чаще всего в реальности имеют дело иностранные учащиеся – толковые и учебные словари разной направленности. Аспектуальные глагольные характеристики этих словарей анализируются в трех ракурсах: а) содержательном; б) структурном; в) знакового маркирования. Выявлены как достоинства, так и недочеты некоторых словарей, мешающие иностранным учащимся свободно ориентироваться в словарных статьях именно глагольных единиц языка, осознать аспектуальные особенности предложений с глагольными предикатами и адекватно употреблять видовые формы глагола в дискурсе. Исчислены спорные вопросы толкования глаголов, предложены варианты их решения. В результате исследования: 1) обоснована необходимость упорядочения и расширения аспектуальной информации словаря; 2) предложен иной тип семантизации глаголов – в зависимости от типа языкового значения; 3) разработаны направления изменения и практические материалы аспектуального комментария словарных статей глагольной лексики, в первую очередь учебных словарей РКИ.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, учебный словарь, аспектуальный комментарий, упорядочение и расширение*

Для цитирования: Грекова О. К., Акбаба Т. Аспектуальный комментарий в типологии толкований толкового словаря и учебного словаря РКИ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 74–83. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-74-83>

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHYLOLOGY

Aspectual commentary in the typology of interpretations of the explanatory dictionary and educational dictionary of the RFL

Olga K. Grekova¹, Tulay Akbaba²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, olggre@list.ru

² Burdur Mehmet Akif Ersoy University, Burdur, Turkey, takbaba@mehmetakif.edu.tr

Abstract

Many foreign and Russian linguists (including the syntaxists of the so-called Vinogradov's school) consider the Russian sentence to be verbocentric, because the verb supports many syntactic structures of both simple and complex sentences. That is why all types of studies on different aspects of this grammatical category are so important in the process of teaching foreign students, including aspect formation, meaning and use of the aspect pair (both categorical and pragmatic), its semantic and syntactic compatibility with left and right actants. As a rule, foreign students studying Russian as a Foreign Language (RFL) in Russia and outside the language environment have at their disposal different types of dictionaries, and our aim is to trace what opportunities these dictionaries provide for mastering the verbal word's use in modern discourse. In other words, how much aspectual information they contain, how adequate it is to the current state of the language, and how much it contributes to the free participation of a foreigner in various discursive processes, both oral and written. The types of dictionaries which foreign students most often deal with – explanatory and educational ones of various directions – are considered. Aspectual verbal characteristics of these dictionaries are analyzed in three perspectives: 1) content; 2) structure; 3) sign marking. The dictionary dignities are revealed as well as some drawbacks, preventing the international students from free orienteering in the dictionary entries of the Russian Verbs, from becoming aware of Aspectual peculiarities of Russian Sentences with Verbal Predicates and finally from adequate using the Aspect Forms in discourse. Controversial issues of interpretation of verbs are estimated, options for their solution are proposed. As a result of the study: 1) the necessity of ordering and expanding the aspectual information of the dictionary is proved; 2) a different type of verb semantics expounding is proposed, depending on the type of linguistic meaning; 3) the directions of changes and practical materials for Aspectual Commentary of Verbal entries, first of all, of the RFL educational dictionaries, have been developed.

Keywords: Russian as a Foreign Language, educational dictionary, aspectual commentary, ordering and expansion

For citation: Grekova O. K., Akbaba T. Aspektual'nyy kommentariy v tipologii tolkovaniy tolkovogo slovary RKI [Aspectual commentary in the typology of interpretations of the explanatory dictionary and educational dictionary of the RFL]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 74–83 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-74-83>

Введение

Работа со словарями является важной составляющей овладения иностранным языком, поэтому последовательность и единообразие представления в них языковой и речевой информации необходимы. Курс русского языка как иностранного (РКИ) все чаще ориентируется именно на новые учебные словари РКИ, поэтому они, наряду с современными толковыми словарями, являются предметом обсуждения в настоящей статье, одну из перспектив которой составит создание новых разнообразных словарей, где с неизбежностью будут фигурировать русские глаголы с аспектуальным комментарием. Учебные словари РКИ рассматриваются нами не просто как справочный материал для чтения и письма, а как из-

дания, обладающие обучающим эффектом благодаря заложенным в них коммуникативно релевантным данным. Актуальность работы обоснована разработанными авторами принципами введения в словарные статьи русских глаголов дополнительной аспектуальной информации, что значительно сократит путь к осознанному употреблению иностранцами глагольных форм в речи.

Материал и методы

Материалом работы является ряд популярных и доступных учащимся толковых словарей и учебных словарей РКИ: «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы»

[1], «Комплексный словарь русского языка» [2], «Русский словарь: учебный словарь русского языка для иностранцев» М. Н. Аникиной [3], «Учебный словарь русского языка: учебное пособие для средней школы: (программа развивающего обучения)» В. В. Репкина [4].

Методом работы является сопоставительный анализ словарных сведений о составе, значении и функционировании русской видовой пары, целями – выявление их сильных и слабых сторон (прежде подобный анализ проводился фрагментарно и предметом его были более всего словари толковые, а наполнение и обучающий эффект толкований учебных словарей не был принят в расчет) и выработка принципов совершенствования аспектуального комментария в рамках словарной статьи главным образом учебного словаря РКИ.

Результаты и обсуждение

I. Вклад видовой формы в словарное описание семантики глагола

Исследование базируется на утверждении, что «истолковать глагольную основу безотносительно к виду невозможно» [5, с. 48].

Е. В. Падучевой было также отмечено, что «В традиционных толковых словарях русского языка вклад видовой формы в семантику глагола отражается очень неполно» [6, с. 457]. Этот вывод, сделанный на основе анализа таких базовых словарей, как БАС, МАС, НОСС, некоторое время назад, актуален и сейчас и в ходе ее рассуждений касается следующих несоответствий: 1) толкуется форма несовершенного вида (НСВ), а значения и примеры даются в одной словарной статье на оба вида; 2) если парные по виду глаголы толкуются в совершенном виде (СВ) (что кажется автору более удачным), то форма НСВ, часто семантически более сложная, остается и без толкования, и без иллюстраций употребления; 3) иногда толкуется малоупотребительная или вовсе не употребительная видовая форма (как арестовывать) и оставляется без толкования употребительная.

Список Е. В. Падучевой, к сожалению, в лингводидактических целях РКИ необходимо продолжить. Словари будут характеризоваться в порядке возрастания представленности видовой семантики.

Представление видовой пары в словаре Л. Г. Бабенко

«Толковый словарь русских глаголов», содержащий 25 тыс. единиц, своей наполненностью привлекает многих изучающих русский язык как иностранный в России и других стра-

нах, и от него, казалось бы, можно было бы ожидать наиболее полного парадигматического, синтагматического и прагматического комментария относительно глагола. Но словарь [1] вызывает у читателя ряд сомнений.

1. Рубрикация словаря. Например, глагол *переводить* включен в рубрику 1.6 «Глаголы интеллектуальной деятельности» со следующим толкованием: переводить нсв (св – *перевести*), что на кого, что. В сочетании со словами *взор, взгляд*. Перен. Воспринимать (воспринять) что-л. зрением, перемещая взгляд с одного предмета на другой, син. *отводить*... [1, с. 307]. Данный глагол не имеет отношения к интеллектуальной деятельности.

2. Квантификация смыслов, принципы их дробления и объединения. Например, *встречать* представлен пятью словарными статьями, среди них следующие: а) воспринимать кого-л., что-л. органами зрения, обнаружив неожиданно. Син. *наткнуться*. Иногда он встречал Лизу в цехе... // *To encounter, to run across*; б) воспринимать зрением то, что попадает на пути. Син. *наткнуться, натолкнуться*. Они не встретили даже заросших просек. // *To see, notice, run across* [1, с. 304]. На самом деле а) и б) представляют одно значение.

Иногда, но, как мы видим, не всегда в основе излишнего дробления (как и укрупнения) толкования лежат особенности перевода на английский язык.

3. Приведенные синонимы *взрываться* – син. *вскипятиваться* [1, с. 350] входят в раздел 1.7.1 «Глаголы речевой деятельности». Синоним нельзя отнести к частотным.

4. Наличие так называемого порочного круга толкования, когда единицы толкуются друг через друга: *извещать* – син. *говорить, сообщая* [1, с. 358]; *сообщать* – син. *извещать* [1, с. 365].

5. Алгоритм поиска нужного глагола: при такой организации словаря инофонам, да и носителям языка нелегко найти нужный глагол, ведь прежде всего необходимо определить его принадлежность к конкретной тематической группе.

6. Излишняя минимизация списка значений единицы, ошибочные видовые формы. Напр., *утверждать* нсв (св *утвердить*) в чем и с прид. доп. Говорить (сказать) что-л. настойчиво и твердо, доказывая что-л., син. *убеждать*. *Старик утверждал, что он знал Сергея Ивановича лично* [1, с. 366].

Однако форма СВ приписана этому значению ошибочно. Невозможно **Старик утвердил, что он знал Сергея Ивановича лично*.

В словаре отсутствует другое значение данного глагола (или другой глагол): 'одобрить, под-

писать'. Ср.: Декан *утверждал* проект развития факультета. Декан *утвердил* проект развития факультета. В этом случае форма СВ возможна. В силу перечисленного выше рекомендовать данный словарь иностранным учащимся для самостоятельных занятий, пожалуй, не следует.

Представление характеристик глагола в «Комплексном словаре» А. Н. Тихонова (КСТ) и потребности курса РКИ

Рассмотрим классический толковый словарь [2] сквозь призму преподавания РКИ и отметим некоторые возникшие неудобства.

1. При наличии множества разнообразных словарных помет в фундаментальном толковом словаре (что, несомненно, относится к его достоинствам) в целях изучения РКИ релевантным может оказаться их ранжирование. Например, в КСТ переходность предшествует представлению видовой пары. Однако ошибка в глагольном управлении менее коммуникативно значима, чем неверный выбор видовой, видовременной формы. Стоило бы, на наш взгляд, начать с видовой пары.

2. Представление видовой пары ведется с разными векторами (то от НСВ к СВ, то наоборот), что исторически вполне обосновано принадлежностью к процессу перфективации или имперфективации, однако недостаточное знание истории языка не позволяет иностранным пользователям словаря опираться на исторические процессы в стремлении запомнить русскую видовую пару. Быстрее запоминается конвенциализированно оформленная пара единственного вектора, чаще от НСВ к СВ. Таким образом можно избежать и бесчисленных вопросов типа «Почему сначала дается *строить*, а потом *построить*, почему далее дается сначала *взлететь*, а потом *взлетать*?».

3. В словарные статьи некоторых глагольных единиц (но при этом не всех) включены правила сочетаемости с фазовыми глаголами: Начать (начинать, продолжить (продолжать), кончить (кончать) *изучать* кого-что-л. (только нсв) [2, с. 326–327]. Иностранному пользователю предполагается, что это особенность толкуемых глаголов, в то время как это общее правило сочетаемости всего глагольного состава русского языка.

4. В толковании значений ряда единиц использованы однокоренные слова, что не приветствуют лингводидактики РКИ. Это связано с тем, что если учащийся не знаком с корнем слова, то и толкование не будет ему доступно. Например, для глагола *изучить* – *изучать* приводится следующее толкование: 1. *Учась* (выделено нами. – О. Г., Т. А.) чему-л., приобрести (приобретать) знания; освоить (осваивать) что-л. [2, с. 326].

Представление видовой пары в толковом словаре по Е. В. Падучевой

Е. В. Падучева предлагает свои толкования для некоторых глаголов, как *заставлять* – *заставить*. После толкования значения формы СВ (поддающейся, по ее мнению, более адекватному и полному толкованию) она дает общую формулировку значения формы НСВ [6, с. 458–459], указав возможность частных контекстов употребления, среди которых множественность ситуаций, классифицируемых ею по типу конституента – носителя множественности. К частным контекстам относится ею и тот, в котором форма НСВ *заставлять* имеет значение многократности, и тот, в котором она имеет значение процесса, и тот, в котором имеется значение стативности.

На наш взгляд, не стоит перегружать словарную статью категориальными значениями видов. Аспектуальные универсалии должны поступать по общему информационному каналу грамматических и прагматических особенностей любой грамматической категории, в данном случае вида. Вариант системного представления русских аспектуальных значений в целях обучения РКИ используется в [7, 8]. Подобную информацию можно включить в текстовый аспектуальный комментарий приложения, о котором речь пойдет ниже.

II. Спорные вопросы содержания аспектуального комментария толкового словаря и учебного словаря РКИ

При анализе современных толковых словарей и учебных словарей РКИ открываются конкретные спорные вопросы содержания и организации аспектуального комментария глагольных единиц.

1. Формы представления в словаре не только чистовидовой, но и семантической (функциональной) видовой пары.

Под семантической видовой парой мы понимаем две видовые формы, НСВ и СВ, имеющие одно значение, но различающиеся семантическими оттенками. Представление семантической, или функциональной, видовой пары давно вошло в обиход синтаксических курсов РКИ, однако не было вполне канонизировано в фундаментальном курсе русского языка. Но в последние годы этот тип видовой пары был признан и в трудах фундаментального направления, например, Е. В. Петрухиной, написавшей, что «В русском языке функциональные видовые пары формируются не только в рамках тождественных лексических значений, но и на базе сходных значений, представляющих разные фазисно-временные параметры одного действия типа *кричать* – *закричать*, *плакать* – *заплакать*, *видеть* – *увидеть*,

гулять – погулять, катать – покатать [9, с. 446].

Широкий круг семантических корреляций видовых форм в составе функциональной пары описан также в [10]. Вопросы взаимодействия смыслов в разных контекстах рассматривался Л. О. Чернейко [11].

По данному поводу возможными представляются несколько решений, зависящих от дидактических установок составителя: а) толкование формы НСВ с указанием в скобках основных приставочных форм и с отсылками к формам СВ, представленным в тексте словаря в алфавитном порядке. Например: *читать* (про-, до-, пере-, от-); б) в целях построения интегративного лексико-грамматического курса РКИ (о принципах см. [12]), основные приставочные формы глагола можно ввести в единую словарную статью.

2. Приближение языка словарного толкования к метаязыку обыденного языкового сознания, что декларировано, например, В. З. Демьянковым [13, с. 136]. Заметим, однако, что учебные словари часто полистилистичны, и можно думать, что не все единицы соответствуют метаязыку обыденного языкового сознания.

3. Введение в текст толкования дополнительных синтаксических и иных характеристик, как, например, деагентивность (для глаголов как *свидетельствовать*, *убеждать* индекс^{деагент}, а для глаголов как *утверждать*, *замечать* – отсутствие индекса). Иными словами, декодируя индекс, инофоны смогут построить высказывания типа *Это свидетельствует о... Это нас убеждает, но не *Это утверждает* или **Это замечает...* Данная характеристика расширила бы коммуникативные возможности учащихся.

4. Проблема «плохой видовой пары» (термин Е. В. Падучевой).

В том, что *осудить* – *осуждать* образует видовую пару, сомнений нет. Однако, поскольку *осудить* – по преимуществу глагол речи, а *осуждать* – глагол ментальный, они образуют «плохую перфектную пару». Из *осудили* часто, но не всегда следует *осуждают*, а *осуждают* часто, но не всегда предполагает *осудили* [6, с. 468]. Другими словами, нельзя утверждать, что **Они осуждали-осуждали и наконец осудили*.

Форма предъявления подобных пар требует детального обсуждения.

5. Объем предъявления сочетаемости единицы и его обоснование.

III. Достижения учебной лексикографии.

Учебные словари РКИ

Говоря о достижениях учебной лексикографии, мы, в силу ограниченности объема статьи,

вынуждены остановиться в основном на одном издании, значительно, на наш взгляд, способствующем продвижению вперед в этой области. Это объемный, содержащий более 3 500 языковых единиц «Русский словарь (учебный словарь-справочник для изучающих русский язык как неродной)» М. Н. Аникиной, вышедший, однако, в серии «Русский язык как иностранный» [3]. В нем указываются грамматические характеристики языковой единицы, грамматическая и лексическая сочетаемость, сложные случаи употребления, словообразовательные особенности. Собственно словарю предшествует словник, значительно облегчающий пользование словарем. Словарь содержит четко продуманную систему разнообразных помет, в нем алгоритмизирован порядок поиска от буквы алфавита к номеру языковой единицы и дифференцируются чистовидовые и функциональные видовые пары. Рассмотрим последовательно достоинства и недостатки предъявления пользователю словаря толкований русского глагольного слова.

Достоинства представления глаголов в словаре М. Н. Аникиной

1. Указываются формы спряжения, 1-е и 2-е лицо ед. ч. и императив.

2. В предъявлении видовой пары по-разному оформляются так называемые чистовидовые пары и функциональные, или семантические. В первом случае обе формы даются сразу, первой идет форма НСВ, а форма СВ стоит в скобках: *падать* (в словнике на букву «П», П1) (упасть) – СВ в словнике на букву «У», но под обозначением также П1.

Отношение составителя к функциональным, или семантическим, видовым парам, формулируется вполне определенно: «Для глаголов могут указываться образованные с помощью приставок формы СВ, которые не образуют видовую пару, но вносят нюанс в значение заголовочного слова» [3, с. 7].

Семантическая видовая пара вводится иначе: *ждать* (!НСВ) Ж8, с. 7. Ниже дается в рамке: *подождать* СВ =немного, недолго. Нет *переждать*: *Нужно переждать, пока Совет не откроется снова. Мы переждали дождь под дубом.*

Нервничать Н78, с. 448: формы СВ *понервничать* (=немного, недолго) и *занервничать* (=начать) даются в рамках как входящие в семантическую пару.

3. Представлены некоторые триады: *читать* (*прочитать, прочесть*) Ч32, с. 903 (отсутствие глагола *прочитывать* в составе этой группы вызывает сомнение); *пачкать* П20, с. 532 (*запачкать, испачкать*).

Но некоторые триады не выстроены, и в описании есть противоречия: *мерить* (!НСВ) М33, с. 391, – обозначение свойственно одновидовому глаголу, т. е. не имеющему формы СВ. Но ниже дается в круглых скобках (*измерить*) – это обозначение формы СВ чистовидовой пары. Далее дается в круглых скобках (*померить, примерить*) – это также системное для данного словаря обозначение формы СВ чистовидовой пары. В то же время в словаре отсутствует форма *измерять*. Но *измерять* – *измерить* считается чистовидовой парой, а *мерить* – *измерить* – функциональной. В итоге кажется разумным в курсе РКИ и РКН представить их в виде функциональной триады *мерить* – *измерять* – *измерить*.

Гореть Г36, с. 168 (*сгореть*), но существует и *сгорать* (В жару лес сгорает быстро), отсутствующий в словаре. Представляется, что здесь мы имеем дело с триадой *гореть* – *сгорать* – *сгореть*.

Недостатки представления глаголов

Отдельные вопросы вызывает указанная лексическая и синтаксическая сочетаемость глаголов, например: *готовить* Г47, с. 173: *комнату* – тщательно, срочно, не спеша; *готовить обед* – вкусно, быстро, хорошо, плохо. Разве нельзя *готовить обед не спеша*?

Дается правило сочетаемости с фазовыми глаголами для каждого толкуемого глагола: начать, продолжить, кончить, бросить + НСВ *готовить*. Ср. на с. 602: начать, стать, перестать + НСВ *приводить*. Ждать Ж13, с. 243: стать, перестать, надоело, хватит, стоит + НСВ *ждать*. *Нервничать* (!НСВ) Н48, с. 448: начать, стать, перестать + НСВ *нервничать*. Но это общее правило, не связанное с лексической семантикой.

Для *приводить* П178 (*привести*), с. 602, сочетаемость указана чрезмерно категорично: хотеть, решить, заставить, попросить, предложить, отказаться/согласиться + СВ *привести*. Почему не: *Я хотела/решила/предложила сама приводить (НСВ) ребенка из сада?*

Некоторые двувидовые в прошлом глаголы остаются без современных префиксальных функциональных видовых пар: *оборудовать* (!НСВ. СВ) О19, с. 473. Нет *переоборудовать*.

Для некоторых одновидовых в прошлом глаголов не дается действующая ныне форма СВ. *Ненавидеть* (!НСВ) Н74, с. 446. Форма СВ *возненавидеть* отсутствует.

Напрасно декларируется употребительность некоторых императивов, как: *Кончатся* (*кончиться*) К83, с. 346. **Кончайся!* **Кончись!*

Представление глаголов движения

Наиболее сложной для толкования всегда была и осталась учебная группа глаголов движения, однонаправленных и разнонаправленных.

Идти (пойти) И8, с. 294. Обозначение в словаре данной пары как чистовидовой неправомерно, приставка *по-* обозначает в общем случае начало движения, возможны и иные добавочные смыслы. Отсутствуют другие префиксальные формы СВ (*прийти, дойти, перейти, уйти* и пр.), вызывает сомнение перевод *to besome*, коль скоро он не сопровождается подходящим примером.

Бежать (!НСВ) Б18, с. 67. Дан лишь один функциональный член пары, СВ *побежать* = начать. Заметим, что в словаре В. В. Репкина глагол *бежать* дан в составе чистовидовой пары *бежать* – *сбежать* [4, с. 28].

IV. Принципы семантизации глаголов разных типов языкового значения

Семантизация глаголов в «Русском словаре...» М. Н. Аникиной представлена выше. Здесь будет рассмотрен предлагаемый нами иной, также возможный принцип семантизации – в зависимости от реализуемых типов языкового значения, обоснованный Т. Акбаба [14].

1. Глаголы, для которых определенное значение является принадлежностью лексической семантики, вводятся с толкованием и примерами употребления. Внушать/внушить кому что: ‘долго и настойчиво убеждать кого-либо в своей правоте’: *Родители любят внушать детям свои собственные планы.*

2. Глаголы, у которых определенное значение создается при наличии объекта определенного семантического типа, даются с указанием возможно полного списка объектов и примерами. *Бомбить/бомбить* кого, что чем (запросами, нотами, письмами, мейлами, вопросами, возражениями, замечаниями...): *Наш МИД сегодня бомбили нотами* (М. Захарова, I канал ТВ). Важно отметить, что в некоторых случаях формы СВ таких глаголов будут различаться, например: *Сегодня нас совсем забомбили предложениями при невозможности* **Утром город забомбили.*

3. Глаголы, у которых данное значение является переносным (например, *снимать стружку*), даются с толкованием на русском языке через синонимы и антонимы или с переводом.

V. К содержанию аспектуального комментария учебного словаря РКИ и РКН

Ни один тип словаря не может быть аналогом учебника иностранного языка, однако идея расширения когнитивной базы словаря с его специальной ориентацией на определенного пользова-

теля (изучающего РКИ и РКН) кажется небесполезной. Представление иностранных учащихся о формировании и использовании русской видовой пары может (и должно) быть расширено в нескольких направлениях.

1. Утверждение наличия в русском языке не только видовой пары, но и видовой триады. Явление видовой многочленности было замечено еще В. В. Виноградовым [15, с. 509–510]. Ее изучали такие исследователи, как Е. В. Петрухина [16, с. 82–87], Л. Ясаи [17, с. 74], В. Г. Головин [18, с. 3–8], А. Г. Меренкова [19] и др. В результате исследований зафиксировано более 150 так называемых однозначных тождественных видовых троек (как *есть* – *съесть* – *съесть*; *лечить* – *излечивать* – *излечить*; *бинтовать* – *забинтовывать* – *забинтовать* и пр.) и 73 так называемые многозначные тройки (как *шлифовать* – *отшлифовать* – *отшлифовать*; *глотать* – *проглатывать* – *проглотить* и пр.). Исследователями найдены также четверки форм, как *читать* – *прочитывать* – *прочитать* – *прочесть*. Кроме прочего, один из лингводидактических постулатов РКИ заключается в том, что дополнительные связи внутри глагольной группы способствуют лучшему запоминанию материала учащимися.

2. Систематизация предъявления в словаре так называемых «плохих видовых пар», а также триад.

В «Русском словаре...» М. Н. Аникиной мы найдем: *вредить* (*навредить*, *повредить*) В98, с. 133. Подобное представление, по Ю. С. Маслову, подразумевает диагностический контекст типа **Вредил, вредил колено и повредил*. Подобное употребление не отмечено.

Следовало бы дать видовую пару *повреждать* – *повредить* (*Саблист **повреждал** колено уже не один раз и снова **повредил** его*) и *вредить* – *навредить* (*Конкуренты **вредили** фирме постоянно и **навредили** так, что она не смогла выдержать конкуренции*).

В анализируемом словаре «плохих видовых триад» немного, но систематизация толкований подобных случаев должна быть проведена. Рассмотрим принципы такой систематизации, актуальные для готовящихся к изданию словарей, на примере *ставить* – *поставлять* – *поставить*, где формы НСВ, по сути, разные глаголы (ср. *ставить чайник на стол* – *поставлять сырье на завод*). Думается, что иностранным учащимся в данном случае легче было бы ввести в свой обиход не триаду, а две видовые пары: *ставить* – *поставить* и *поставлять* – *поставить*. Аналогичным представляется и выход из ситуации с *рвать* – *порывать* – *порвать* (ср. *рвать бумагу* – *порвать отношения с кем-л.*).

3. Изменение и упорядочение сведений о видовой парности, значениях и употреблении глаголов движения, где формы СВ принадлежат главным образом к функциональному типу. Не вполне ясен однообразный выбор приставок СВ глаголов движения в «Русском словаре...» М. Н. Аникиной – доминирует приставка по-. С не меньшими основаниями можно указать и другие приставки: для *идти* – *пойти*, *дойти*, *перейти*, *зайти*.

4. Систематическое обновление словарных данных в соответствии с явлениями современного узуса, замена устаревших видовых форм и правил их употребления. Например, процесс освоения глаголов с суффиксом -ирова-, пришедших в русский язык через немецкий, идет с разной скоростью. В то время как некоторые еще остаются двувидовыми, т. е. одна форма имеет две функции (как *аргументировать*, *классифицировать*, *синтезировать*), другие в функции СВ присоединили префиксы (*проанализировать*, *отсканировать*). Введение в учебный словарь для учащихся определенных уровней владения языком и определенных кластеров дополнительных синтаксических характеристик предложения, таких как деагентивность.

5. Введение в виде приложения к учебному словарю РКИ текстовой части комментария с кратким представлением не общеизвестного аспектуального материала, такого как: разграничение понятий чистовидовой пары и пары семантической; понятие видовой триады; тяготение русских глаголов движения к образованию семантических префиксально разнообразных видовых пар; явления реализации глаголами разных значений в зависимости от синтаксического управления (как *состоять в чем*, *состоять из чего*; *принадлежать чему*, *принадлежать к чему*).

Заключение

Анализ указанной группы словарей продемонстрировал значительный разброс представленной в них достаточно разнородной аспектуальной информации, которая может быть не вполне последовательной и иногда отчасти даже ошибочной. В работе намечены основные линии и формы упорядочения, корректировки и расширения аспектуального комментария как неотъемлемой части словарной статьи в первую очередь учебного словаря РКИ.

Наличие спорных вопросов в осознании особенностей состава, выразительных возможностей и ситуаций функционирования видовой пары привело к выводу о необходимости предварить работу с учебным словарем обсуждением крат-

кой текстовой части, оформленной в виде приложения, представленного выше в п. 5.

Наибольшему упорядочению и расширению подлежат аспектуальные сведения о глаголах движения, принципы сформулированы выше в п. 3.

Использование аспектуального комментария учебного словаря для совместной и самостоятельной работы расширяет обучающую направленность учебного словаря и имеет лингводидактический, и педагогический эффект в курсе РКИ.

Список источников

1. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
2. Комплексный словарь русского языка / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова, С. А. Тихонов, О. М. Чупашева, М. Ю. Зуева; под ред. д-ра филол. наук А. Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. 1229 с.
3. Аникина М. Н. Русский словарь: учебный словарь русского языка для иностранцев. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2014. 974 с.
4. Репкин В. В. Учебный словарь русского языка: учебное пособие для средней школы (программа развивающего обучения). Харьков; М.: Инфолайн, 1995. 656 с.
5. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 155 с.
6. Падучева Е. В. Заметки об аспектуальной информации в толковом словаре // Слово и язык: сб. ст. к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 457–470.
7. Грекова О. К. Принципы создания непротиворечивой объяснительной модели выбора русского глагольного вида в дискурсе // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 1. С. 52–56.
8. Грекова О. К. Очерки современной функциональной аспектологии: в 2 кн. М.: МАКС Пресс, 2022. Кн. 1. 376 с.
9. Петрухина Е. В. Грамматико-словообразовательные комплексы русского глагола // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы V Конгресса РОПРЯЛ. Вып. 5. СПб., 2016. С. 445–450.
9. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Типы видовой связи. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/zaliznyak/> (дата обращения: 10.12.2022).
11. Чернейко Л. О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 2. С. 7–41.
12. Грекова О. К. Интегративный курс лексики языка специальности «Русский язык как иностранный» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (210). С. 183–191.
13. Демьянков В. З. Соотношение быденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002. С. 136–154.
14. Акбаба Т. Глаголы передачи информации как компонент содержания обучения русскому языку в турецкой аудитории: дис. ... канд. пед. наук: М., 2021. 309 с.
15. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
16. Петрухина Е. В. К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в русском языке // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 82–87.
17. Ясаи Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 70–84.
18. Головин В. Г. Цепочные видовые тройки (с глаголом совершенного вида с приставкой с-) // Сборник научных статей и материалов по русскому языкознанию и методике преподавания русского языка (к 60-летию Елецкого пединститута). Елец, 1999. С. 3–8.
19. Меренкова А. Г. Видовые тройки в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 24 с.

References

1. *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoye opisaniye. Angliyskiye ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [The explanatory dictionary of Russian Verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Ed. L. G. Babenko. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 704 p. (in Russian).
2. Tikhonov A. N., Tikhonova E. N., Tikhonov S. A., Chupasheva O. M., Zueva M. Yu. *Kompleksnyy slovar' russkogo yazyka* [The complex dictionary of Russian language]. Ed. A. N. Tikhonova. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001. 1229 p. (in Russian).

3. Anikina M. N. *Russkiy slovar': uchebnyy slovar' russkogo yazyka dlya inostrantsev* [Russian dictionary. Educational dictionary for foreigners]. Moscow, Drofa Publ., 2014. 974 p. (in Russian).
4. Repkin V. V. *Uchebnyy slovar' russkogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya sredney shkoly (programma razvivayushchego obucheniya)* [Russian educational dictionary. Teaching aids for the secondary school]. Khar'kov, Moscow, Infolayn Publ., 1995. 656 p. (in Russian).
5. Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskiye tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola* [Semantic types of aspect oppositions of the Russian verb]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 155 p. (in Russian).
6. Paducheva Ye. V. Zametki ob aspektual'noy informatsii v tolkovom slovare [Notes on aspectual information in the explanatory dictionary]. *Slovo i yazyk. Sbornik statey k vos'midesyatiletiyu akademika Yu. D. Apresyana* [Word and Language: Collection of articles for the eightieth birthday of Academician Yu. D. Apresyan]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011. Pp. 457–470 (in Russian).
7. Grekova O. K. Printsipy sozdaniya neprotivorechivoy ob'yasnitel'noy modeli vybora russkogo glagol'nogo vida v diskurse [Principles of creating the non-contradictory explanatory model for choice of the Russian aspect form in discourse]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*, 2014, no. 1, pp. 52–56 (in Russian).
8. Grekova O. K. *Ocherki sovremennoy russkoy funktsional'noy aspektologii: v dvukh knigakh: kniga pervaya* [Essays on Modern Russian Functional Aspectology: in 2 volumes: volume 1]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2022. 376 p. (in Russian).
9. Petrukhina E. V. Grammatiko-slovoobrazovatel'nyye komplekсы russkogo glagola [Grammar and word forming complexes of Russian verb]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii: materialy V kongressa ROPRYaL* [Dynamics of modern Russian cultural processes. Materials of the V congress ROPRYaL]. Saint Petersburg, 2016. Pp. 445–450 (in Russian).
10. Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. *Tipy vidovoy svyazi* [Types of aspect connection] (in Russian). URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/zaliznyak/> (accessed 10 December 2022).
11. Cherneyko L. O. Asimmetrichnyy yazykovoy znak v rechi: k voprosu o vzaimodeystvii smyslov v raznykh usloviyakh ikh realizatsii [Asymmetric language signs in speech: in terms of the question of senses' interaction under different conditions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – MSU Bulletin. Series 9. Philology*, 2012, no. 2, pp. 7–41 (in Russian).
12. Grekova O. K. Integrativnyy kurs leksiki yazyka spetsial'nosti “Russkiy yazyk kak inostrannyi” [Integrative Russian for special purposes' vocabulary course]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, vol. 4 (210), pp. 183–191 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-183-191
13. Demyankov V. Z. Sootnosheniye obydennoy yazyka i lingvisticheskogo metayazyka v nachale XXI veka [Correlation between ordinary language and linguistic metalanguage at the beginning of the 21st century]. *Yazykoznanie: Vzglyad v budushcheye* [Language Studies: Glance into the future]. Kaliningrad, 2002. Pp. 136–154 (in Russian).
14. Akbaba T. *Glagoly peredachi informatsii kak komponent soderzhaniya obucheniya russkomu yazyku v turetskoy auditorii. Dis. kand. ped. nauk* [Information Transmission Verbs as a component of the contents of teaching Russian for the Turkish audience. Diss. cand. ped. sci.]. Moscow, 2021. 309 p. (in Russian).
15. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [The Russian Language (Grammatical Theory of Word)]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Publ., 1947. 783 p. (in Russian).
16. Petrukhina E. V. K voprosu o konkurentzii pervichnykh i vtorichnykh imperfektivov v russkom yazyke [On the issue of competition between primary and secondary imperfectives in Russian language]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian language abroad*, 1990, no. 4, pp. 82–87 (in Russian).
17. Yasai L. O printsipakh vydeleniya vidovoy pary v russkom yazyke [On the principles of singling out aspectual pair of Verbs in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of Language learning*, 1997, no. 4, pp. 70–84 (in Russian).
18. Golovin V. G. Tsepochechnyye vidovyye troiki (s glagolom sovershennogo vida s prstavkoy s-) [Chain aspect triplets (with a perfective verb with the prefix c-)]. *Sbornik nauchnykh statey i materialov po russkomu yazykoznaniiyu i metodike prepodavaniya russkogo yazyka (k 60-letiyu Eletskego pedinstitutu)* [Collection of articles and issues on Russian language learning and Methodics of Russian language teaching. To the 60th anniversary of the Yeletsk Pedagogical Institute]. Elets, 1999. Pp. 3–8 (in Russian).
19. Merenkova A. G. *Vidovyye troiki v sovremennoy russkom yazyke. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Aspectual triplets in the modern Russian language. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Elets, 2004. 24 p. (in Russian).

Информация об авторах

Грекова О. К., доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991).

E-mail: olggre@list.ru

Акбаба Тюлай, и.о. доцента, Университет им. Бурдура Мехмета Акифа Эрсоя (г. Бурдур, Турция, 15030).

E-mail: tulay.0209@hotmail.com

Information about the authors

Grekova O. K., Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991). E-mail: olggre@list.ru

Akbaba Tulay, Deputy Associate Assistant Professor, Burdur Mehmet Akif Ersoy University (Burdur, Turkey, 15030).

E-mail: takbaba@mehmetakif.edu.tr

Статья поступила в редакцию 11.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 11.11.2023; accepted for publication 23.03.2024

УДК 37.026

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-84-92>

Функциональные возможности социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному

Оксана Викторовна Дрейфельд

Кемеровский государственный медицинский университет, Кемерово, Россия, filoxenia@mail.ru

Аннотация

Целью работы является описание лингводидактических возможностей социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному. Ключевыми аспектами критического анализа потенциала неспециализированных социальных сетей в обучении иностранному языку стали: 1) особенности коммуникации в социальных сетях с точки зрения лингводидактики; 2) доступный для обучения русскому языку как иностранному функционал социальных сетей; 3) положительные эффекты, связанные с использованием социальной сети в обучении иностранному языку; 4) сопоставление возможностей разных социальных сетей, имиджбордов и мессенджеров в обучении русскому языку как иностранному. В исследовании применялись контент-анализ корпуса русскоязычных исследований лингводидактического использования социальных сетей в обучении РКИ, феноменологический и сравнительно-сопоставительный анализ социальных сетей VK («ВКонтакте»), Facebook*, имиджборда Instagram* и мессенджера Telegram. Материалом исследования стали образцы опыта применения социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному, полученные на основе метода случайной выборки в социальных сетях «ВКонтакте» и Telegram. Лингводидактический потенциал социальных сетей в изучении иностранного языка связан с разными видами речевой деятельности (чтением, письмом, слушанием и специфическим речепорождением), реализуемыми посредством интернет-коммуникации. Репрезентируя реальность через текстовые, аудио-, видео- и визуальные материалы, социальные сети предоставляют возможность целенаправленного обучения иностранному языку: их функционал позволяет создавать тематические сообщества, которые могут стать виртуальным пространством для формирования искусственной языковой среды. Там изучающие русский язык как иностранный коммуниканты-инофоны могут 1) создавать, публиковать и воспринимать текст в вербальном, фото-, видео-, аудиоформате на персональной странице или в тематическом сообществе; 2) оставлять комментарии под публикацией, накладывать субтитры или текст скрипта на видео; 3) выражать оценку через символы под публикацией (использовать эмодзи); 4) осуществлять поиск информации; 5) отправлять и принимать голосовые или текстовые сообщения; 6) использовать чат-бот или виртуального ассистента для коммуникации, сервисы вопросов и ответов; 7) проводить опрос/голосование или участвовать в нем; 8) использовать хештеги или ключевые слова, следить за обновлениями информации по хештегу; 9) заполнять календарь событий и важных дат; 10) формулировать статус (от одного слова до фразы о текущем состоянии автора); 11) создавать беседу (полилог) для конкретных участников и участвовать в ней. Особенность коммуникации в социальных сетях состоит в многообразии видов речевой и когнитивной активности коммуникантов. Обучение в социальных сетях соответствует принципам микрообучения (short-learning); используя дискурсивные особенности самих платформ, мимикрирует под привычный контент, потребление которого занимает у современных пользователей значительное время, и таким образом реализует лингводидактические принципы занимательности и доступности. Оно создает так называемые горизонтальные связи в коммуникации, сочетает в себе синхронный и асинхронный характер и позволяет привлекать языковые и неязыковые средства для изучения русского языка как иностранного, тем самым формируя искусственную языковую среду, необходимую в условиях недостатка естественной коммуникации.

* Социальные сети Facebook* и Instagram* являются продуктами Meta Platforms Inc. – организации, деятельность которой в настоящий момент запрещена на территории Российской Федерации. Материалы исследования по данным сайтам собраны до 01.07.2021.

Ключевые слова: лингводидактика социальных сетей, русский язык как иностранный, «ВКонтакте», «Telegram», онлайн-обучение, смешанное обучение, обучение в социальных сетях, чат-боты в обучении

Для цитирования: Дрейфельд О. В. Функциональные возможности социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 84–92. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-84-92>

Applications capabilities of Social networks for teaching Russian as a Second language

Oksana V. Dreifeld

Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation, filoxenia111@gmail.com

Abstract

The purpose of the article is to describe the language education capabilities of social networks in teaching Russian as a foreign language. The key aspects of the critical analysis of the non-specialized social networks potential in teaching a foreign language were: 1) features of communication in social networks from the point of view of foreign language education; 2) the functionality of social networks available for teaching Russian as a foreign language; 3) positive effects associated with the use of a social network in teaching a foreign language; 4) comparison of the capabilities of different social networks, image-boards and instant messengers in teaching Russian as a foreign language. Methods and research material: content analysis of Russian-language research on the language education use of social networks in teaching RFL, phenomenological and comparative analysis of social networks VK (VKontakte), Facebook*, image board Instagram* and Telegram messenger. The material for the study was samples of experience in using social networks in teaching Russian as a foreign language, obtained based on the random sampling method in the social networks VKontakte and Telegram. Research results. The foreign language education potential of social networks in learning a foreign language is associated with different types of speech activity (reading, writing, listening and specific speech production) implemented through Internet communication. By representing reality through text, audio, video and visual materials, social networks provide the opportunity for targeted teaching of a foreign language: their functionality allows you to create thematic communities that can become a virtual space for the formation of an artificial language environment. There, foreign communicants studying Russian as a foreign language can 1) create, publish and perceive text in verbal, photo, video, audio format on a personal page or in a thematic community; 2) leave comments under the publication, add subtitles or script text to the video; 3) express your assessment through symbols under the publication (use emoticons); 4) search for information; 5) send and receive voice or text messages, 6) use a chatbot or virtual assistant for communication, question and answer services; 7) conduct a survey/vote or participate in it; 8) use hashtags or keywords, monitor updated information on the hashtag; 9) fill out the calendar of events and important dates; 10) formulate "status" (from one word to a phrase about the current state of the author; 11) Create a conversation (polylogue) for specific participants and participate in it. The peculiarity of communication in social networks, therefore, lies in the variety of types of speech and cognitive activity of communicants. Learning in social networks follows the principles of micro-learning (short-learning). Using the discursive features of the platforms themselves, it mimics familiar content, the consumption of which takes modern users a significant amount of time every day and thus implements the foreign language education principles of entertainment and accessibility. It creates the horizontal connections in communication, combines synchronous and asynchronous nature and allows you to use linguistic and non-linguistic means to study Russian as a foreign language, thereby forming an artificial language environment necessary in conditions of lack of natural communication.

* Social networks Facebook and Instagram are products of Meta Platforms Inc. – an organization whose activities are currently prohibited on the territory of the Russian Federation. Research materials on these sites were collected until July 1, 2021.

Keywords: Foreign language Education, Russian as a second language, blended learning, learning in social networks, chat-bot technology in Education, Telegram learning, Instagram learning

For citation: Dreifeld O. V. Funktsional'nyye vozmozhnosti sotsial'nykh setey v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Applications capabilities of Social networks for teaching Russian as a Second language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 84–92 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-84-92>

Введение

Социальная сеть – это интерактивная веб-платформа, предоставляющая возможность интернет-коммуникации, производимой с помощью определенных онлайн-сервисов, различающихся для разных социальных сетей. Особенность этой коммуникации состоит в многообразии видов активности коммуникантов (написание и чтение текстов, публикация и просмотр/прослушивание медиаматериалов, отметка и просмотр на карте места или события, отметка и просмотр людей на

фотографиях, создание гипертекста в виде сообщества, поиск данных, ведение диалогов в синхронном режиме, получение и распространение информации, выражение мнения или оценки, участие в опросах, определение «статуса», создание хештега, собирание коллекции/подборки материалов и многое другое). Лингводидактический потенциал социальных сетей в изучении иностранного языка связан с разными видами речевой деятельности (чтением, письмом, слушанием и специфическим речепорождением [1]),

реализуемыми посредством интернет-коммуникации.

Ключевые вопросы для критического анализа потенциала социальных сетей в обучении иностранному языку в русскоязычном интернете, на наш взгляд, следующие: 1. Какие социальные сети чаще используются? 2. Какое обучение – синхронное или асинхронное – планируется реализовать посредством такого использования? 3. Какая языковая среда – естественная или искусственная – становится виртуальным пространством обучения? 4. Какие онлайн-сервисы социальных сетей и виды активности, предусмотренные функционалом социальных сетей, могут использоваться в обучении иностранному языку? 5. Какие положительные эффекты связаны с таким использованием?

С момента своего возникновения социальные сети многократно осмысливались исследователями и преподавателями как *средство* обучения иностранному языку [2, 3] и как образовательная *технология* [4, 5].

Анализ источников, посвященных описанию опыта лингводидактического использования социальных сетей, показал, что наиболее часто за последние пять лет в преподавании РКИ использовались такие социальные сети, как «ВКонтакте» (VK), Facebook*, Instagram*. Использование социальных сетей в обучении носило как асинхронный, так и синхронный характер, чаще всего изучение иностранного языка в социальных сетях применялось в рамках дистанционного или смешанного (blended learning) обучения. Случаи институционализированного обучения посредством социальных сетей (в рамках академического изучения иностранного языка в образовательных организациях) по количеству значительно уступали случаям неинституционализированного обучения (через персональные страницы или «публики»-сообщества частных преподавателей русского языка как иностранного).

Материал и методы

Мы проведем контент-анализ корпуса русскоязычных исследований лингводидактического использования социальных сетей в обучении РКИ, а также феноменологический и сравнительно-сопоставительный анализ социальных сетей VK, Instagram*, Facebook* и мессенджера Telegram (который приближен по многим лингводидактическим функциям к социальным сетям, например, к Instagram*) и ответим на представ-

ленные выше вопросы. Материалом исследования также станут образцы опыта применения социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному, полученные на основе метода случайной выборки в социальных сетях «ВКонтакте» и Telegram.

Результаты и обсуждение

Особенность коммуникации с виртуальной средой состоит в том, что происходит «экстериоризация составляющих жизненного пространства в условиях виртуальной среды, где человек создает и интерпретирует искусственно созданную информацию как „совокупность событий жизни“» [6]. То есть виртуальная среда – это искусственно созданная информация, опыт взаимодействия с которой человек интерпретирует так же, как свой опыт в естественной окружающей среде. Эти данные исследователи дополняют, указывая, что в виртуальной коммуникации организация социальных взаимоотношений соответствует реальной коммуникации; к тому же географическое местоположение участников коммуникации в виртуальной среде не имеет значения. Виртуальная среда социальных сетей формируется на основе информации культурного, этнического и социального характера, что позволяет нам идентифицировать ее как разновидность естественного языкового окружения – *виртуальную естественную языковую среду*.

Поскольку социальные сети создавались как средство коммуникации и установления социальных связей, они не были задуманы как специальная обучающая среда в отличие от специализированных сетей по изучению иностранных языков (Tandem, HelloTalk и др.). Размещаемые в социальной сети тексты являются, с точки зрения лингводидактики, аутентичными и неадаптированными; они не разделены по уровням владения языком; коммуникация, возникающая между участниками, является спонтанной и инициируется как речевой ситуацией, так и собственными речевыми намерениями коммуникантов; язык интерфейса страниц в социальных сетях подстраивается под потребности пользователя.

Но в то же время, репрезентируя реальность через текстовые, аудио-, видео- и визуальные материалы, социальные сети предоставляют возможность целенаправленного обучения иностранному языку: их функционал позволяет создавать тематические сообщества, которые могут стать виртуальным пространством для формирования искусственной языковой среды. Искусственная языковая среда – это иноязычная среда, искусственно организованная в целях обучения иностранному языку, осуществления коммуни-

* Социальные сети Facebook и Instagram являются продуктами Meta Platforms Inc. – организации, деятельность которой в настоящее время запрещена на территории Российской Федерации.

кации на нем посредством формирования контакта обучающегося с источниками информации, коммуникативными ситуациями на иностранном языке и речевыми моделями [7]. Искусственная языковая среда присутствует как в учебной, так и во внеучебной деятельности в качестве информационного и развлекательного ресурса и источника коммуникативных моделей, способа постоянного развития и поддержки разных видов речевой и когнитивной активности, таких как слушание, понимание, формирование своего мнения и умения его выражать, а также в качестве основы для поддержания мотивации к изучению иностранного языка. То есть искусственная языковая среда формируется в современной лингводидактике как через наполнение виртуального пространства аутентичными материалами на изучаемом иностранном языке, так и через контакт обучающихся с медиаресурсами и другими участниками (в учебной ситуации и вне ее).

Итак, прежде всего социальные сети создают виртуальную естественную языковую среду. Коммуникация в ней предоставляет коммуникантам возможность рецепции и производства речи в ситуациях, происходящих в виртуальной реальности и требующих непосредственного речевого взаимодействия разного типа (письменное и устное обращение, комментирование, высказывание, ведение диалога, выражение оценки, уточнение, формулирование поискового вопроса и многое другое; аудирование, чтение). Но в то же время социальные сети являются удобной неспециализированной веб-платформой, на которой могут создаваться специализированные сообщества, успешно формирующие искусственную языковую среду для изучения иностранного языка в отсутствие возможности реальной коммуникации (что является частой проблемой на начальных и «низких» уровнях владения иностранным языком). Осмыслению лингводидактического потенциала коммуникации в виртуальной естественной языковой среде социальных сетей посвящено достаточное количество современных исследований [8–10], не рефлексировав над характером социальных сетей как языковой среды, они, однако, показали многие положительные аспекты их лингводидактического использования: 1) применение языковых навыков на практике; 2) индивидуализация обучения (построение индивидуальной познавательной траектории, идеально подстроенной к потребностям личности обучающегося); 3) доступность коммуникации на изучаемом языке в разных стилистических регистрах и коммуникативных ситуациях; 4) горизонтальность образуемых социальных связей (возможность получать помощь в изучении ино-

странного языка от других пользователей социальных сетей, коллаборация); 5) самомотивация и психологический комфорт, снимающие страхи перед речевыми ошибками и языковые барьеры; 6) непосредственное взаимодействие с лингвострановедческой информацией и культурная адаптация, происходящая в процессе коммуникации; 7) доступная предметно-тематическая среда (особенно важная при профессионально ориентированном изучении иностранного языка); 8) непрерывность обучения.

Почему в современном образовании необходимо привлекать социальные сети, когда для организации обучения онлайн повсеместно используются «системы управления обучением» (Learning Management Systems)? Ответ кроется в самом феномене социальной сети как виртуального пространства социального взаимодействия и инструмента социальной коммуникации: взаимодействие обучающихся или изучающих язык самостоятельно с социальными сетями происходит на добровольной основе во внеучебной деятельности, и это взаимодействие длится столько, сколько нужно участнику социальной сети для получения или обмена информацией, получения удовольствия, самопрезентации, общения и т. д. Создание искусственной языковой среды позволяет организовать в социальной сети некое подобие системы управления обучением (LMS), используя встроенные в социальную сеть сервисы. Смысл этого мы видим прежде всего во включении языкового обучения в более широкий коммуникативный и познавательный контекст: если обучающиеся проводят в социальной сети много времени, логично использовать их интерес и мотивацию для расширения и углубления знаний, развития коммуникативных навыков, получения более быстрой и более подробной обратной связи по корректировке ошибок и результатам обучения, для развития навыков взаимодействия.

Подход к обучению иностранному языку в социальных сетях как в искусственной языковой среде в настоящий момент успешно работает: непосредственно в социальных сетях существуют сообщества (паблики, каналы, группы) с необходимым разделением обучающих материалов в соответствии с уровнями языка, с формированием достаточно разнообразных видов речевой активности, с планированием проверки сформированности коммуникативно-речевых умений и учетом других важных аспектов обучения иностранному языку. Какие онлайн-сервисы социальных сетей и виды активности, предусмотренные функционалом социальных сетей, могут использоваться в обучении иностранному языку?

Виды активностей, доступные в социальных сетях VK, Facebook*, Instagram*

Вид активности, обусловленный онлайн-сервисом или приложением в социальной сети	VK	Instagram*	Facebook*
Публиковать текст в вербальном, фото-, видео-, аудиоформате	+	+	+
Оставлять комментарии под публикацией	+	+	+
Выражать оценку через символы под публикацией	+	+	+
Осуществлять поиск информации	+	+	+
Использовать эмодзи (эможи и стикеры)	+	+	+
Отправлять и принимать голосовые сообщения	+	+	+
Отправлять и принимать текстовые вербальные сообщения	+	+	+
Проводить опрос или голосование	+	– (+) для stories	+
Использовать хештеги или ключевые слова; подписаться на хештег	+	+	+
Публиковать «истории» (stories)	+	+	+
Накладывать субтитры или текст-скрипта на видео	–	– (+) для stories	–
Отмечать геоточки на карте	+	–	+
Отмечать человека под/на фото или видеоролике	+	+	+
Заполнять календарь событий и важных дат	+	–	–
Использовать чат-бот или виртуального ассистента для коммуникации	+	–	–
Осуществлять аудио- и видеозвонки	+	–	+
Создавать гипертекст (участвовать в создании сообщества)	+	–	+
Встраивать ссылки (код) на сторонние ресурсы или сервисы	+	–	+
Использовать игровые приложения (Applications)	+	–	–
Доступ к информационным и медиаресурсам (статьи, видео, подкасты, музыка)	+	–	+
Рассылать информацию от тематических сообществ	+	+	+
Создавать беседу (полилог) для конкретных участников	+	–	–
Формулировать «статус» (от одного слова до фразы о текущем состоянии автора)	+	–	–
Марафон вопросов и ответов от пользователей автору профиля	+	+	+
Лента новостей	+	+	+

* Социальные сети Facebook и Instagram являются продуктами Meta Platforms Inc. – организации, деятельность которой в настоящее время запрещена на территории Российской Федерации.

Мы обобщили в таблице возможные виды активности трех наиболее популярных социальных сетей, выявленных в результате анализа русскоязычных публикаций, посвященных лингводидактике русского языка как иностранного. Каковы лингводидактические возможности этих функциональных возможностей? Определим их для каждого вида активности:

1. *Создавать, публиковать и воспринимать текст в вербальном, фото, видео, аудиоформате на персональной странице или в тематическом сообществе:* посредством этого вида активности реализуются все виды речевой деятельности (письмо, чтение, аудирование, говорение), лингводидактические возможности бесконечно многообразны: отметим, в первую очередь возможность развивать умение подробно или кратко излагать содержание фильма, прослушанного аудио или прочитанного текста, фиксировать информацию, описывать события или объекты, выражать оценку.

2. *Оставлять комментарии под публикацией, накладывать субтитры или текст скрипта на видео:* прежде всего эти виды активности позволяют высказывать и аргументировать свою точку зрения, давать оценку или характеристику персонажей, фактов и событий, уточнять интересующую информацию; если публикация содержит проблемное фото или мем без подписи – прогнозировать развитие/результат демонстрируемых фактов/событий.

3. *Выражать оценку через символы под публикацией:* активность позволяет сжато выражать понимание прочитанного/просмотренного посредством символов-оценок; *использовать эмодзи (эможи и стикеры) и GIF-элементы:* в символической форме выражать понимание культурно обусловленных и универсальных человеческих эмоций и оценок.

4. *Осуществлять поиск информации:* этот сервис позволяет сформировать умение запрашивать информацию, сжато и точно называть предмет интереса.

5. *Отправлять и принимать голосовые или текстовые сообщения, использовать чат-бот или виртуального ассистента для коммуникации, использовать сервис вопросов и ответов:* развивает умение соблюдать этикетные формулы и жанровые характеристики разного типа сообщений, участвовать в беседе, выделять тему беседы, реагировать на вопросы, запрашивать и предоставлять нужную информацию.

6. *Проводить опрос/голосование или участвовать в нем:* умение фиксировать необходимую информацию из прослушанного/увиденного/прочитанного, верно использовать лексико-грамматические единицы языка.

7. *Использовать хештеги или ключевые слова; подписаться на хештег и следить за обновлениями*: сервис позволяет описывать предметы и ситуации; искать дополнительную информацию по теме, подробно или кратко излагать содержание дополнительной информации, рассказывать истории, устанавливая последовательность событий (подробнее об этом обучающем приеме в работе [11]).

8. *Заполнять календарь событий и важных дат*: развивает умение описывать режим дня, характеризовать важные даты, обобщать важную информацию.

9. *Формулировать «статус» (от одного слова до фразы о текущем состоянии автора)*: развивает умение описывать свое настроение, характеризовать важные жизненные принципы, обобщать информацию о психологическом состоянии.

10. *Создавать беседу (полилог) для конкретных участников и участвовать в ней*: развивает навыки работы в группе, коллаборации, учит определять тему/проблему беседы, отделять важную информацию от второстепенной, уточнять информацию, использовать разные стилистические регистры для формальной и неформальной коммуникации, высказывать и аргументировать свою точку зрения, делать выводы.

Проведем также анализ лингводидактического потенциала в изучении РКИ мессенджера Telegram, который в настоящий момент активно используется для обучения иностранным языкам. Рассмотрим основные возможности онлайн-сервисов Telegram-каналов для организации изучения русского языка как иностранного.

В настоящий момент возможности Telegram вышли далеко за пределы непосредственного обмена сообщениями, Telegram приобрел также характер блог-платформы; активности, доступные пользователям (технология чат-бота, например), функционально расширяют возможности использования Telegram; система хештегов позволяет формировать гипертекст. С лингвопрагматической точки зрения основными речевыми жанрами, востребованными в лингводидактическом аспекте и характерными для Telegram-каналов, являются «визитная карточка» (пост знакомства с новыми подписчиками, представляющий собой креолизованную – речевую и визуальную – самопрезентацию), эссе, травелог, фотоистория, личная заметка и дневниковая запись, информационная публикация, юмористическая публикация, аналитическая заметка, текст на основе «творческого письма», рекламное сообщение, диалог, комментарий, анонимный опрос, новостное сообщение.

В настоящее время инструментарий Telegram-каналов в предъявлении информации, обработке, организации проверки усвоенного, организации коммуникации между участниками сообщества позволяет реализовать минимальный функционал систем управления обучением (исключая такие важные возможности LMS, как аналитика индивидуальной образовательной траектории, сохранение всех данных о прохождении заданий на проверку сформированности навыков и фиксация прогресса в обучении). Почему в таком случае не только неинституционализированные преподаватели РКИ, но и образовательные организации и методические центры [12] находят нужным реализовывать образовательные проекты по изучению иностранного языка в Telegram?

Как и обучение в социальных сетях, обучение в Telegram-каналах соответствует принципам микрообучения (short-learning), а также, используя дискурсивные особенности самой платформы, мимикрирует под привычный контент, потребление которого занимает у современных пользователей значительное время ежедневно на постоянной основе. Таким образом, обучение в Telegram реализует лингводидактические принципы занимательности и доступности. Изучение РКИ в Telegram сочетает в себе синхронный и асинхронный характер и позволяет привлекать языковые и неязыковые средства. Например, одной из новейших возможностей в Telegram является привлечение чат-бота для письменной коммуникации [5, 13] (технически он представляет собой специальный аккаунт, управляемый компьютерной программой с возможностями искусственного интеллекта, который анализирует ответы человека и подстраивает развитие диалога под них).

Социальные сети и мессенджер с функцией блог-платформы представляют собой две различные концепции, отличающиеся по ряду ключевых аспектов. Для итогового сопоставления мы сосредоточимся на социальной сети VK и мессенджере с функцией блог-платформы Telegram (Facebook* уступает VK по многообразию видов активности, доступных пользователям; а Instagram* по своим возможностям ближе к имиджборду с функцией блог-платформы, чем к социальной сети).

Сравнив лингводидактический потенциал VK и Telegram, мы обнаружили следующие основные различия между ними:

– современные социальные сети предлагают контент и структурируют ленту новостей согласно интересам пользователя, выявленным с помощью технологий искусственного интеллекта. Эта особенность имеет положительный эффект,

поскольку предлагаемый пользователю контент расширяет зону ближайшего развития в изучении РКИ. Минусом является то, что лента новостей часто перегружена предлагаемым вниманию пользователя контентом, что отвлекает и не позволяет сфокусироваться на конкретных задачах по изучению материала. Эта особенность не характерна для Telegram, поскольку в нем пользователь всегда видит только тот контент, на который он подписан;

– горизонтальность образуемых социальных связей легче технически организуется в социальных сетях, потому что общение между пользователями канала в мессенджере с функцией блог-платформы возможно в комментариях под публикацией (в «ветках» обсуждений) или в личных сообщениях, в то время как в социальных сетях для коллаборации в работе над групповыми проектами и заданиями есть групповые чаты («беседы» в VK). Для реализации подобной активности в Telegram нужно создавать отдельные группы и прикреплять их к каналам в настройках;

– возможность симуляции реальных ситуаций: в социальных сетях есть возможность встраивать приложения с интерактивными играми (VK, Facebook*), однако их образовательная значимость нуждается в специальном методическом изучении; в то же время в Telegram существует практика активного использования виртуальных разговорных партнеров, которых можно настроить таким образом, чтобы они организовывали речевые ситуации и выступали в них в качестве партнеров по диалогу. Это полезно для практики навыков письма, выражения своих мыслей. Голосовой ассистент VK Маруся в свою очередь больше подходит для практики устной коммуникации: он может корректировать произношение, оценивать грамматическую правильность ответов и предлагать индивидуализиро-

ванные рекомендации по изучению языкового материала. Чат-боты Telegram также подходят технически для организации образовательных игр-квестов: они могут связываться с игроками и выдавать различные задания по ходу игры;

– социальные сети предлагают доступ к коллекциям мультимедийных ресурсов (фильмы, сериалы, музыка, подкасты, неадаптированные видеуроки и GIF-реакции), в то время как в Telegram есть только те материалы, которые отобрали и разместили авторы каналов;

– социальные сети позволяют студентам публиковать результаты коллективной работы в виде красиво оформленного цифрового портфолио (одна из новинок VK – это функция, которая помогает объединять и анимировать серию изображений, что позволяет, например, создавать эффектную презентацию в виде видеоролика на основе результатов коллективной работы). Публикация данных коллективной работы в Telegram возможна в «группах» и визуально она может представлять собой сочетание нескольких файлов, прикрепленных к тексту.

Завершая дискуссию о лингводидактическом потенциале социальных сетей и близких к ним по функционалу платформ, мы можем отметить, что возможности изучения иностранного языка посредством социальных сетей существенно зависят от умения применять их функционал в образовательных целях, от цифровой грамотности как преподавателей, так и учеников. Ближайшей зоной развития социальных сетей разработчики Facebook*, например, считают возникновение виртуальной 3D-реальности, которая позволит пользователям создавать посты с элементами дополненной реальности, участвовать в виртуальных мероприятиях, играх. Однако очевидно, что появление любых новинок не меняет основную цель изучения иностранного языка – возможность успешно коммуницировать на нем.

Список источников

1. Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 5 (25). С. 12–30.
2. Патрушева Л. С. Использование технологии чат-ботов в обучении русскому языку как иностранному на начальном уровне: из опыта разработки // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, вып. 4. С. 848–853.
3. Завадская А. В., Исаева О. В., Слонь О. В. Лингводидактический потенциал социальных сетей при обучении русскому языку иностранных студентов медицинского вуза // Преподаватель XXI век. 2022. № 2, ч. 1. С. 256–268.
4. Наволочная Ю. В. Применение социальных сетей в практике обучения иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, вып. 2. С. 267–272.

* Социальные сети Facebook и Instagram являются продуктами Meta Platforms Inc. – организации, деятельность которой в настоящее время запрещена на территории Российской Федерации.

5. Нестерова Н. Г., Туманова Д. А. Лингвометодические возможности социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному (на примере Instagram) // Язык и культура. 2021. № 54. С. 262–282.
6. Клементьева М. В. Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2022. № 2 (5) С. 63–69.
7. Дрейфельд О. В. Интерактивный медицинский календарь как жанр интернет-коммуникации на занятиях по русскому языку как иностранному // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 1. С. 32–36.
8. Chin-His L., Warschauer M., Blake R. Language learning through social networks: perceptions and reality // *Language Learning & Technology*. 2016. Vol. 20, № 1. P. 124–143.
9. MacBride K. Social-Networking Sites in Foreign Language Classes: Opportunities for Re-creation. URL: https://www.academia.edu/2072765/Social_networking_sites_in_foreign_language_classes_Opportunities_for_re_creation (дата обращения 11.11.2023)
10. Belz J. A., Thorne S. L. Internet-mediated intercultural foreign language education. Boston, MA: Heinle & Heinle, 2006. P. 8–25.
11. Поддубная Я. Н., Котов К. С., Слукина А. А. Осуществление контроля при дистанционном обучении посредством использования социальной сети Инстаграм // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 2. С. 238–250.
12. Алёшина А. Б. Методический потенциал креативных заданий при обучении РКИ в мессенджере // Цифровая лингводидактика. URL: http://gefest.rads-doi.org/public/dir_files/articleFile/32380.pdf (дата обращения: 11.11.2023).
13. Букин А. С. Инстаграм-исследования как дополнительная технология обучения иностранному языку // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 2. С. 156–163.

References

1. Golev N. D. Russkaya pis'mennaya razgovornaya rech' i yeyo otazheniye v obydennom yazykovom soznanii [Russian written oral speech and its reflection in every-day language conciseness]. *Vesnik TGU. Philology – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 5 (25), pp. 12–30 (in Russian).
2. Patrusheva L. S. Ispol'zovaniye tekhnologii chat-botov v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu na nachal'nom urovne: iz opyta razrabotki [Usage of chatbot technology in teaching Russian as a foreign language for beginners: case of designing]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Vestnik of Udmurt University. Series History and Philology*, 2022, vol. 32, no. 4, pp. 848–853 (in Russian).
3. Zavadsкая A. V., Isaeva O. V., Slon' O. V. Lingvodidakticheskiy potentsial sotsial'nykh setey pri obuchenii russkomu yazyku inostrannykh studentov meditsinskogo vuza [Linguistic and Didactic potential of social net-works in the teaching foreign students of Medical University about Russian as a foreign language]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2022, no. 2, part 1, pp. 256–268 (in Russian).
4. Navolochnaya Yu. V. Primeneniye sotsial'nykh setey v praktike obucheniya inostrannomu yazyku [Usage social net-works in the practice of teaching foreign language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2019, vol. 12, part 2, pp. 267–272 (in Russian).
5. Nesterova N. G., Tumanova D. A. Lingvometodicheskiye vozmozhnosti sotsial'nykh setey v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere Instagram) [Linguistic and Methodical opportunities of social net-works in the teaching Russian as a foreign language (On the sample of Instagram)]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2021, no. 54, pp. 262–282 (in Russian).
6. Klement'eva M. V. Virtual'naya sreda kak zhiznennoye prostranstvo sovremennogo cheloveka [Virtual Environment as a life space of modern human]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, no. 2 (5), pp. 63–69 (in Russian).
7. Dreyfeld O. V. Interaktivnyy meditsinskiy kalendar' kak zhanr internet-kommunikatsii na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Interactive Medical Calendar as a Genre of Internet Communication: Russian as a foreign language studies]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nyye seti – Virtual Communication and Social Networks*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 32–36 (in Russian).
8. Chin-His L., Warschauer M., Blake R. Language learning through social networks: perceptions and reality. *Language Learning & Technology*, 2016, vol. 20, no. 1, pp. 124–143.
9. MacBride K. *Social-Networking Sites in Foreign Language Classes: Opportunities for Recreation*. URL: https://www.academia.edu/2072765/Social_networking_sites_in_foreign_language_classes_Opportunities_for_re_creation (accessed 11 November 2023).

10. Belz J. A., Thorne S. L. *Computer-mediated intercultural foreign language education*. Boston, MA, Heinle & Heinle, 2006. Pp. 8–25.
11. Poddubnaya Ya. N., Kotov K. S., Slukina A. A. Osushchestvleniye kontrolya pri distantsionnom obuchenii posredstvom ispol'zovaniya sotsial'noy seti Instagram [Implementation of control in Distance Education by social net-work Instagram]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – The Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 2, pp. 238–250 (in Russian).
12. Alyoshina A. B. Metodicheskiy potentsial kreativnykh zadaniy pri obuchenii RKI v messendzhere [Methodical potential of creative writing tasks in the teaching Russian as a foreign language by messenger]. *Tsifrovaya lingvodidaktika*, 2022 (in Russian). URL: http://gefest.rads-doi.org/public/dir_files/articleFile/32380.pdf (accessed 11 November 2023).
13. Bukin A. S. Instagram-issledovaniya kak dopolnitel'naya tekhnologiya obucheniya inostrannomu yazyku [Instagram Research as additional Educational technology in the teaching foreign language]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 2019, no. 2, pp. 156–163 (in Russian).

Информация об авторе

Дрейфельд О. В., доцент, Кемеровский государственный медицинский университет (ул. Ворошилова, 22а, Кемерово, Россия, 650003).

E-mail: filoxenia@mail.ru

Information about the author

Dreifeld O. V., Kemerovo State Medical University (ul. Voroshilova, 22a, Kemerovo, Russian Federation, 650003).

E-mail: filoxenia111@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 11.11.2023; accepted for publication 23.03.2024

УДК 9.908

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-93-102>

Лингвострановедческий и лингвокультурологический подходы к изучению регионоведения (к постановке проблемы)

Янь Кай¹, Сун Тао²

¹ *Университет имени Сунь Ятсена, Чжухай, Китай, ky_710@outlook.com*

² *Шэньянский политехнический университет, Шэньян, Китай, songtao19930110@163.com*

Аннотация

Статья посвящена описанию лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов к изучению регионоведения. Целью исследования является попытка выявления некоторых особенностей лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов к изучению регионоведения. Лингвострановедческий подход позволяет разобраться в специфике языка в определенной стране или местности, учитывая исторические, социокультурные и политические аспекты. Основные задачи лингвострановедения включают исследование различий в языковых структурах, лексике, грамматике и фонетике в разных регионах, изучение диалектов, национальных вариантов языка, а также особенностей языкового практикума и коммуникации. Этот подход помогает лучше понять культурные особенности народа, его идентичность и привычки в комплексе с языком. Лингвокультурологический подход в лингвострановедении направлен на изучение связи языка с культурой и менталитетом народа. Он предполагает анализ лингвистических и культурных проявлений, взаимодействие языка и культурных ценностей в речи и менталитете носителей языка. Этот подход позволяет лучше понять образ жизни, ценности, представления о мире, традиции и обычаи разных лингвистических сообществ. Объединение лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов позволяет получить комплексное представление о языке и культуре определенного региона. Этот подход является важным инструментом для ученых, преподавателей и всех, кто интересуется изучением языка и культуры разных народов. Он способствует лучшему взаимопониманию и развитию межкультурных компетенций. Представлены основные подходы к изучению проблем регионоведения; рассмотрены основные вопросы, связанные с формированием и развитием лингворегionsведения как междисциплинарного направления; выявлено основное сходство и различие понятий «лингворегionsведение» и «лингвокраеведение»; описана значимость лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов к изучению регионоведения; отмечен научный лингводидактический потенциал лингворегionsведения в преподавании иностранных языков, в частности русского языка как иностранного. Все полученные в ходе исследования выводы актуальны для дальнейшего изучения регионоведения в теории и практике преподавания иностранных языков (в том числе и русского языка как иностранного).

Ключевые слова: язык, культура, страноведение, регионоведение, лингводидактика, лингвострановедческий подход, лингвокультурологический подход

Для цитирования: Янь Кай, Сун Тао. Лингвострановедческий и лингвокультурологический подходы к изучению регионоведения (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 93–102. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-93-102>

Regional research on language studies and language and culture research methods (focusing on problem statement)

Yan Kai¹, Song Tao²

¹ *Sun Yat-sen University, Zhuhai, China, ky_710@outlook.com*

² *Shenyang Ligong University, Shenyang, China, songtao19930110@163.com*

Abstract

This paper focuses on describing the approaches of linguistic nationology and linguistic culturology in the study of geography. The purpose of this study is to reveal some characteristics of linguistic nationology and linguistic culturology in the study of geography. The language country approach allows for an understanding of the linguistic features of a particular country or region, taking into account historical, sociocultural and political factors. The main tasks of national language research include studying the differences of language structure, vocabulary, grammar and pronunciation in different regions, studying dialects, national variants of languages and the characteristics of

language workshops and exchanges. This approach contributes to a better understanding of the cultural identity, identity and habits of a people and their integration with the language. The linguistic and cultural approach in the study of language countries aims to study the relationship between language and culture and national mentality, which involves analyzing the expression forms of language and culture and the interaction between language and cultural values in language users' speech and mentality. This approach allows for a better understanding of the lifestyles, values, world views, traditions and customs of different language communities. The combination of linguistic nationology and linguistic culturology enables people to have a comprehensive understanding of the language and culture of a certain region. This method is an important tool for scholars, teachers and all those interested in studying the languages and cultures of different peoples. It promotes better mutual understanding and the development of cross-cultural ability. This paper introduces the basic ways to study regional problems. This paper reviews the basic problems involved in the formation and development of linguistic regionalism as an interdisciplinary subject. It reveals the basic similarities and differences between the concepts of "linguistic geography" and "linguistic geography". This paper expounds the significance of language nationology and language culturology to the study of regionalism. We have paid attention to the scientific language and language potential of language region research in foreign language teaching, especially Russian as a foreign language. All the conclusions are related to the further study of regional studies in the theory and practice of foreign language teaching (including Russian as a foreign language).

Keywords: language, culture, country studies, regional studies, linguodidactics, linguistic and regional approach, linguo-cultural approach

For citation: Yan Kai, Song Tao. Lingvostranovedcheskiy i lingvokul'turologicheskiy podkhody k izucheniyu regionovedeniya (k postanovke problemy) [Regional research on language studies and language and culture research methods (focusing on problem statement)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 93–102 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-93-102>

Введение

Одной из актуальных проблем межкультурной коммуникации является соотношение культуры и языка конкретного региона и их отражение в живой бытийной коммуникации представителей определенных лингвосоциокультурных сообществ. Вопрос о взаимодействии, взаимоотношении и взаимовлиянии языка, культуры, человека (как представителя языка, культуры и сознания), общества и их функционировании в живой бытийной коммуникации на сегодняшний день является важным, что свидетельствует об *актуальности* настоящей работы. Для поиска ответов требуется осмысление указанного вопроса с точки зрения интеграции наук – политики, экономики, истории, страноведения, регионоведения, лингвистики, культурологии и прочих – и сочетания подходов, созданных в указанных науках. В данной работе нами предпринята попытка описания проблемы регионоведения в рамках лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов. Соответственно, *целью* работы является описание и выявление особенностей указанных подходов при изучении проблемы регионоведения.

Материал и методы

Материалом исследования являются различные подходы (в данном случае речь идет о лингвострановедческом и лингвокультурологическом подходах) к изучению регионоведения (см., например: [1–5]). В статье применяются следу-

ющие методы анализа: методы наблюдения, описания и сравнения.

Результаты и обсуждение

Понятие «регионоведение» и основные подходы к его изучению. В традиционном понимании термин «регионоведение» по значению аналогичен терминам «краеведение» и «страноведение». Регионоведение, по В. В. Макаренко, – это «область общих представлений о развитии стран, объединений стран и мира в целом» [6, с. 12]. Целью регионоведения, по мнению исследователя, является «объяснение закономерностей развития стран в целом и выявление специфики развития каждой страны» [6, с. 12]. Объект регионоведения – «географическая среда как системная совокупность ландшафтной оболочки Земли и неотъемлемо вписанного в нее общества» [6, с. 12].

В зависимости от конкретных решений проблем сложность регионоведения как комплексной науки состоит в том, что данная наука понимает свой объект исследования в широком смысле, а увязка широты объекта и предмета исследования осуществляется через призму употребления комплексно-системных подходов [6, с. 14].

Так, М. В. Иванова выделяет *ТРАДИЦИОННЫЕ* и *НОВЫЕ* подходы к изучению регионоведения [7, с. 148]. В рамках традиционных подходов определяются *ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ, КОМПЛЕКСНЫЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ* подходы (по-

дробнее см.: [7, с. 148–152]). В рамках новых подходов определяют *ПРОБЛЕМНЫЙ*, *ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ* и др. [7, с. 147–153]. Кроме вышеуказанных подходов, в научном сообществе выделяются некоторые МЕТОДЫ в регионоведении: методы наблюдения, сравнения, описания, моделирования и циклов; методы политических наук и социологии; методы изучения документов и опросов; картографический, программно-целевой, балансовый, статический, экспликативный, экспериментальный методы [7, с. 152–164].

Базируясь на представленном, с опорой на идею исторического и комплексного подходов и метода сравнения в регионоведении, и проч., предлагаем еще выделить *ОБЩИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ подход*. Реализация лингвистического подхода к изучению регионоведческих проблем позволяет определить особенности языка, культуры и жителей региона, их функционирования на материале конкретного региона страны. Данный подход позволяет формировать целостную языковую картину мира с наполнением ее историческими, социокультурными, этнографическими смыслами исследуемого региона.

Подчеркнем, что для решения указанных проблем на стыке лингвистики и регионоведения в конце 1970-х гг. появилось лингвистическое направление междисциплинарного типа – «лингворегоноведение», что было обусловлено широко распространившимся к тому времени в мире процессом глобализации. Лингворегоноведение (или региональная лингвистика) как комплексная филологическая наука интегративного типа проявляется на базе взаимосвязи языка региона, этнической культуры, речевой и коммуникативной особенностей конкретного региона. Некоторые исследователи считают термины «лингворегоноведение» и «лингвокраеведение» синонимичными. Полагаем, что эти термины все-таки следует разграничивать по следующим параметрам: «в аспектном отношении (что изучается) и субъектно-объектном (кто изучает и для кого предназначены получаемые знания)» [8, с. 86]. В отличие от лингвокраеведения лингворегоноведение как отрасль лингвистики и регионоведения носит «культурологический план» [5, с. 151] и имеет тесную связь с социолингвистикой, этнолингвистикой и лингвокультурологией [9, с. 11].

Поскольку проблема регионоведения тесно связана со страноведением, культурологией и лингвистикой, в рамках общего лингвистического подхода к изучению регионоведения можно еще выделить два подхода – *ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ* и *ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ*, так как регионоведение как комплексная наука в традиционном восприятии отождествляется с понима-

нием краеведения и страноведения. Страноведческая информация региона передается непосредственно с помощью языковых средств. Одной из главных задач регионоведения является изучение языкового своеобразия и культурных особенностей конкретного региона страны, поскольку одно из важнейших условий формирования этнического менталитета (этнического мировоззрения) – общность использования языка (языковая политика, языковой конфликт, языковая среда, языковая ситуация).

Лингвострановедческий подход к изучению регионоведения. Как уже было сказано, регионоведение в традиционном понимании в первую очередь отождествляется со страноведением. В данном случае регионоведение и страноведение как науки интегративного типа приобретают большую значимость не только в географической, экономической и туристической областях знания, но и в исторической, политической и филологической [10, с. 82]. Соответственно, в рамках общего лингвистического подхода регионоведение как наука интегративного типа непосредственно тесно связано с лингвострановедением.

Термин «лингвострановедение» в научном сообществе впервые предложен Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым в работе [11]. Исследователи рассматривают лингвострановедение как методический, лингводидактический аналог социолингвистики [12, с. 17]. Л. Г. Веденина пишет, что лингвострановедение как наука сложилась на триаде «язык – человек – общество», синтезируя данные географии, социологии, психологии, культурологии и лингвистики, изучая национально-культурную специфику иноязычного социума, отраженную в речевом поведении говорящего [13 с. 13]. При этом лингвострановедение как междисциплинарная наука обладает двумя составляющими: 1) *СОБСТВЕННО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ* (так как лингвострановедение исследует языковые единицы с целью выявления особенностей национально-культурной семантики); 2) *ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ* (так как данное направление разрабатывает методические приемы и способы закрепления особенности указанной семантики в языковой практике) [12, с. 37]. Сформировавшись как самостоятельная научная дисциплина, лингвострановедение изначально трактовалось как методологическое направление, связанное с изучением путей и способов ознакомления иностранных студентов с действительностью страны изучаемого языка. Объектами лингвострановедения являются безэквивалентная лексика, невербальные средства общения, языковые фразы и выражения, которые рассматрива-

ются на занятиях с точки зрения отражения культуры и опыта народа, говорящего на данном языке [1, с. 152–153].

При использовании лингвострановедческого подхода в обучении учащихся иностранным языкам основной целью обучения является формирование лингвострановедческой компетенции. Лингвострановедческая компетенция – «знание обычаев, традиций, реалий страны изучаемого языка, умение черпать из языковой единицы информацию о той же стране, что и носители языка, и использовать ее, способность к полноценной коммуникации» [14, с. 896]. Такие знания обеспечивают определенный уровень навыков и умений в использовании национально-культурных элементов языка, речевого этикета и невербальных средств общения [1, с. 330].

С опорой на сказанное полагаем, что лингвострановедческий подход к изучению регионоведения основывается на триаде «язык – человек – общество (регион)», который фокусируется на отборе и использовании данных материалов языковых знаков, этнической культуры, культурной специфики речевой деятельности представителя определенного региона страны с целью описания, выявления и ознакомления учащихся с реальной действительностью того или иного региона через посредство национальной специфики языка, культуры, коммуникации представителя конкретного социокультурного сообщества в процессе преподавания иностранного языка. Кроме того, в данном случае полагаем, что в процессе преподавания иностранного языка необходимо учитывать следующие аспекты: 1) *СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ*, так как в языке конкретного социума сохранены богатые регионоведческие знания: географическая, политическая, экономическая и историческая информация; 2) *КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ*, так как в лексической и грамматической системе языка и речевой деятельности представителя региона отражается особенность этнического видения мира; 3) *РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЙ*, так как регионоведение формируется и проявляется в сфере политики, экономики, экологии, этнографии региона, а также в области внутрорегиональных и межрегиональных связей [15].

Итак, реализация лингвострановедческого подхода к изучению регионоведения может повысить мотивацию, активность и инициативность учащихся на уроках иностранного языка, а значит, возникнет необходимость в приобретении языковой, социокультурологической, страноведческой, регионоведческой информации и овладении соответствующими навыками и умениями.

Лингвокультурологический подход к изучению регионоведения. В рамках лингвокуль-

турологического подхода целью изучения регионоведения является анализ языковой ситуации конкретного региона, «отмеченного лингвокультурной спецификой» [16, с. 3]. Лингвокультурология изучает «живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [17, с. 218]. При этом лингвокультурология акцентирована на контекст культурного фактора в языке и на языковой фактор в человеке; в данной логике лингвокультурология выступает как наука о человеке, ядром притяжения которой является феномен культуры [17, с. 222]. Задачей лингвокультурологии, по С. Г. Воркачеву, является «изучение и описание взаимоотношений, взаимовлияний языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета» [18, с. 64].

Рассматривая вопрос о применении лингвокультурологического подхода к изучению регионоведения, можно обнаружить, что в настоящее время большинство исследователей проводят анализ как на материале языка и культуры конкретного региона (подробнее см., работы [19–23]), так и на практиках преподавания русского языка как иностранного (подробнее см. [24, с. 4]).

Как видим, в лингвистике применение лингвокультурологического подхода к изучению регионоведения уже имеет свою историю. Данный подход чаще всего используется для изучения региональной лексики, особенностей словоупотреблений и речевых действий жителей определенного региона. Основная задача применения этого подхода в дидактическом аспекте состоит в формировании лингвокультурологической компетенции учащихся. С опорой на идеи В. Н. Телия [25] и В. В. Воробьева [26], лингвокультурологическая компетенция, на наш взгляд, это знание особенностей изучаемого языка на фоне своей культуры и способность понимания культурных особенностей во всех коммуникативных действиях говорящих того или иного лингвосоциокультурного сообщества, а также умение интерпретировать языковые знаки об окружающей действительности в категоризациях и концептуализациях кодов культуры. Лингвокультурологический подход к изучению регионоведения в преподавании иностранных языков дает важную эффективность, нацеленную на формирование и совершенствование навыков и умений осуществления межкультурного общения путем изучения иностранного языка как феномена культуры.

С опорой на сказанное видим, что лингвокультурология как междисциплинарная лингвистическая наука интегративного типа охватывает широкий спектр исследовательских проблем:

ЯЗЫК – ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА (см. работы Н. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, Д. Б. Гудкова, И. В. Зыковой, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, В. А. Масловой и др.). В этой цепочке ЧЕЛОВЕК может быть рассмотрен как ядро указанной связи. Человек, согласно В. В. Красных, может рассматриваться как неразделимая составляющая сложного, многокомпонентного, многомерного, неразрывного единства «ЯЗЫК – СОЗНАНИЕ – КУЛЬТУРА – ЧЕЛОВЕК – КОММУНИКАЦИЯ – СООБЩЕСТВО», находящегося в фокусе внимания многих наук: филологии, социологии, политологии, социальной, культурологии и антропологии и т. д. [27, с. 67]. В данном случае можно соотнести приведенное утверждение с концепцией Т. Ф. Новиковой, которая написала: «лингворегионоведение формируется на базе истории, географии, лингвистики, культурологии, этнологии, социологии, состоит в изучении особенностей и вариаций в языке, обусловленных этнической картиной региона, территориальными особенностями языка, особенностями его использования различными социальными группами, а также в зависимости от целей и условий коммуникации» [16, с. 110]. Значит, в этой логике, мы находим общий интерес для лингвокультурологии и лингворегионоведения, который проявляется во взаимодействии языка, культуры, человека, коммуникации, сообщества, и в их функционировании в конкретном лингвокультурном сообществе. Центральное место в системе лингвокультурологии и лингворегионоведения, по В. О. Гулькиной, занимает ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ (в понимании В. В. Красных) – продуцент региолекта [28, с. 25].

Отталкиваясь от идеи В. Н. Телия и В. В. Красных, полагаем, что лингвокультурологический подход к изучению регионоведения основывается на базе взаимоотношений ЯЗЫКА – СОЗНАНИЯ – КУЛЬТУРЫ – ЧЕЛОВЕКА – КОММУНИКАЦИИ – СООБЩЕСТВА (по В. В. Красных). В данной системе ЧЕЛОВЕК рассматривается как носитель определенного лингвосоциокультурного сообщества. При этом предметом изучения регионоведения в рамках лингвокультурологического подхода являются языковые единицы с культурно-национальной спецификой данного региона, а также проявление совокупности социокультурных признаков представителя определенного региона в живой коммуникативной ситуации. Объект изучения данного направления – взаимодействие языка, культуры, личность говорящего определенного региона, их отражение и проявление в живой коммуникативной ситуации. Задачами в данном случае выступает выявление культурно-национальной особенности (употребления) языка

и (языкового) сознания представителя определенного региона.

Итак, реализация лингвокультурологического подхода основывается на сложном, многогранном, неразделимом единстве ЯЗЫКА – СОЗНАНИЯ – КУЛЬТУРЫ – ЧЕЛОВЕКА – КОММУНИКАЦИИ – СООБЩЕСТВА (по В. В. Красных). Значимость указанного подхода к изучению регионоведения состоит в изучении взаимоотношения языка, культуры и личности жителей конкретного региона и их функционирования в живой бытийной коммуникации. Особенность данного подхода есть переход от семантики знаков языка к их глубинному культурному знанию, затем к их концептуальным составляющим (по В. Н. Телия, Е. Г. Беляевской). Также этот подход позволяет учащимся понимать и интерпретировать культурные специфики во всех коммуникативных ситуациях конкретного лингвосоциокультурного сообщества, дает важную эффективность, нацеленную на формирование и совершенствование навыков и умений осуществления межкультурного общения путем изучения иностранного языка как феномена культуры и лингвокультуры.

4. Лингводидактический потенциал регионоведения в преподавании иностранных языков в свете лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов.

Современная лингводидактика, по В. М. Шаклеину, «предусматривает взаимодействие нескольких самостоятельных и вместе с тем взаимосвязанных научных дисциплин: методики, лингвистики, педагогики, психологии, культурологии, страноведения, регионоведения (курсив наш. – Я. К., С. Т.) и проч.; представляет собой общую лингвистическую базу обучения иностранным языкам во взаимосвязи с перечисленными научными дисциплинами» [29, с. 24–25].

Отметим, что регионоведение представляет собой научно-комплексную дисциплину интегративного типа, которая изучает закономерность и особенности процесса проявления, формирования, развития и функционирования политического, экономического, регионального и социокультурного сообщества во всех сферах коммуникативной деятельности говорящих. Культурологически маркированные единицы языка и речи с региональным содержанием могут отражаться во всех сферах коммуникативных ситуаций человека говорящего. Соответственно, регионоведение как интегративная наука в первую очередь имеет тесную связь со страноведением и национальной культурой страны. Незнание региональной информации может вызывать лингвокультурологическую и страноведческую интерференции не

только при преподавании иностранных языков, но и в межкультурном и межличностном общении. Также указанные потенциальные интерференции могут проявляться как в вербальной коммуникации и отражаться на всех уровнях изучаемого языка: фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом, так и в невербальной коммуникации.

С опорой на сказанное выше, полагаем, что лингвострановедческий и лингвокультурологический подходы к изучению регионоведения в рамках лингводидактики основываются на базе взаимодействия *ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ, СОЗНАНИЯ, ЧЕЛОВЕКА (ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА), ОБЩЕСТВА (РЕГИОНА), КОММУНИКАЦИИ* (по В. В. Красных и Л. Г. Ведениной). В предложенной системе *ЧЕЛОВЕК* (в первую очередь понимается как представитель того или иного региона) является центральным звеном всех связей (по В. О. Гулькиной).

Целью использования указанных подходов к изучению регионоведения в рамках лингводидактики является преодоление страноведческой и культурологической интерференции и формирование лингвострановедческой и лингвокультурологической компетенции учащихся. Применение лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов предполагает решение *нескольких задач*: 1) описание языковых особенностей представителей изучаемого региона (в фокусе внимания: фонетические, лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические особенности речи жителей); 2) выделение культурно-этнического содержания в языковых знаках региона (в фокусе внимания: коннотативные значения, метафорические реализации, когнитивное содержание и др.); 3) определение культурно-национальной и социальной специфики невербальной речевой деятельности (в фокусе внимания: мимика, жесты, голос, телодвижение); 4) изучение языковой, речевой и коммуникативной личности (по классификации В. В. Красных) говорящих на языках региона (в фокусе внимания: этнопсихолингвистические особенности личности); 5) выявление лингвокультурной специфики менталитета представителей исследуемого региона (в фокусе внимания: формирование национальной языковой картины мира, моделирование когнитивной структуры менталитета, особенность языкового сознания и др.); 6) использование полученных результатов решения всех названных задач в процессе обучения иностранному языку учащихся для следующих заданий: аудирования, объяснения лексики, чтения, письма, перевода и речевой практики, так как при организации и реализации учебного процесса необходимо учитывать не только языковые особеннос-

сти, но и культурологические, страноведческие, регионоведческие данные.

Особенности лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов к изучению регионоведения в рамках лингводидактики состоят в понимании национальных обычаев, традиций, реалий страны изучаемого языка; в осознании взаимосвязи языка и политики, языка и экономики, языка и общества, языка и культуры, языка и истории и другого как целой страны; в усвоении культурной специфики речевого поведения жителей; в интерпретации национального менталитета носителей конкретного лингвосоциокультурного сообщества. Кроме того, в данном случае полагаем, что при рассмотрении проблемы регионоведения в рамках лингводидактики в свете указанных подходов необходимо учитывать следующие аспекты: 1) *ОБЩИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ*, так как национальный язык непосредственно связан с политикой, экономикой, историей, культурой, страноведением и др.; 2) *СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ*, так как в языке конкретного социума сохранены богатые энциклопедические знания об изучаемом регионе и изучаемой стране: политическая, экономическая, историческая, социогеографическая, культурологическая информация; 3) *РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЙ*, так как региональная информация формируется и проявляется в сфере политики, экономики, экологии, географии, истории, культурологии, этнографии региона, в области внутрирегиональных и межрегиональных связей, а также в рамках международных отношений и межкультурной коммуникации; 4) *КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ*, так как в языковой системе носителей того или иного лингвосоциокультурного сообщества сохранены богатейшие культурно-национальные смыслы об изучаемой стране и изучаемом регионе, которые передаются при помощи вербальных и невербальных средств в речевой деятельности говорящих, а также отражается особенность этнического видения мира.

Заключение

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: 1) в научном освещении представлено несколько подходов к изучению регионоведения. В рамках общих лингвистических исследований мы выделяем лингвострановедческий и лингвокультурологический подходы к его изучению; 2) лингвострановедческий и лингвокультурологический подходы к изучению регионоведения в рамках лингводидактики основываются на базе взаимодействия и взаимного функционирования *ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ, СОЗНАНИЯ, ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА (РЕГИОНА), КОММУНИКАЦИИ*

(по В. В. Красных и Л. Г. Ведениной); 3) особенность реализации указанных подходов к изучению регионоведения в преподавании иностранных языков состоит в описании и выявлении тех этнокультурных, страноведческих, регионоведческих дан-

ных, которые сохранены и отражены в знаках языка и речи представителей определенного социокультурного сообщества исследуемого региона страны, и использовании полученных результатов в учебном процессе.

Список источников

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Русский язык. Курсы, 2018. 448 с.
2. Большой энциклопедический словарь (электронный ресурс). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/166366> (дата обращения: 03.06.2023).
3. Словарь по географии. URL: https://geography_ru.academic.ru/5234/%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 03.06.2023).
4. Трёмбовецкий И. В., Евтюгина А. А. Лингворегионоведческий словарь в методике преподавания русского языка как иностранного // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2020. № 9. С. 144–150.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/91218> (дата обращения: 03.06.2023).
6. Макаренко В. В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12–33.
7. Иванова М. В. Введение в регионоведение. Методы регионоведческих исследований: уч. пособие. Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2008. 177 с.
8. Верховых Л. Н. К изучению этапов развития отечественного лингвокраеведения // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 4 (43). С. 102–113.
9. Новикова Т. Ф. Лингворегионоведение. Ч. 1: программа и программно-методические материалы. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 76 с.
10. Разумовский В. Н., Севастьянов Д. В. Регионоведение и страноведение в структуре географической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология. География. 2009. С. 81–86.
11. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам // Страноведение и преподавание русского языка как иностранного: докл. на междунар. симпозиуме. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 35–38.
12. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1987.
13. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения: восьмой межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. статей / отв. ред. Л. Г. Веденина. 2011. С. 282.
14. Акимов О. С. Формирование лингвострановедческой компетенции старших школьников // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 896–898.
15. Захра Х. А., Рыжова Р. Н. О лингвострановедческом содержании учебника по русскому языку для иностранных студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 164–168.
16. Новикова Т. Ф. К проблеме изучения языка региона // Русская филология. Харьк. нац. пед. ун-т им. Г. С. Сковороды. 2009. № 4. С. 107–113.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
18. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
19. Евтюгина А. А., Туева К. И. Теория и практика разработки лингворегионоведческого словаря Урала для развития коммуникативной компетенции иностранных студентов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8, вып. 1. С. 71–77.

20. Абузярова Э. Р. Лингвокультурологически ориентированное исследование языка региона с позиции структурно-функциональной парадигмы // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 2. С. 507–509.
21. Бузова Г. П., Ключкова Л. Н., Гречкина И. В. Кавказская регионимика на уроках русского языка в средней школе // Флагман науки. 2021. № 10 (10). С. 82–85.
22. Королева И. А. Региональная ономастическая лексика в лингвокультурологическом освещении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 6. С. 111–121.
23. Ковлева Т. В., Еременко О. И. Методические аспекты лингворегионоведения // Интеграция образования. 2010. № 2 (59). С. 41–44.
24. Игнатович Т. Ю., Биктимирова Ю. В. Лингворегионоведение в преподавании русского языка как иностранного в рамках магистерской образовательной программы // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 86–90.
25. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: от мировидения к миропониманию // Славянское языкознание: докл. рос. делегации. М., 1993. 309 с.
26. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. С. 74–75.
27. Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. С. 67–73.
28. Гулькина В. О. К вопросу о базовой терминологии лингворегионоведения // Новые горизонты русистики. 2019. № 7. С. 22–28.
29. Шаклеин В. М. Русская лингводидактика: история и современность. М.: Изд-во РУДН, 2008. 209 с.

Reference

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Sovremennyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [Dictionary of Modern Methodological Terms and Concepts (Language Teaching Theory and Practice)]. Moscow, Russkiy yazyk. Kursy Publ., 2018. 448 p. (in Russian).
2. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large encyclopedia dictionary] (in Russian). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/166366> (accessed 3 June 2023).
3. *Slovar' po geografii (elektronnyy resurs)* [Geographical dictionary (electronic resource)] (in Russian). URL: https://geography_ru.academic.ru/5234/%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4 (accessed 3 June 2023).
4. Trembovetskiy I. V., Evtyugina A. A. *Lingvoregionovedcheskiy slovar' v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Linguistic Geography Dictionary in Russian Foreign Language Teaching Method]. *Sotsiokul'turnoye prostranstvo Rossii i zarubezh'ya: obshchestvo, obrazovaniye, yazyk*, 2020, no. 9, pp. 144–150 (in Russian).
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary] (in Russian). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/91218> (accessed 3 June 2023).
6. Makarenko V. V. Ob ob'yektno-predmetom pole regionovedeniya i yego meste v ryadu drugih nauk [On the Object Field of Regionalism and Its Position in Other Sciences]. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*, 2019, no. 4, pp. 12–33 (in Russian).
7. Ivanova M. V. *Vvedeniye v regionovedeniye. Metody regionovedcheskikh issledovaniy: uchebnoye posobiye* [Introduction to regional studies. Regional research method: tutorial]. Tomsk, TPU Publ., 2007. 177 p. (in Russian).
8. Verkhovyykh L. N. K izucheniyu etapov razvitiya otechestvennogo lingvokrayevedeniya [Research on the Development Stage of Woodworking in China]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2021, no. 4 (43), pp. 102–113 (in Russian).
9. Novikova T. F. *Lingvoregionovedeniye. Chast' 1: Programma i programmno-metodicheskiye materialy* [Linguistic and regional studies. Part 1: program and program and methodological materials]. Belgorod, BelGU Publ., 2010. 76 p. (in Russian).
10. Razumovskiy V. N., Sevast'yanov D. V. Regionovedeniye i stranovedeniye v strukture geograficheskoy nauki [Regionalism and Nationology in the Structure of Geographical Science]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 7. Geology. Geography*, 2009, pp. 81–86 (in Russian).
11. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvisticheskaya problematika stranovedeniya v prepodavanii russkogo yazyka inostrantsam* [Linguistics of State Studies in Russian Teaching for Foreigners]. *Stranovedeniye i prepodavaniye russkogo yazyka kak inostrannogo: doklad na mezhdunarodnom simpoziume* [RUS National Research and Teaching Russian as a foreign language: report at the international symposium]. Moscow, Moscow University Press Publ., 1971. Pp. 35–38 (in Russian).

12. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: A Study of Language Countries in Russian Foreign Language Teaching]. Moscow, 1987 (in Russian).
13. *Lingvostranovedeniye: metody analiza, tekhnologiya obucheniya. Vos'moy mezhvuzovskiy seminar po lingvostranovedeniyu. Lingvostranovedeniye: metod analiza, tekhnologiya obucheniya: sbornik statey* [Language Country Research: Analytical Methods, Learning Techniques: eighth inter-university seminar on language countries: collection of articles]. Ed. L. G. Vedenina. 2011. Pp. 282 (in Russian).
14. Akimova O. S. Formirovaniye lingvostranovedcheskoy kompetentsii starshikh shkol'nikov [Cultivation of high school students' national language ability]. *Molodoy uchenyy*, 2016, no. 8, pp. 896–898 (in Russian).
15. Zakhra Kh. A., Ryzhova R. N. O lingvostranovedcheskom soderzhanii uchebnika po russkomu yazyku dlya inostrannykh studentov [On the Language and Country Contents of Russian Textbooks for Foreign Students]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta друzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2015, no. 3, pp. 164–168 (in Russian).
16. Novikova T. F. K probleme izucheniya yazyka regiona [On Regional Language Learning]. *Russkaya filologiya. Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo univeriseta im. G. S. Skovorody*, 2009, no. 4, pp. 107–113 (in Russian).
17. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic and cultural aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p. (in Russian).
18. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguistic and cultural studies, linguistic personality and concept: the formation of anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2001, no. 1, pp. 64–72 (in Russian).
19. Evtyugina A. A., Tueva K. I. Teoriya i praktika razrabotki lingvoregionovedcheskogo slovarya Urala dlya razvitiya kommunikativnoy kompetentsii inostrannykh studentov [Theory and Practice of Developing Ural Language Dictionaries to Cultivate Foreign Students' Communicative Competence]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki – Pedagogy. Theory and Practice*, 2023, vol. 8.1, pp. 71–77 (in Russian).
20. Abuzyarova E. R. Lingvokul'turologicheski oriyentirovannoye issledovaniye yazyka regiona s pozitsii strukturno-funktsional'noy paradigmy [From the perspective of structural-functional paradigm, this paper studies regional languages for language culture]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2009, vol. 14, no. 2, pp. 507–509 (in Russian).
21. Burova G. P., Klyuchkova L. N., Grechkina I. V. Kavkazskaya regionimika na urokakh russkogo yazyka v sredney shkole [Caucasian Studies in Russian Class in Middle Schools]. *Flagman Nauki*, 2021, no. 10 (10), pp. 82–85 (in Russian).
22. Koroleva I. A. Regional'naya onomasticheskaya leksika v lingvokul'turologicheskom osveshchenii [Regional proper names in language and cultural lighting]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniye – Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 2021, vol. 20, no. 6, pp. 111–121 (in Russian).
23. Kovleva T. V., Eremenko O. I. Metodicheskiye aspekty lingvoregionovedeniya [Methodological Aspects of Linguistic Regionalism]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*, 2010, no. 2 (59), pp. 41–44 (in Russian).
24. Ignatovich T. Yu., Biktimirova Yu. V. Lingvoregionovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo v ramkakh masterskoy obrazovatel'noy programmy [A Study of Language Regions in Teaching Russian as a Foreign Language within the Framework of Master's Degree Curriculum]. *Mir russkogo slova – World of Russian Words*, 2020, no. 3, pp. 86–90 (in Russian).
25. Teliya V. N. Kul'turno-natsional'nyye konnotatsii frazeologizmov: ot mirovideniya k miroponimaniyu [Cultural and national connotation of phrasology: from world outlook to world outlook]. *Slavyanskoye yazykoznaniye: XI Mezhdunarodnyy s'yezd slavyanistov* [Slavic linguistics: XI International Congress of Slavists]. Moscow, Nauka Publ., 1993. P. 309 (in Russian).
26. Vorob'yov V. V. *Lingvokul'turologiya* [Linguistic culturology]. Moscow, RUDN Publ., 2008. Pp. 74–75 (in Russian).
27. Krasnykh V. V. Kul'tura, kul'turnaya pamyat' i lingvokul'tura: ikh osnovnyye funktsii i rol' v kul'turnoy identifikatsii [Culture, Cultural Memory and Linguistic Culture: Their Main Functions and Roles in Cultural Identity]. *Vestnik TsMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika*, 2012, no. 3, pp. 67–73 (in Russian).
28. Gul'kina V. O. K voprosu o bazovoy terminologii lingvoregionovedeniya [New Vision of Russian Studies]. *Novyye gorizonty rusistiki – New Horizons of Russian Studies*, 2019, no. 7, pp. 22–28 (in Russian).
29. Shaklein V. M. Russkaya lingvodidaktika: istoriya i sovremennost' [Russian Language: History and Modern Times]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 209 p. (in Russian).

Информация об авторах

Янь Кай, (PhD) филология, доцент, научный сотрудник, заведующий кафедрой, и.о. руководителя центра исследований, Университет имени Сунь Ятсена (Чжухай, КНР, 528406).

E-mail: ky_710@outlook.com

Сун Тао, старший преподаватель, Шэньянский политехнический университет (Шэньян, КНР, 110158).

E-mail: songtao19930110@163.com

Information about the authors

Yan Kai, (PhD) Philology, Associate Professor, Researcher, Director, Cafe.Russian Language Institute, agent. Director, Center for Russian and Central Asian Studies, Institute of International Studies, Sun Yat-sen University (Zhuhai, China, 528406).

E-mail: ky_710@outlook.com

Song Tao, Senior Lecturer, School of Foreign Languages, Shenyang Ligong University (Shenyang, China, 110158).

E-mail: songtao19930110@163.com

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 23.10.2023; accepted for publication 23.03.2024

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 82-091 (82-97) (82-92)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-103-112>

**«Верный ученик апостола Павла...»: к вопросу о мотивах духовного сближения
архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) и Н. В. Гоголя
(по материалам мемуаров В. Лаврского)**

Светлана Владимировна Бурмистрова

*Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
t-svet2007@yandex.ru*

Аннотация

Тема «Гоголь и Бухарев», впервые обозначенная в научно-богословской периодике конца XIX – начала XX в., стала предметом литературоведческого изучения лишь недавно. У истоков ее филологического осмысления стоят работы В. А. Воропаева, в которых книга о. Феодора (Бухарева) «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году» была включена в контекст изучения критического восприятия «Выбранных мест из переписки с друзьями» в литературе XIX в. Представляется, что не менее значимым является вопрос о мировоззренческой общности Гоголя и архим. Феодора, все еще не получивший обстоятельного рассмотрения в современной науке. Цель статьи – на материале мемуарных и публицистических текстов последней трети XIX – начала XX в. определить наиболее значимые факторы, послужившие предпосылкой для духовного сближения Гоголя и Бухарева. Материалом исследования выступают опубликованные в дореволюционной периодике («Богословский вестник», «Православный собеседник» и др.) мемуары, заметки, некрологи, посвященные архим. Феодору и содержащие в той или иной степени сведения о его знакомстве с Гоголем, а также запечатлевшие первые попытки современников разобраться в вопросе о воздействии друг на друга писателя и богослова. Материалы анализируются в междисциплинарном аспекте: историко-литературный метод дополняется методологическим инструментарием рецептивной эстетики и библейского богословия. По результатам исследования сделан вывод о характерном как для Гоголя, так и для о. Феодора (Бухарева) интересе к личности и богословию апостола Павла. Представляется, что именно это обстоятельство сыграло решающую роль в идейном и духовном сближении писателя и богослова. Начиная с конца 1840-х гг. Бухарев подготовил ряд научно-богословских работ об апостоле Павле («Учение ап. Павла об антихристе во 2 послании к Солунянам», «Несколько статей о святом апостоле Павле», «О подлинности апостольских посланий», «О послании апостола Павла к Филиппийцам», «О послании к Римлянам» и др.), заложивших основы изучения апостольской части Нового Завета в отечественной библеистике. Вероятно, о. Феодор стал для Гоголя своего рода консультантом по вопросам толкования посланий апостола Павла. И писателя, и богослова можно назвать «учениками апостола Павла», почерпнувшими из его посланий комплекс богословских идей, в значительной степени определивших их религиозный опыт, а в отношении Гоголя – и эстетическую концепцию. Сложно утверждать однозначно, кто на кого – богослов или писатель – оказал большее влияние, поскольку почти не сохранилось прямых свидетельств, сообщающих о конкретном содержании и характере бесед Гоголя с о. Феодором. Скорее всего, влияние было взаимным и равнозначным, поскольку о. Феодор питал искреннее уважение к Гоголю и восхищался его творчеством, а писатель с почтением относился к о. Феодору как носителю духовного сана и ученому богослову. Кроме того, их объединяли общие идеи и общий наставник в толковании и применении в жизни христианского учения – святой апостол Павел.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, архимандрит Феодор (А. М. Бухарев), митрополит Филарет (Дроздов), «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году», апостол Павел, отечественная библеистика, богословская рецепция русской литературы, мемуары

Для цитирования: Бурмистрова С. В. «Верный ученик апостола Павла...»: к вопросу о мотивах духовного сближения архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) и Н. В. Гоголя (по материалам мемуаров В. Лаврского) //

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 103–112.
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-103-112>

RUSSIAN LITERATURE, LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

“A faithful disciple of the Apostle Paul...”: on the question of the motives of the spiritual rapprochement of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev) and N. V. Gogol (based on the memoirs of V. Lavrsky)

Svetlana V. Burmistrova

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru

Abstract

The topic “Gogol and Bukharev” has moved into literary studies from the theological sphere. V. A. Voropaev was one of the first to turn to its philological understanding, who included the book by O. Feodor (Bukharev) “Three Letters to Gogol written in 1848” in the context of the problem of perception of “Selected passages from correspondence with friends” in the criticism of the XIX century. It seems that no less significant for modern science is the question of the ideological community of the writer and the theologian, their influence on each other, which left a mark in the activities of each of them. The purpose of the article is to use the material of memoirs and journalistic texts from the last third of the 19th – early 20th centuries to determine the most significant factors that served as a prerequisite for the spiritual rapprochement of Gogol and Bukharev. The research material was published in pre-revolutionary periodicals (“Theological Bulletin”, “Orthodox Interlocutor”, etc.) memoirs, notes, obituaries dedicated to Archimandrite Theodore and containing in one way or another information about his acquaintance with Gogol. The materials are analyzed in an interdisciplinary aspect: the historical and literary method is complemented by methodological tools of receptive aesthetics and biblical theology. Based on the results of the study, it was concluded that both Gogol and Archimandrite Theodore (Bukharev) had an interest in the personality and theology of the Apostle Paul. It seems that this circumstance played a decisive role in the ideological and spiritual rapprochement of the writer and the theologian. Beginning in the late 1840s, Bukharev prepared a number of scientific and theological works on the Apostle Paul (“The Teaching of the Ap. St. Paul on the Antichrist in the 2nd Epistle to the Thessalonians”, “Several articles on the Holy Apostle Paul”, “On the authenticity of the Apostolic Epistles”, “On the Epistle of the Apostle Paul to the Philippians”, “On the Epistle to the Romans”, etc.), laid the foundations for the study of the apostolic part of the New Testament in Russian biblical studies. Probably, Archimandrite Theodore became a kind of consultant for Gogol on the interpretation of the letters of the Apostle Paul. Both the writer and the theologian can be called “disciples of the Apostle Paul,” who drew from his epistles a set of theological ideas that largely determined their religious experience, and in relation to Gogol, their aesthetic concept. It is difficult to say unequivocally who influenced whom – the theologian or writer – because there is almost no direct evidence that reports on the specific content and nature of Gogol’s conversations with Father Theodore. Most likely, the influence was mutual and equivalent, since they were united by common ideas, interests and a common mentor in the interpretation and application of Christian teaching in life – St. Paul the Apostle.

Keywords: *N. V. Gogol, Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev), Metropolitan Filaret (Drozdov), “Three Letters to Gogol written in 1848”, Apostle Paul, Russian Biblical studies, theological reception of Russian literature, memoirs*

For citation: Burmistrova S. V. “Vernyy uchenik apostola Pavla...”: k voprosu o motivakh dukhovnogo sblizheniya arkhimandrita Feodora (M. A. Bukhareva) i N. V. Gogolya (po materialam memuarov V. Lavrskogo) [“A faithful disciple of the Apostle Paul...”: on the question of the motives of the spiritual rapprochement of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev) and N. V. Gogol (based on the memoirs of V. Lavrsky)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 103–112 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-103-112>

Введение

До недавнего времени история знакомства и взаимоотношений Н. В. Гоголя и архимандрита Феодора (А. М. Бухарева¹) почти не попадала в поле зрения литературоведов. Как правило, она кратко освещалась лишь в научно-богословских источниках [1–3] в связи с описанием личности Бухарева и его богословской системы. Кроме того, упоминание о ней можно встретить и в некоторых журнальных заметках [4], опубликованных в церковной периодике по случаю гоголевских юбилеев 1902 и 1909 гг. Иными словами, тема «Гоголь и Бухарев» перешла в литературоведение из богословской сферы, а потому при ее филологическом анализе необходимо учитывать этот «религиозный трансфер». Одними из первых к ее осмыслению обратились такие литературоведы, как В. А. Воропаев, В. А. Фатеев, Е. И. Анненкова, Ю. Я. Барабаш. Так, В. А. Воропаев включил книгу о. Феодора «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 г.» в контекст изучения критического восприятия «Выбранных мест из переписки с друзьями» в литературе XIX в. [5], а также указал на близость взглядов писателя и богослова. В частности, в публикации «Гоголь и его духовное окружение: материалы к библиографическому словарю» исследователь приводит запись одного из учеников отца Феодора – Валериана Лаврского: «А замечательное сходство между идеями о. Феодора и идеями Гоголя; ныне мы читали его переписку с друзьями: при этом старшие студенты беспрестанно поражались удивительным сходством между идеями и даже выражением того и другого. Известно, что они были коротко знакомы; но кто из них у кого заимствовал этот дух и взгляд? – Невероятно было бы думать, что духовный от светского» [6, с. 118]. По мнению В. А. Воропаева, «совершенно очевидно, что в данном случае Гоголь повлиял на отца Феодора» [7]. К сожалению, этот вывод, как и сам вопрос о сходстве «между идеями о. Феодора и идеями Гоголя», не получил в статье подробного комментария, вероятно, в силу ее жанрового статуса: это всего лишь «материалы к библиографическому словарю», не позволяющие автору вдаваться в детали. Между тем «Воспоминания» протоиерея В. Лаврского содержат

любопытные сведения, проливающие дополнительный свет на причины идейного и духовного сближения отца Феодора и Гоголя.

Материал и методы

Материалом исследования послужили опубликованные в дореволюционной периодике («Богословский вестник», «Православный собеседник» и др.) мемуары, заметки, некрологи, посвященные архим. Феодору и содержащие в той или иной мере сведения о его знакомстве с Гоголем. Материалы анализируются в междисциплинарном аспекте: историко-литературный метод дополняется методологическим инструментарием рецептивной эстетики и библейского богословия.

Результаты и обсуждение

Мемуары Лаврского были впервые опубликованы в журнале Московской духовной академии «Богословский вестник». Они печатались там частями на протяжении 1905–1906 гг. под заголовком «Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева)». Время их появления неслучайно: в 1906 г. исполнилось 35 лет со дня кончины А. М. Бухарева. Лаврский подчеркивает, что его «личные воспоминания» отличаются максимальной объективностью, поскольку они записаны не через десятилетия, а почти сразу после того, как случилось им описываемое. При изложении настоящих воспоминаний, объясняет автор, «я пользуюсь... собственными моими письмами, писанными к родителям в период моей академической жизни (1854–1858)» [8, с. 500]. Имеется в виду обучение Лаврского в Казанской духовной академии в тот период, когда в ней преподавал, а с 1855 г. также нес послушание инспектора архим. Феодор. Кроме того, мемуарист включает в текст «Воспоминаний» свою переписку с отцом Феодором, а также переписку с ним других близких ему людей. «Наконец, – пишет Лаврский, – для „восстановления истины“... я буду обращаться... к сочинениям» самого архим. Феодора [8, с. 500–501]. В частности, в «Воспоминаниях» фигурируют «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 г.», в контексте повествования о которых мемуарист излагает историю знакомства отца Феодора с Гоголем.

По словам Лаврского, поводом для их личного знакомства послужили «Выбранные места из переписки с друзьями». Эта книга, вызвавшая много толков в русском обществе 1840-х гг., произвела сильное впечатление на молодого иеромонаха, в 1846 г. окончившего Московскую духовную академию и оставленного при ней бакалавром для продолжения научной деятельности. К моменту выхода в свет «Переписки»

¹ Архимандрит Феодор (в миру – Александр Матвеевич Бухарев, 1822–1871), богослов, преподаватель Московской духовной академии (1846–1854), преподаватель, инспектор, и. о. ректора Казанской духовной академии (1854–1858). В монашеском постриге и священническом сане с 1846 г., в сане архимандрита с 1853 г. В 1862 г. подает прошение в Синод о сложении духовного и монашеского сана, которое было удовлетворено в 1863 г. В том же году венчался с А. С. Родышевской. 2 апреля 1871 г. скончался, погребен на кладбище Переславля-Залесского.

(1847) отец Феодор уже хорошо знал творчество Гоголя. Следует заметить, что многие студенты с увлечением следили за литературной деятельностью своего выдающегося современника. В публикации преподавателя академии Н. Л. Туницкого¹ «Заметка о посещении Н. В. Гоголем Московской Духовной Академии» (1909) сообщается, что в середине XIX в. «литературные интересы в среде студентов Московской академии занимали далеко не последнее место. <...> Особенной популярностью и любовью... в это время пользовался Гоголь. Многие выдержки из его повестей, особенно из „Мертвых душ“, некоторые любители знали наизусть, а „Ревизора“ и „Женитьбу“ несколько раз даже играли в занятных комнатах» [4, с. 479–480].

Отец Феодор был одним из немногих, кто безоговорочно принял и высоко оценил гоголевскую «Перепишку». Обрушившаяся на писателя критика со стороны «двух противоположных лагерей»: светских литераторов и «заправителей духовной жизни и науки» побудила отца Феодора, по словам Лаврского, протянуть ему «руку помощи» [8, с. 523] и публично высказать свое мнение по поводу «Выбранных мест...». В результате на свет появилось богословско-филологическое исследование «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 г.». Однако своевременно опубликовать его отец Феодор не смог, так как не получил на это разрешения от митрополита Филарета (Дроздова), который лично контролировал всю литературу, издаваемую академией и другими подведомственными ему учреждениями. Работа увидела свет уже после смерти Гоголя – в 1860 г., тогда же архим. Феодор дополнил ее предисловием.

Поскольку сам Лаврский в 1848 г. еще не был знаком с отцом Феодором, то, повествуя об истории публикации «Трех писем к Гоголю...», он опирался на воспоминания людей, которые были причастны к ней как со стороны отца Феодора, так и со стороны Гоголя. Речь идет о некрологе отца Александра Лебедева и «Воспоминаниях об А. М. Бухареве» М. П. Погодина. В некрологе А. Лебедева, который кратко пересказывает Лаврский, сообщается о том, что «Три письма к Гоголю...» вызвали недовольство митр. Филарета из-за того, что отец Феодор как преподаватель Священного Писания выбрал, с точки зрения святителя, не совсем соответствующий предмет для своего исследования [8, с. 523]. В некрологе также упоминается о болезни отца Феодора, ско-

рее всего, вызванной переживаниями из-за решения митрополита. В тот период, когда отец Феодор находился на лечении в семинарской больнице в Москве, он «списался с Гоголем, и с этого времени с ним познакомился» [8, с. 523].

Желая более подробно разобраться в истории публикации «Трех писем к Гоголю...», Лаврский обращается к «Воспоминаниям» Погодина, который, как известно, тесно общался с Гоголем, а также был неплохо знаком с отцом Феодором. Прежде всего Лаврский пытается выяснить, какое значение сам автор придавал своим «Трем письмам...». Согласно Погодину, для отца Феодора «начатое им дело было тоже делом его монашеского подвига; письма к Гоголю писаны им были во дни великого поста, которые отец Феодор... называет днями особенной сосредоточенности» [8, с. 527]. Погодин также сообщает о том, что отец Феодор твердо защищал свое «дело» перед митр. Филаретом и, в частности, высказал мысль о «непозволительности для „духовных“ смотреть „слова руки“ на то, как „светские“ их братья трудятся и болезненно подвизаются в деле проведения в жизнь начал истины Христовой, смотреть безучастно, как они бьются оставленные одними, терпя жестокие нападения от других» [8, с. 527].

Содержащиеся в воспоминаниях Погодина подробности об истории с «Тремя письмами...» в главных моментах совпадают с той версией, которую излагает сам А. М. Бухарев в своих воспоминаниях о митр. Филарете, написанных в 1868 г. и впервые изданных в «Православном обозрении» в 1884 г. Возвращаясь в своих воспоминаниях к этой ситуации спустя 20 лет, Бухарев рассматривает ее в более широком контексте: через призму «обстоятельств эпохи», а также богословия и пастырской педагогики митр. Филарета. Так, он утверждает, что московский святитель действительно «стоял за разобщение между духовной и светской мыслью» [9, с. 745], и, заметив его «горячее... внимание и участие к делу светской мысли и светского слова», сказал ему: «Мне не нравится твое направление» [9, с. 746]. Однако Бухарев объясняет такую позицию не непоследовательностью митрополита, напоминая о его стихотворной переписке с А. С. Пушкиным и подчеркивая, что в данном случае архипастырь проявил к поэту «соучастие в духе высшей любви» [9, с. 744], но «обстоятельствами эпохи» [9, с. 746]. По его мнению, «мудрый... пастырь видел светскую мысль и вообще все светское направление еще не вошедшими... в духовно-благодатную обетованную землю Христовой истины», а потому «трепетал за истощение... духовности... от борений... болеющего еще ума...

¹ Туницкий Николай Леонидович (1878–1934), профессор Московской духовной академии по кафедре истории русской литературы, руководитель студенческого литературного кружка в МДА.

светской образованности» [9, с. 746]. В то же время Бухарев отмечает, что когда митрополит увидел его стремление «искать в области светской мысли и слова собственно служение одной для всех... истине – Христу», то «сказал тогда же уже другое слово и притом с ощутительной особенной духовной силой: „Иди с Богом!“» [9, с. 746]. Поэтому Бухарев считает, что архипастырь благословил его на исследования «в области светской мысли и слова», хотя и не отменил своего решения касательно «Трех писем...». Кроме того, он полагает, что если бы «светское направление» в своих изысканиях старалось искренно искать истины Христовой, то владыка Филарет не только бы не препятствовал диалогу светской и религиозной культуры, но и «из другой жизни» благословил бы «взаимное их единение» [9, с. 746]. Такой вывод позволяет Бухареву вполне обоснованно, т. е. по благословию митрополита, проводить в жизнь столь значимую для него идею о призвании духовной и светской культуры «к единению между собою в Христовом теле церкви, которого они – только разные члены и органы» [9, с. 745]. Именно это стремление внести свет Христовой истины в земную жизнь, смотреть «на все в соприкосновении с Богом» [10, с. 12] Бухарев нашел в гоголевской «Переписке», а в лице ее автора – своего единомышленника.

Известно, что отец Феодор встречался с Гоголем несколько раз. Первая их встреча произошла в Москве в 1848 г., в этом же году, как свидетельствует свящ. Павел Флоренский, Гоголь неоднократно посещал Бухарева в его келье в Московской духовной академии [11]. Последний раз они виделись в октябре 1851 г., когда по просьбе отца Феодора писатель согласился быть представленным студентам академии.

В своих «Воспоминаниях» Лаврский упоминает лишь о московской встрече, но подразумевает и ряд других, что позволяет ему с уверенностью утверждать, что архим. Феодор «был короткий приятель Гоголя» [6, с. 107]. Он имел возможность не раз убедиться в этом в период своего обучения в Казанской духовной академии, когда познакомился с архим. Феодором. Так, мемуарист сообщает, что в беседе с ним и с другими студентами академии отец Феодор нередко приводил примеры из «Выбранных мест...» Гоголя [6, с. 112], а также говорил, что, если художественная «литература со Христом – она действует благотворно... даже и в том случае, когда берутся предметы низкие, черные» [6, с. 112–113], имея в виду творчество Гоголя. Заметим, что приведенное Лаврским высказывание отца Феодора о литературе почти дословно совпадает

с отрывком из «Трех писем к Гоголю...». В другом месте Лаврский пишет, что когда Бухареву приходилось заменять на занятиях преподавателя словесности, то он рассказывал студентам о гоголевской «Переписке», а также «читал свои письма о Гоголе» [12, с. 569]. Кроме того, он разъяснял причины, которые побудили его заняться исследованием «Выбранных мест...». По словам Лаврского, главную цель своего сочинения архим. Феодор видел в том, чтобы «поднять упавший дух Гоголя», «убиваемого внутренними противоречиями и отношениями друзей... читателей и почитателей» [12, с. 569]. «Три письма...», отмечает Лаврский, «имели значение апологии Гоголя» и обязательно должны были быть «открытыми письмами», поэтому запрет на их публикацию сильно огорчил автора. В связи с этим мемуарист обращает внимание на несколько важных, с его точки зрения, деталей. Во-первых, митрополит Филарет, наложивший вето на «Три письма...», прочитал лишь первое письмо, так как остальные два на тот момент еще не были написаны. Во-вторых, несмотря на вердикт митрополита, «отец Феодор не отступился от своего дела», именно потому, подчеркивает Лаврский, что «не было у него своих дел, но всегда и во всем он делал дело Христово» [12, с. 570]. Иными словами, как и Погодин, мемуарист полагает, что сам Бухарев рассматривал «Три письма...» как продолжение своего монашеского служения Христу, связывая их предназначение с нравственными и догматическими задачами: оказать моральную поддержку Гоголю и послужить «для исправления некоторых неверностей» его «богословствующей мысли» [12, с. 569]. Кроме того, Лаврский отмечает, что сочинение о Гоголе, особенно третье письмо, «заключает догматику» самого отца Феодора и тесно связано с другими его работами, например с книгой «О современности в отношении к Православию» (1860).

Лаврский неоднократно подчеркивает, что Бухарев относился к писателю с глубоким почтением, более того, видел в нем едва ли не исповедника. Например, в записи от 30 октября 1854 г. он передает следующее высказывание архим. Феодора о Гоголе: «явился было у нас сын Христов, но те-то, которым бы следовало принять его, пастыри церкви, они-то его и не приняли» [6, с. 100]. Вероятно, отец Феодор имел в виду критические отклики на «Переписку» митр. Филарета и свт. Игнатия (Брянчанинова). В представлении Лаврского Бухарев воспринимает Гоголя как близкого себе по духу человека, который стремился быть христианином не только в жизни, но и в своем творчестве. Мысль о

духовном родстве отца Феодора и Гоголя очень прочно утвердилась не только в сознании мемуариста, но и в среде студентов Казанской академии, которые отмечали «замечательное сходство между идеями о. Феодора и идеями Гоголя... и даже выражением того и другого» [6, с. 118].

Лаврский не ставит перед собой задачи выяснить, в чем именно заключалось это идейное сходство, но, рассуждая о религиозном мирозерцании архим. Феодора, он приводит факты, которые позволяют понять причины взаимного интереса друг к другу богослова и писателя. Так, он сообщает, что богословское мировоззрение отца Феодора, сложившееся в период его обучения, а затем и преподавания в Московской духовной академии (1842–1854), было «столь своеобразное, что в богословской литературе он не имеет ни предшественников, ни преемников и подражателей» [8, с. 506]. Однако тут же мемуарист делает оговорку, что если отца Феодора и «можно признать чьим-либо продолжателем в богословствовании, то разве только митрополита Филарета Московского». В раскрытии же «духовно-таинственного смысла Писания, – полагает он, – о. Феодор является учеником прежде всего Ап. Павла» [8, с. 506]. Лаврский неоднократно называет Бухарева учеником апостола Павла, имея в виду прежде всего его духовное мирозерцание, а также его метод толкования библейского текста, почерпнутый из павловых посланий.

О том, что архим. Феодору было присуще «чисто Павловское богословское мирозерцание» [1, с. 560] и что в основе его богословской системы лежат положения, взятые «большою частию у Апостола Павла» [1, с. 567], пишет и другой ученик Бухарева в Казанской духовной академии, впоследствии ее профессор, – П. В. Знаменский. В доказательство Знаменский ссылается на академические лекции по Священному Писанию самого Бухарева, изданные в 1860 г. под названием «Несколько статей о Св. Апостоле Павле», где их автор утверждает, что «дело истолкования Св. Писания... стараемся мы утвердить на основании и вести в порядке, раскрытом именно из учения Апостола Павла» [13, с. 201].

В своих мемуарах Лаврский использует формулу «ученик апостола Павла» в отношении отца Феодора и в тех случаях, когда хочет охарактеризовать его не только как богослова и преподавателя, но и как инспектора Казанской академии. «Верный ученик апостола Павла, – пишет Лаврский, – он увидел в ней то направление, против которого всю жизнь свою вел борьбу апостол, – направление возврата от благодати к закону» [8,

с. 537]. По признанию мемуариста, к тому времени, когда архим. Феодор был переведен в Казанскую академию, ее «студенческая корпорация являлась образцово-послушной исполнительницей воли начальства и уставных правил внешнего благоповедения», в ней главенствовало направление «формализма, видимости, буквального исполнения закона» [6, с. 104]. О неудовлетворительном состоянии дисциплинарной системы в Казанской академии пишет и Знаменский, отмечая, что она была основана «на одном только внешнем бездушном законе, на страхе, работающем „точию пред очима“ (Кол. 3. 22), чуждом любви и свободы чад Божиих» [1, с. 565]. Став инспектором академии, отец Феодор был «намерен водворить... вместо формы владычество духа» [6, с. 109]. Однако для некоторых членов академической корпорации (как студентов, так и преподавателей) воспитательные методы архим. Феодора и его собственная поведенческая модель показались нестандартными, несмотря на то что они, как считает Лаврский, целиком прорастают из православной духовности. По его мнению, отец Феодор «все видит во Христе, объясняет через Христа, все относит ко Христу и в мире, и в действиях христианина» [6, с. 119], а лучшим эпиграфом «для учения и для всей жизни о. Феодора», считает мемуарист, могут послужить слова из посланий ап. Павла: «живу же не к тому аз, но живет во мне Христос» [6, с. 119].

Примерно в таком же смысловом поле инспекторская деятельность архим. Феодора оценивается в публикации Знаменского, который полагает, что и на «свое инспекторское служение» он «смотрел как на богослужение» [1, с. 564]. Объясняя особенности «инспекторского служения» отца Феодора, Знаменский апеллирует к посланиям апостола Павла, используя образы церкви как тела Христова и христиан как членов этого тела. «Сообразуясь, по своей религиозной системе, Единородному, – пишет Знаменский, – он сам, так сказать, принимал на себя зрак студента, смотрел на себя как на члена одного с студентами тела, одной маленькой Христовой церкви с одной общей жизнью всех ее членов, каждую вину студента считал своею, страдая за нее как за проявление собственной мертвенности вследствие удаления от Единородного» [1, с. 564].

И Знаменский, и Лаврский неоднократно обращают внимание на то, что архим. Феодор не только изучил апостольские послания, причем «так внимательно, что, можно сказать, вжил в их высокое учение, всецело усвоил образ их воззрений и отчасти самый даже их язык» [1, с. 557], но также внес существенный вклад в отечественную

библиистику. В конце 1840-х – начале 1850-х гг. Бухарев подготовил ряд научно-богословских работ об апостоле Павле, среди которых: «Учение ап. Павла об антихристе во 2 послании к Солунянам», «Несколько статей о святом апостоле Павле», «О подлинности апостольских посланий», «О послании апостола Павла к Филиппийцам», «О послании к Римлянам». Лаврский подчеркивает, что в совокупности эти исследования представляют собой «синтетическое изложение содержания всех посланий ап. Павла» и являются одним из «драгоценнейших наследий, оставленных нам о. Феодором» [8, с. 517]. Ценность работ архим. Феодора связана так же с тем, что они стоят у истоков изучения апостольской части Нового Завета в отечественной библиистике. Современные исследователи также называют Бухарева «одним из основоположников русской библиистики» [14, с. 399] и полагают, что его богословская система является «результатом... вдумчивого прочтения Нового Завета, прежде всего посланий апостола Павла» [14, с. 500]. Вплоть до 1860–1870-х гг. в русской богословской литературе не существовало систематического толкования на все послания апостола Павла. Первые самостоятельные труды по апостолу Павлу появляются только с конца XVIII в. Имеются в виду толкования на послания апостола Павла архимандрита Аполло-са (Байбакова), изданные 1785–1787 гг., и толкования архим. Мефодия (Смирнова), впервые опубликованные в 1794 г. и еще дважды переизданные (1799, 1815). Известно также о нескольких работах, относящихся к первой половине XIX в.: толкования на послания апостола Павла к Римлянам и на послания к Галатам еп. Ириней (Фальковского), а также «Жизнь св. ап. Павла» Иннокентия (Борисова), будущего архиепископа Херсонского.

Несмотря на актуальность подобного рода исследований, работы Бухарева об апостоле Павле были опубликованы лишь спустя десятилетие после их создания – в 1860-е гг., поскольку их не допустил к печати митр. Филарет. Комментируя этот факт, Лаврский поясняет, что не следует думать, будто бы владыка считал сочинения отца Феодора неправославными или же подвергал сомнению «чистоту и цельность веры молодого ученого богослова» [8, с. 525], причина запрета – в самом предмете исследования, который «требовал крайней осторожности при напечатании в академическом печатном органе» [8, с. 526]. Вероятно, желая убедить читателя в чрезмерной осторожности церковных иерархов в отношении работ об апостоле Павле, мемуарист приводит пример, касающийся судьбы сочинения архим.

Иннокентия (Борисова)¹ «Жизнь св. ап. Павла». Оно было напечатано в журнале «Христианское чтение» в 1826 г., но впоследствии, сообщает Лаврский, фундаментальные библиотеки духовно-учебных заведений получили распоряжение не выдавать его «учащемуся духовному юношеству» [8, с. 526].

Возвращаясь к вопросу о мотивах духовного сближения Гоголя с Бухаревым, можно предположить, что решающую роль здесь сыграло то обстоятельство, что отец Феодор на тот момент являлся одним из немногих отечественных библистов, изучавших апостольскую часть Нового Завета. Вероятно, он стал для Гоголя своего рода консультантом по вопросам толкования посланий апостола Павла. Действительно, в 1840-е гг. Гоголь очень внимательно изучал текст апостольских посланий, о чем прежде всего свидетельствует одна из принадлежавших писателю Библий. Имеется в виду славянская Библия 1820 г. издания, в которой содержатся его пометы, сделанные, по предположению исследователей, в течение 1840-х гг. [15, с. 31] и касающиеся по большей части именно посланий св. Павла – 190 примечаний из 223, относящихся к Новому Завету [16, с. 99].

О значении посланий апостола Павла для Гоголя мы можем судить и по его эпистолярно. Так, в переписке Гоголя с А. О. Смирновой апостольский текст представлен не просто на уровне цитат, аллюзий, но используется в качестве своего рода языка для описания душевного состояния и религиозного опыта собеседников.

В письме к сестре Ольге от января 1847 г. писатель говорит об апостоле Павле как о наставнике, помогающем жить по-христиански: «Читай всякий день Новый Завет, и пусть это будет единственное твое чтение. Там все найдешь, как быть с людьми и как уметь помогать им. Особенно для этого хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу, начиная от самых священников и пастырей Церкви до простых людей, всякого научает, как ему быть на своем месте и выполнить все свои обязанности в мире как в отношении к высшим, так и низшим» [17, с. 49]. Интересно отметить, что Бухарев в своей книге «Несколько статей о святом апостоле Павле», над которой он работал главным образом в конце 1840–1850-х гг., так же, как и Гоголь, подчеркивал, что «в Боговдохновенных посланиях апостола Павла... мы имеем...

¹ Святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857), канонизирован Русской православной церковью в 1997 г.

божественное руководство для веры и деятельности христианской» [13, с. 5].

Наконец, апостольский текст присутствует в художественных и публицистических сочинениях Гоголя в качестве прямых и косвенных цитат, аллюзий и в целом формирует концептуальную парадигму его творчества 1840-х гг. Прежде всего у апостола Павла Гоголь нашел обоснование своей концепции православной культуры, которую наиболее полно представил в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и в «Авторской исповеди». Протоиерей Василий Зеньковский называет Гоголя «пророком православной культуры» [18, с. 186] и полагает, что в этих сочинениях писателя выражена «целая программа построения культуры в духе Православия» [18, с. 193]. Примечательно, что Зеньковский называет также и Бухарева родоначальником идеи православной культуры в области богословия.

Действительно, концепция православной культуры была одинаково близка и Гоголю, и Бухареву и, скорее всего, обсуждалась во время их личных встреч. Бухарев так же, как и Гоголь, полагал, что «вся наука, и литература, и всякое искусство, и ремесло, и политика, и вся общественная и семейная жизнь – всё без исключения в мире христианском должно непременно возглавляться в Единородном, Который и Сам поставил Себя на земле во все условия человеческой жизни, все искупил ценою Своей крови» [1, с. 559]. Анализируя «Выбранные места...», архим. Феодор рассматривает их прежде всего сквозь призму идеи воцерковления русской действительности. Так, он отмечает, что «основные мысли, душа и дух... „Переписки с друзьями“... направлены к тому, чтобы... все виды и стороны человеческого и земного освещались, исправлялись и благоустроялись истиною Христовою» [10, с. 21]. Эту идею Бухарев считал главной у Гоголя, она же определяла и его собственные богословские взгляды. Не случайно современные исследователи полагают, что «Три письма к Гоголю...» являются «более богословским, чем литературно-критическим, сочинением Бухарева», что в «книге о Гоголе Бухарев наметил контуры

своей богословской системы» [14, с. 399]. На эту особенность «Трех писем к Гоголю...», когда повествование о Гоголе становится одновременно и выражением своих собственных взглядов, актом самопрезентации, указывает также Лаврский. В его записи от апреля 1856 г. сообщается, что когда отец Феодор рассказывал студентам о своих «Трех письмах к Гоголю...», то, излагая «воззрения на мир самого поэта», причем «все собственными словами его произведений», им казалось, что «мысли о. Феодора и Гоголя совершенно одинаковы» и что, «слушая мысли Гоголя из уст о. Феодора, слышим самого о. Феодора» [12, с. 570].

Заключение

Таким образом, утверждение о значимости апостольского текста для мирозерцания и творчества Гоголя, получившее обоснование и развитие в работах современных литературоведов (Р.-Д. Кайль, В. А. Воропаев, П. В. Михед, Е. И. Голубева и др.), уточняется в контексте истории взаимоотношений Гоголя и Бухарева. И писателя, и богослова можно назвать «учениками апостола Павла», почерпнувшими из его посланий целый комплекс богословских идей, в значительной степени определивших их религиозный опыт. В отце Феодоре Гоголя привлекала не только его богословская компетентность, но и его высокодуховная жизнь, сама его личность, выражавшая, по словам Лаврского, «дух посланий св. Апостола Павла» [6, с. 119]. Гоголь, который и сам глубоко почитал «апостола языков» и старался в своей духовной жизни руководствоваться его учением, конечно, не мог пройти мимо встречи с этим человеком. Сложно утверждать однозначно, кто на кого оказал большее влияние, поскольку не сохранилось никаких прямых свидетельств, сообщающих о конкретном содержании и характере бесед Гоголя и отца Феодора. Скорее всего, влияние было взаимным и равнозначным, поскольку их объединяли общие идеи, интересы и общий наставник в толковании и применении в жизни христианского учения – святой апостол Павел.

Список источников

1. Знаменский П. В. Печальное двадцатипятилетие // Православный собеседник. 1896. Ч. I. Апрель. С. 555–584.
2. Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М.: Изд. бывших воспитанников Моск. духов. акад., 1914. 772 с.
3. Карташев А. В. Халкидонская проблема в понимании русских мыслителей // Вселенские соборы. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. С. 363–371.
4. Туницкий Н. Л. Заметка о посещении Н. В. Гоголем Московской Духовной Академии // Богословский вестник, 1909. Т. 1, № 3. С. 479–485.
5. Воропаев В. А. «Нет другой двери...»: о Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с.

6. Лаврский В. В. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева) // Богословский вестник. 1906. Т. 2, № 5. С. 98–128.
7. Воропаев В. А. Н. В. Гоголь и его духовное окружение: материалы к библиографическому словарю. URL: <https://portal-slovo.ru/philology/48098.php> (дата обращения: 04.06.2023).
8. Лаврский В. В. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева) // Богословский вестник. 1905. Т. 2, № 7–8. С. 499–538.
9. Бухарев А. М. О Филарете митрополите Московском как плодотворном двигателе православно-русской мысли // Православное обозрение. 1884. Ч. 1. Апрель. С. 713–749.
10. Бухарев А. М. Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году. СПб.: Типография морского министерства, 1861. 264 с.
11. Хронологическая схема жизни архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева). Составлена свящ. П. Флоренским // Архимандрит Феодор (Бухарев А. М.): pro & contra. СПб.: РХГА, 1997. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/arkhimandrit-feodor-bukharev-a-m-.html> (дата обращения: 05.06.2023).
12. Лаврский В. В. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева) // Богословский вестник. 1906. Т. 2, № 7–8. С. 569–609.
13. Бухарев А. М. Несколько статей о святом апостоле Павле. СПб.: Типография Королева и комп., 1860. 205 с.
14. Фатеев В. А. Бухарев. Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. VI. М.: Православная энциклопедия, 2003. С. 398–401.
15. Голубева Е. И. Н. В. Гоголь и Библия: к истокам загадочных смыслов в произведениях писателя. М.: Паломник, 2016. 168 с.
16. Бурмистрова С. В. Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя // Stephanos. 2019. № 3 (35). С. 99–107.
17. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 14: Переписка 1847 / сост., подготовка текстов и коммент. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Московской патриархии, 2009. 704 с.
18. Зеньковский В. В. История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.

References

1. Znamenskiy P. V. *Pechal'noye dvadtsatipyatiletiye* [Sad twenty-fifth anniversary]. *Pravoslavnyy sobesednik. Chast' I* [Orthodox interlocutor. Part I]. 1896. P. 555–584 (in Russian).
2. *Iz vospominaniy protoiyereya S. S. Modestova* [From the memoirs of Archpriest S. S. Modestova]. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914. Yubileyny sbornik istoricheskikh materialov* [At Trinity at the Academy. 1814–1914. Anniversary collection of historical materials]. Moscow, Izd. byvshikh vospitannikov Moskovskoy dukhovnoy akademii Publ., 1914. 772 p. (in Russian).
3. Kartashev A. V. *Khalkidonskaya problema v ponimani russkikh mysliteley* [The Chalcedonian Problem in the Understanding of Russian Thinkers]. In: Kartashev A. V. *Vselenskiye sobory. Klin, Fond "Kyristianskaya zhizn"* Publ., 2002. P. 363–371 (in Russian).
4. Tunitskiy N. L. Zametka o poseshchenii N. V. Gogolem Moskovskoy Dухovnoy Akademii [Note about N. V. Gogol's visit to the Moscow Theological Academy]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1909, vol. 1, no. 3, pp. 479–485 (in Russian).
5. Voropaev V. A. "Net drugoy dveri...": *O Gogle i ne tol'ko* ["There is no other door...": About Gogol and not only]. Moscow, Belyy gorod Publ., 2019. 448 p. (in Russian).
6. Lavrskiy V. V. *Moi vospominaniya ob arkhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve)* [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1906, vol. 2, no. 5, pp. 98–128 (in Russian).
7. Voropaev V. A. N. V. *Gogol' i yego dukhovnoye okruzeniye: materialy k bibliograficheskomu slovaryu* [Gogol and his spiritual environment: materials for a bibliographic dictionary] (in Russian). URL: <https://portal-slovo.ru/philology/48098.php> (accessed 4 June 2023).
8. Lavrskiy V. V. *Moi vospominaniya ob arkhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve)* [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1905, vol. 2, no. 7–8, pp. 499–538 (in Russian).
9. Bukharev A. M. *O Filarete mitropolite Moskovskom kak plodotvornom dvigatele pravoslavno-russkoy mysli* [About Metropolitan Filaret of Moscow as a fruitful engine of Orthodox-Russian thought]. *Pravoslavnoye obozreniye*, 1884, vol. 1, pp. 713–749 (in Russian).
10. Bukharev A. M. *Tri pis'ma k Gogolyu, pisannyye v 1848 godu* [Three letters to Gogol, written in 1848]. Saint Petersburg, Tipografiya morskogo ministerstva Publ., 1861. 264 p. (in Russian).

11. Khronologicheskaya skhema zhizni arhimandrita Feodora (Aleksandra Matveevicha Bukhareva). Sostavlena svyashchennikom P. Florenskim [Chronological diagram of the life of Archimandrite Theodore (Alexander Matveevich Bukharev). Compiled by priest P. Florensky]. *Arhimandrit Feodor (Bukharev A. M.): pro & contra* [Archimandrite Theodore (Bukharev A. M.): pro & contra] (in Russian). URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/arhimandrit-feodor-bukharev-a-m-.html> (accessed 5 June 2023).
12. Lavrskiy V. V. *Moi vospominaniya ob arhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve)* [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1906, vol. 2, no. 7–8, pp. 569–609 (in Russian).
13. Bukharev A. M. *Neskol'ko statey o svyatom apostole Pavle* [Several articles about St. Paul the Apostle]. Saint Petersburg, Tipografiya Koroleva and comp. Publ., 1860. 205 p. (in Russian).
14. Fateev V. A. Bukharev [Buharev]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Pod redaktsiyey patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. Volume 6 [Orthodox encyclopedia. Edited by Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. Volume VI]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2003. P. 398–401 (in Russian).
15. Golubeva E. I. N. V. *Gogol' i Bibliya: k istokam zagadochnykh smyslov v proizvedeniyakh pisatelya* [Gogol and the Bible: to the origins of mysterious meanings in the works of the writer]. Moscow, Palomnik Publ., 2016. 168 p. (in Russian).
16. Burmistrova S. V. Funktsii apostol'skogo teksta v “Vybrannykh mestakh iz perepiski s druz'yami” N. V. Gogolya [Functions of the Apostolic text in “Selected places from correspondence with friends” by N. V. Gogol]. *Stephanos*, 2019, no. 3 (35), pp. 99–107 (in Russian).
17. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 17 tomakh, tom 14: Perepiska 1847* [The complete collection of works and letters: in 17 volumes, vol. 14: Correspondence 1847]. Compilers, preparation of texts and comments I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 704 p. (in Russian).
18. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Leningrad, EGO Publ., 1991. Vol. 1, Part 1. 221 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Российский государственный социальный университет (ул. Вильгельма Пика, 4, Москва, Россия, 129226).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Information about the author

Burmistrova S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department, Russian State Social University (ul. Vilgelma Pika, 4, Moscow, Russian Federation, 129226).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 13.11.2023; accepted for publication 23.03.2024

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-113-122>

«Сила нашего века»: Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в восприятии путешественников

Екатерина Игоревна Никанорова

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Россия, ek.nickanorova2018@yandex.ru*

Аннотация

Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к жанру травелога, что связано с проблемами национальной идентичности и национального мифа, нашедших отражение в образах национального культурного ландшафта, а также значимостью изучения региональных образов в их отношении к общероссийской истории и культуре. Научная новизна статьи связана с исследованием жанра травелога, в котором представлено формирование образа Нижнего Новгорода. Начало коллективных поездок-путешествий начинается с 1817 г., когда сюда была перенесена ярмарка. Поэтому на протяжении XIX в. складывалась определенная репутация города как «кармана России». Научная новизна данного исследования определяется изучением особенностей представления Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в литературе путешествий как самостоятельного и значимого литературного феномена, уточняющего образ города. В научный оборот вводятся травелоги Д. И. Менделеева, Н. Г. Гарина-Михайловского, К. А. Коровина, императора Николая II, Жозефа де Бая, Л. В. Колотилова. В травелогах путешественники выделяют «торжество русского гения», «силу нашего века», считая Нижний Новгород не случайным «героем дней». Очевидными признаками образа города становятся его историческая роль в судьбе Отечества, уникальное географическое положение, специфика культурной жизни и др. Показано, что образ выставки в путевых заметках, очерках, дневниках, воспоминаниях представлен с помощью синтеза документального и беллетристического начал, фрагментарности и ретроспективности, через высокую степень нарративной рефлексии автора и использование традиционного паломнического элемента. Представлены результаты сопоставительного анализа произведений авторов, создавших свою интерпретацию и продемонстрировавших свое видение всероссийской выставки, ставшей своеобразным олицетворением достижений России в конце XIX столетия. Теоретическая значимость статьи определяется тем, что в ходе исследования использована концепция «локального текста»; вводится в научный оборот новый материал; описание образа Нижнего Новгорода и Всероссийской выставки в травелогах определяет его значимость при формировании образа Родины.

Ключевые слова: *Всероссийская промышленная и художественная выставка, Нижний Новгород, травелог, путешественники, Отечество, образ*

Для цитирования: Никанорова Е. И. «Сила нашего века»: Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в восприятии путешественников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 113–122. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-113-122>

“The Power of our Century”: The All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1896 in the perception of travelers

Ekaterina I. Nikanorova

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
ek.nickanorova2018@yandex.ru*

Abstract

The relevance of the topic is due to the growing interest in the genre of travelogue, which is associated with the problems of national identity and national myth, reflected in the images of the national cultural landscape, as well as the importance of studying regional images in their relation to the all-Russian history and culture. The scientific novelty of the article is connected with the study of the travelogue genre, which presents the formation of the image of Nizhny Novgorod. The collective trips begin in 1817, when the fair was moved here. Therefore, during the XIX century, a certain reputation of the city as a “pocket of Russia” was formed. The scientific novelty of this study is determined by the study of the features of the presentation of the All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1896 in the literature of travel, as an independent and significant literary phenomenon that clarifies the image of the city. The travelogues of D. I. Mendeleev, N. G. Garin-Mikhailovsky, K. A. Korovin, F. I. Chaliapin, Emperor Nicholas II,

Joseph de Bay, L. V. Kolotilov are introduced into scientific circulation. In travelogues, travelers highlight “the triumph of Russian genius”, “the power of our century”, considering Nizhny Novgorod not an accidental “hero of the days”. The obvious signs of the image of the city are its historical role in the fate of the Fatherland, its unique geographical location, the specifics of cultural life, etc. It is shown that the image of the Exhibition in travel notes, essays, diaries, memoirs is presented through the synthesis of documentary and fiction principles, fragmentary and retrospective, through a high degree of narrative reflection of the author and the use of the traditional pilgrimage element. The results of a comparative analysis of the works of authors who created their own interpretation and demonstrated their vision of the All-Russian exhibition, which became a kind of personification of Russia’s achievements at the end of the XIX century, are presented. The theoretical significance of the article is determined by the fact that the concept of “local text” is used in the course of the study; new material is introduced into scientific circulation; the description of the image of Nizhny Novgorod and the All-Russian exhibition in travelogues determines its significance in the formation of the image of the Motherland.

Keywords: All-Russian Industrial and Art Exhibition, Nizhny Novgorod, travelogue, travelers, Fatherland, image

For citation: Nikanorova E. I. “Sila nashego veka”: Vserossiyskaya promyshlennaya i khudozhestvennaya vystavka 1896 goda v vospriyatii puteshestvennikov [“The Power of our Century”: The All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1896 in the perception of travelers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 113–122 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-113-122>

Введение

«Путешествие» – один из древнейших видов литературы и культуры, самопознания человека и общества: «Мотив дороги лежит в основе большинства мифов, легенд и фольклорных рассказов» [1, с. 7–10]. В «путешествии» формируется концепция национальной идентичности, теория патриотизма. Также В. В. Ротарь считает, что «цель путевых записок – обогащение интеллектуального и культурного уровня соотечественников» [2, с. 94]. Сопоставляя «чужое» и «свое», чужбину и родину, путешественник пытается выделять общее и уникальное, лучшее и худшее в своем и чужом государстве, в своем и ином народе. С течением времени путевые очерки трансформируются в травелог – особую форму путевых писем, отчетов, эссе и т. д. с характерным для нее героем-рассказчиком, окрашенную чувствами и эмоциями.

Нижний Новгород – особый, со своим историческим лицом город России. Его называют городом-перекрестком: здесь соединяются две великие реки, встречаются Европа с Азией, пересекаются торговые пути. Культурное своеобразие города во многом определяется спецификой его исторического развития и географического положения.

Как каждый город, богатый историей, Нижний Новгород имеет свой индивидуальный образ. В первую очередь это «город-воин», основанный как военная крепость. Именно Нижегородский кремль выделяет в своих «записках туриста» Л. Колотиллов, называя его «седым, могучим дедом, свидетелем разных эпох и непобедимым стариком-воином, гордо посматривающим и крепко засевающим там на высотах» [3, с. 96].

Находясь на Великом Волжском пути, Нижний Новгород не мог не торговать. Отсюда происходит его второе лицо – «мирное», он – «город-купец». Уцелевшие от разрушения фрагменты Нижегородской ярмарки и историческая часть города по берегам рек (купеческие дома, банки, рынки и т. п.) отражают торговую сущность города.

Нижний Новгород с его ароматом старины и техническими нововведениями века пара и века электричества стал на десятилетия объектом самого пристального внимания поэтов, писателей, путешественников. Количество путешествий в Нижний Новгород резко увеличилось, когда в город была перенесена Макарьевская ярмарка. Традиция летних поездок на ярмарку и их описание закрепляется в травелогах русских и зарубежных путешественников – Т. Готье, Л. Кэрролл, А. де Кюстин, М. П. Жданов, П. А. Кропоткин, В. М. Сидоров и др. Поэтому на протяжении XIX в. складывалась определенная репутация города как «кармана России».

В травелогах путешественников конца XIX в., посетивших Всероссийскую промышленную и художественную выставку, проявляется сложившаяся национальная и культурная традиция: последовательное изложение хроники событий, эмоциональная реакция на достопримечательности, изображение внутренней жизни путешественников и др. В то же время Л. Колотиллов и К. Коровин, Н. Гарин-Михайловский и Д. Менделеев и Ж. де Бай подчеркивают особую роль Нижнего Новгорода как города, в котором «видишь силу нашего века, страшную, непоборимую силу, бесповоротно направляющую всю нашу жизнь» [4, с. 664].

Целью настоящей работы становится выявление очевидных признаков образа «волшебного царства», «фантастического волшебного мира» [3, с. 90], Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г., проведенной в Нижнем Новгороде. Все это позволит показать характерные признаки образа («фантастического волшебного мира», «громдного города-ярмарки», «колоссального муравейника» и др.) и проследить диалог между путешественниками по поводу города и выставки.

Материал и методы

Материалом исследования являются травелоги Д. И. Менделеева «Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Успехи русской промышленности по обзорам экспертных комиссий» (1897), Н. Г. Гарина-Михайловского «Собрание сочинений. Т. 5: По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову: Вокруг света. Корейские сказки. Сказки для детей. Пьесы. Воспоминания, статьи» (1894–1906), К. А. Коровина «Шалапин. Встречи и совместная жизнь» (1939), императора Николая II «Дневники императора Николая II: том I» (1894–1904), Ж. де Бая «От Волги до Иртыша» (1898) и Л. В. Колотилова «На велосипеде (записки туриста)» (1898). Методологической основой статьи послужили исследования локальных текстов разного уровня: В. Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» [5, с. 259–367], Н. П. Анциферова [6, с. 208–224], Н. Е. Меднис [7], О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича «Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков» [8], а также исследования, непосредственно посвященные Нижнему Новгороду – Н. И. Храмцовского, А. С. Гацкого, М. Г. Уртминцевой, И. С. Юхновой и др. В статье использованы культурно-исторический, биографический, компаративный методы анализа текста.

Результаты и обсуждение

Год 1896-й считается значимым и уникальным в истории Нижнего Новгорода: именно тогда состоялась XVI Всероссийская художественная и промышленная выставка, сопряженная с проведением ежегодной ярмарки, известной всему миру. Выставка стала событием мирового масштаба и по праву называлась великой, являясь грандиозным смотром достижений России во всех областях. Следует отметить, что прошедшие 15 выставок имели разное назначение и, соответственно, разные названия. Последняя, XV московская выставка состоялась в 1882 г. и имела статус промышленно-художественной. Именно московская выставка задала структуру отделов

(всего 14), в Нижнем Новгороде их количество увеличилось до 20.

Выбор места проведения XVI Всероссийской выставки был неслучаен. Каждый из путешественников размышляет об этом, объясняя удобным местоположением («Город расположен на живописных Дятловых горах, близко похожих по красоте на Киевские горы» [3, с. 93], значимостью в истории Отечества («Иоанн Грозный, этот великий политик и первый царь... оказал услугу не только России, но и всей Европе, угрожаемой ужасным нашествием» [9, с. 7]; «Козьма Минин-Сухорук... первый подал свой голос на защиту родины» [3, с. 92]). Образ Волги как национальной реки России присутствует во всех травелогах, но особенно ярко он представлен в диалогах К. Коровина и Ф. Шаляпина: «Волга. И за ней, громоздясь в гору, город Нижний Новгород. Горят купола церквей. На Волге – пароходы, баржи... Какая бодрость и сила» [10, с. 24]; «Люблю Волгу. Народ другой на Волге. Не сквалыжники» [10, с. 25].

Город находится на пересечении торговых путей, важным фактором стало удобство речного сообщения, близость железнодорожного вокзала. Однако один из путешественников прибыл в город на велосипеде. Л. В. Колотиллов – репортер, спортсмен-велосипедист, автор книги «На велосипеде (записки туриста)». Он точно фиксирует время приезда: «6 часов вечера 30-го июля» и последовательно излагает хронику событий, «закрепляя» свое произведение в сложившейся национальной и культурной традиции.

Нижний Новгород являлся одним из важнейших центров кустарного производства, продукцию которого можно было продемонстрировать на выставке и купить на ярмарке. Так, китайский дипломат Ли Хун-Чжан много времени провел возле витрины павловских кустарных изделий, очарованный конструкциями висячих замков. Посетивший в середине XIX в. Нижегородскую ярмарку французский поэт Т. Готье тоже был очарован художественными промыслами: «Особенно привлекли мое внимание женские боты из белого фетра с розовыми или голубыми ленточками по краю, весьма напоминавшие обувь, которую у нас называют „после бала“ и которую дамы надевают на свои шелковые туфельки, чтобы дойти до кареты, ожидающей у подъезда» [11, с. 387].

Организаторы рассчитывали, что, находясь в непосредственной близости с ярмаркой, выставка привлечет колоссальное количество посетителей. По этой причине было принято решение начать торговлю на ярмарке в день открытия выставки – 28 мая 1896 года. «Настоящая выставка, устро-

енная в Нижнем Новгороде, является самую грандиозною, колоссальнейшей из всех бывших прежде в России выставок. Она занимает территорию в 77 десятин, т. е. втрое с лишним больше, чем Московская 1892 года, и значительно больше Всероссийской Парижской выставки 1889 года» [3, с. 118]. Н. Г. Гарин-Михайловский тоже убежден, что выбор места – близость ярмарки, «а с ней уже готового контингента обычной публики» [4, с. 663] – принесет огромный доход.

Ж. де Бай убежден, что в год проведения выставки количество людей, приехавших в Нижний Новгород, увеличится еще в несколько раз; связано это с проведением выставки, которая покажет, «на какой точке развития находится Россия в конце XIX века» [9, с. 5].

Открытие выставки началось в самом центре Нижнего Новгорода, в кремле. В воспоминаниях В. И. Виноградова (деда известного исследователя Нижегородского пространства Т. П. Виноградовой) выставка названа «выдающимся событием», «редким явлением не только в Нижнем Новгороде, но и в государстве», поэтому на торжество открытия «прибыло много высокопоставленных лиц и иностранных гостей» [12, с. 54].

Город, пристани и пароходы были украшены флагами, на улицах царил оживление, несмотря на раннее утро. Транспорт в виде 500 извозчицких пролеток был закуплен в Москве. Прибыли почетные гости и чиновники, приехавшие из столицы, и местная власть во главе с губернатором Николаем Михайловичем Барановым (1837–1901), возглавлявшим Нижегородскую губернию в течение 15 лет (1882–1897), и именитые купцы, местные и съехавшиеся со всей России. Из экзотических иностранцев выставку посетили китайский мандарин и полномочный министр в должности вице-короля Ли-Хун(г)-Чан(г) (1823–1901) и баварский посол господин Рудольф фон Гасерт (1829–1904).

По случаю открытия выставки в городе был пущен первый трамвай, построены подъемники-элеваторы на гору. Быстрота движения нижегородского трамвая не превышала десяти верст в час (приблизительно 10,6 км/ч), тем не менее горожанам казалась скорость опасной, что не раз приводило к жалобам полицмейстеру. Элеваторы же, или «волгари», иногда застревали на середине подъема, но гости города готовы были с этим мириться.

Одним из главных наблюдателей открытия выставки стал В. А. Гиляровский (1855–1935), оставивший яркие зарисовки «Нижегородское обалдение» (1934) (известный историк называл ее так потому, что здесь были собраны сокрови-

ща русской производительности со всех даже самых отдаленных уголков России, здесь были представлены работы изобразительного и прикладного искусства – от народных кустарных промыслов до современной промышленности; под стать выставке выглядел и красавец город: Нижний Новгород 1896 г. не уступал благоустройством столицам). Гиляровский также отметил, что «осмотр выставки... не может не привести всякого беспристрастного обозревателя к заключению, что последние годы отмечены чрезвычайным ростом нашего отечества» [13].

Особое внимание привлекало здание Центрального павильона, сделанного из железа и стекла. Рядом с ним находился Машинный отдел, далее следовали Художественно-промышленный, Военный, Садоводство, Лесное хозяйство, Фабрично-ремесленный, Средняя Азия и торговля России с Персией, Крайний Север и др. Простых крестьян заинтересовал Сельскохозяйственный отдел, где объяснения по химическим удобрениям почвы давали выдающиеся ученые и естествоиспытатели: Д. И. Менделеев (1834–1907) и К. А. Тимирязев (1843–1920).

Д. И. Менделеев дал положительную оценку выставке в целом. Ученый приехал в Нижний Новгород 14 июня и пробыл на выставке до конца августа. Менделеев был членом Всероссийского торгово-промышленного съезда, председателем совета экспертов по отделу фабрично-заводской промышленности, принимал участие в дискуссиях о пошлинах и тарифах. Он отметил высокий уровень развития российской промышленности, подчеркивая, что «промышленность... конца не имеет, потому что по существу состоит в мышлении, опирается на всю и всякую энергию природы, покоряет людям ее царство, ее материю и силы» [14, с. 207–208]. Слова ученого проникнуты духом патриотизма, он верит в усиление мирового значения России, «торжество русского гения», «богатство и могущество русского народа»; «счастлив», что дожил до Нижегородской выставки. Он говорит, что смотреть выставку нужно внимательно, изучая, узнавая, разбирая и осмысливая увиденное, встречая на каждом шагу неожиданное, новое, дающее почву для размышления и для расширения горизонтов познания. Д. И. Менделеев подчеркивает необходимость развития просвещения, которое по прошествии времени сможет справляться с задачами роста промышленности, замечая, что «плоды просвещения зреют медленно» [14, с. 208]. Также Менделеев обращается к будущему поколению с призывом двигаться вперед по намеченному пути, так как он уверен, что «русский гений станет не в уровень, а впереди своего века» [14, с. 208]. Уче-

ный заключает, что нынешняя Всероссийская выставка представляет собой «смотр новых сил, назначенный служить благу России» [14, с. 208], а также демонстрацию современных и нетрадиционных достижений промышленности, хозяйства и быта. Посещение и участие в выставке заставляют Менделеева с еще большей самоотдачей бороться против современных ему предрассудков, против идеализма в естествознании; ученый пишет работы о рациональном использовании природных богатств России («К познанию России: с приложением карты России» (1906), «С думаю о благе российском: избранные экономические произведения» (1991) и др.).

Мнение Д. И. Менделеева разделяет русский инженер и писатель Н. Г. Гарин-Михайловский (1852–1906). Их взгляды представляют собой прежде всего аналитические рассуждения. Писатель оказывается в Нижнем Новгороде не случайно, в 1890-х гг. он вел проектные работы в Поволжье, а уже в 1896 г. проводил изыскания из окрестностей Казани и выбрал направление через Царевококшайск (ныне – Йошкар-Ола). Писатель совершает экспедиционные поездки по всему миру, и результатом многочисленных путешествий явились путевые очерки «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (1899); в 1898 г., находясь в Корее, он составил сборник «Корейские сказки» (1898).

Гарин-Михайловский судит о выставке с точки зрения инженера-практика, пытаясь отметить для себя будущие пути развития России и то, во что она упрется, судя по наметившимся тенденциям. Оказавшись в отделе машин и двигателей, писатель чувствует и видит силу века. Он считает, что здесь «требуется работник-интеллигент, здесь сила вещей уже сама по себе создает образование, а с ним и самопознание» [4, с. 665]. Подтверждая слова Д. И. Менделеева, Н. Г. Гарин-Михайловский видит будущее России в развитии промышленности, приносящей огромный доход государству и дающей народу достаточное количество рабочих мест. Однако писатель с сожалением подмечает, что «фабричные производства у нас страшно дороги» [4, с. 666]. Он объясняет, сравнивает, приводит примеры разницы цены на железо заграничное (там при 35 % руды пуд железа стоит 70 коп.) и производимое на Урале (при 60 % – 2 руб.) и приходит к выводу, что наш народ нерационально использует природные ресурсы, когда «он (уголь) скрывается, потому что, пока пошлина и коренной лес имеется, нет расчета переходить на уголь» [4, с. 665]. Всюду виден коммерческий расчет и выгода, нет представлений о правильном и разумном употреблении минеральных и природных ресурсов.

Путешественник сравнивает нынешнюю ситуацию в сельском хозяйстве с эпохой, когда дикие индейцы торговали с испанцами и выменивали у них безделушки на «вес золота». На такое сравнение его наталкивает цена на обычную корову – целых 800 рублей [4, с. 666]. Проблему писатель видит в западных соседях-конкурентах (Австралии, Англии, Америке), которым «только и надо своей высшей удешевленной культурой обесценивать наши некультурные дорогие продукты» [4, с. 668]. Он видит здесь некую экономическую борьбу, неизбежность которой делает ее еще опаснее и страшнее политической войны.

Писатель называет машинное отделение «силой нашего века» и сравнивает его со страшной, непоборимой силой, направляющей всю жизнь. Путешественник видит этот отдел выставки как нечто огромное, «фантастическое», что трудно осмыслить и объять сразу. Он восхищается могуществом места, подмечая, что «в сравнении с этой страшной силой машин и кустарный рояль и кустарный велосипед только детская игрушка...» [4, с. 664].

Н. Г. Гарин-Михайловский провел несколько дней на выставке, и впечатление о ней сложилось у него двоякое: с одной стороны, он видит предпосылки развития промышленности во всех ее отраслях, отмечает способности и желания простого народа работать во благо государства, но с другой – нежелание и отсутствие стремления развиваться и просвещаться духовно наталкивают его на мысль, что российский примитивизм и кустарщина могут в дальнейшем пагубно повлиять на интеллектуальное, умственное становление русского человека, привыкшего довольствоваться исключительно материальными благами.

Осматривая внимательно экспонаты выставки по различным отраслям, русский репортер, издатель и спортсмен-велосипедист Леонид Владимирович Колотилов (1868–?) тоже заключает, что русская промышленность «далеко ушла вперед» за последние 14 лет. Он уверен, что невозможно осмотреть выставку за два-три дня, для подробного ее изучения нужно гораздо больше времени. Здесь каждый может найти себе вещи по вкусу, кошелек и роду занятий. Путешественник лестно отзываясь о выставке, считая, что «всякий несомненно вынесет отсюда приятное воспоминание» [3, с. 119]. Колотилов с нескрываемым патриотизмом говорит об увеличении в России количества фабрик и заводов, превосходные товары которых смело могут конкурировать с заграничными изделиями и даже превосходить их, особенно в области мануфактурной промышленности. Всероссийская выставка видится автору праздником русской промышленности, она при-

влекает людей со всех уголков мира и открывает действительное техническое богатство России.

Л. В. Колотилов приезжает на Всероссийскую выставку из Петербурга на велосипеде в качестве корреспондента спортивных изданий столицы, он бойкий репортер, не особенно заботящийся о стиле, нередко навязывающий читателю свои мысли о том, как следует жить, как развивать экономику. Так, он предлагает спилить лес и осушить болота в Нижегородской губернии вдоль Московского шоссе, чтобы приблизиться к образу пространства, которому должен соответствовать современный большой город.

Посещение столь масштабной выставки оказало огромное влияние на дальнейшую судьбу и творчество Колотилова. Он продолжает работать в московской газете «Угличанин», много путешествует по России и приходит к выводу, что русские не знают своей родины, истории, науки, искусства, богатства и промышленности. После поездки на Всероссийскую промышленную и художественную выставку репортер заключает, что, «знакомясь постоянно с мельчайшими новыми явлениями жизни своей отчизны, ее дальних глухих уголков и культурных больших центров, он будет горячо любить свою родину, может быть патриотом» [3, с. 222], но для познания своей родины необходимы поездки в разные местности.

Отметим значимость русского художника К. А. Коровина (1861–1939) в подготовке Всероссийской выставки 1896 г. Он оформил ряд павильонов и представил свой собственный деревянный павильон Крайнего Севера, построенный по его проекту. Данный «отдел» на выставке вызывал особый интерес у публики, во многом благодаря доставленному с Севера ненцу Василию, одетому в традиционный костюм, и «милейшему тюленю» Васке, привезенному с Ледовитого океана и обученному кричать «ур...а!» за «живую рыбешку». Коровин старался создать в павильоне атмосферу, приближенную к первозданной красоте, целостности Севера: он повесил «необделанные меха белых медведей», поставил «грубые бочки с рыбой», показал «кожи тюленей, шерстяные рубашки поморов, челюсти кита, чудовищные шкуры белух» [10, с. 118].

Окружающие постоянно спрашивали Коровина о тех или иных экспонатах, дивились поразительным и чудным образцам выставки, это натолкнуло его на мысль, что «они ничего не знают об огромной области России, малую часть которой мне удалось представить» [10, с. 119]. С. Ю. Витте подтвердил это наблюдение: «Я был на Мурмане. Его мало кто знает. Богатый край» [10, с. 119].

Для создания полного образа Нижнего Новгорода на время проведения выставки представляется важным упомянуть слова, записанные Коровиным в своем дневнике. Связаны они были с некой хаотичной динамикой и шумным движением города, который ежегодно выходит из спячки на короткий летний период времени: «Правда, веселая была улица. Деревянные дома в разноцветных вывесках, во флагах. Пестрая толпа народа. Ломовые, везущие мешки с овсом, хлебом. Товары. Блестящие сбруи лошадей...» [10, с. 121]. Однако далее К. А. Коровин с присущим ему художественным вкусом и изяществом говорит об исключительных, «непостижимых» видах: «А вдали – Волга. Горят купола церквей. На Волге – пароходы, баржи... Какая бодрость и сила!» [10, с. 122].

К. А. Коровин много работал над воспоминаниями о путешествиях – на Кавказ, в Среднюю Азию, на Русский Север, писал о выдающихся людях, о выставках и экспозициях. Стоит отметить его памятные работы «К мысу Доброй Надежды: из воспоминаний детства» (2005) и «То было давно... там... в России...» (2016), где выдающийся русский художник делится радостью новых открытий и дополняет литературные произведения пейзажами, свидетельствующими о любви к родной земле.

Описания в травелогах обычно строятся по принципу: панорама выставки, описание города, впечатления. Подробное описание городских улиц и различных увеселений дается в записках Л. Колотилова. При подъезде к городу первое, что видит путешественник, – это здания выставки, «представляющиеся каким-то волшебным царством, с чудными фантастическими дворцами-павильонами, всевозможными шпилями и башнями разных фасонов и форм, очень мило выделяющимися на горизонте» [3, с. 90]. С первых минут Нижний Новгород очаровывает путника, поэтому Колотилов старается не упустить ни одной детали и, не теряя времени, записывает все свои впечатления, часто меняя вектор описания событий.

Плата на извоз во время проведения выставки была увеличена втрое, то же самое можно сказать и про цены номеров гостиниц, которые «кусались и колебались между 5 и 12 рублями в сутки; большинство же гостиниц не имело ни одной свободной конурки» [3, с. 92]. На улицах Нижнего Новгорода всегда наблюдалось вечером сильное оживление: езда экипажей, электрическая конка, переполненная пассажирами; город освещен тысячами огней и красиво выглядит со всех сторон.

Как пишет Л. В. Колотилов в своих путевых записках об общем впечатлении от выставки, она

«производит на посетителя подавляющее в высшей степени приятное». Гостей привлекают прекрасные павильоны и витрины, грандиозно спроектированные и оформленные отделы; эти величественные здания «ласкают взоры публики» [3, с. 118]. Все для путешественника приобретает «волшебный вид».

Автор пишет о некоторых правилах, введенных на время проведения мероприятия. Например, при входе ручной багаж, трости и зонтики можно было отдавать швейцарам на сохранение, взамен выдавались посетителям «номерочки». При покупке вещей покупателю экспонент выдавал особый пропуск-билет, который необходимо было предъявить при выходе с выставки, в противном случае могли быть затруднения.

До города или ярмарки можно было добраться на электрическом трамвайчике фирмы «Сименс и Гальске». Однако писателя возмущает тот факт, что не было другого способа сообщения и приходилось стоять в долгих очередях (от 200 до 500 человек и более). Говоря о другом транспорте, Колотилов пишет о «допотопных, дряхлых откуда Бог знает взятых чухонских пароходиках» [3, с. 119], использование которых кажется ему весьма неудобным из-за большой затраты времени.

Анализируя способы сообщения на территории самой выставки, репортер приходит к выводу, что здесь гораздо больше возможностей для перемещения, хотя ему администрация запретила проезд на двухколесном велосипеде даже в качестве корреспондента.

Кроме множества павильонов и отделов, гости выставки могли посетить общедоступные столовые (где обед стоил 40–50 копеек), буфеты, торгующие квасом, чаем и фруктовой водой, и рестораны «Александрова», «Ломач», «Зеест» и другие, балаганы, синематографы и другие «чудеса fin de siecles» (пер. «конца света») [3, с. 177].

Среди развлечений выделяются ярмарочный театр и городской театр. Н. Г. Гарин-Михайловский лестно отзывается о «провинциальном городском театре»: «красивое симпатичное здание», в котором «небывало художественная постановка опер» [4, с. 668]. Ф. И. Шаляпин выступал в новом здании театра, построенном к выставке. Он, кстати, подчеркивал особенность людей, живущих на Волге: «Везде как-то жизнь для денег, а на Волге деньги для жизни» [15, с. 638].

Интересно, что барон Жозеф де Бай в своей книге «От Волги до Иртыша» (1898) подробно рассказывает о губернаторе Нижнего Новгорода, выражая свое восхищение и удовольствие от знакомства с Н. М. Барановым, и называет его «од-

ною из самых интересных личностей в России». Так, во время холерной эпидемии 1892 г. им было принято решение занять нижний этаж Губернаторского дворца под больницу. Кроме двух госпиталей, по указу Баранова была открыта ярмарочная больница-дача, на Волге организованы плавучие госпитали-бараки. Губернатор настоял на том, чтобы газеты печатали точные, верные сведения о ходе эпидемии в такое время, когда в других городах эти цифры скрывались. Неурожай в зоне Поволжья в 1891 г. послужил причиной сильнейшего экономического и эпидемического кризиса. По решению Н. М. Баранова помощь голодающим оказывалась в форме продовольственной ссуды зерном (размер ссуды составлял 12,3 кг зерна в месяц на человека).

Барон де Бай вспоминает «два анекдота», которые «покажут энергию этого человека (Баранова) при исполнении своих обязанностей». Первый анекдот связан с эпидемией холеры в Нижнем Новгороде, когда один из важных и представительных людей города напечатал в газете, что болезнь прекратилась, губернатор тотчас же заставил его «долго прогуливаться в залах, заваленных холерными больными» и в наказание предписал ему ухаживать за больными в течение восьми дней. Такое действие со стороны генерал-губернатора характеризует его как человека решительного, ответственного, преданного своему делу.

Второй анекдот описывает историю, которая произошла с Н. М. Барановым в его резиденции 21 августа 1890 г. Сын скромного столоначальника полицейского управления и сам еще более скромный участковый писец некто Владимиров хотел совершить покушение на губернатора, однако благодаря ловкости и смекалке генерала пуля пролетела мимо. Генерал-губернатор повесил фотографию этого человека рядом с фамильными портретами, находящимися над его походной кроватью в спальне. Баранов объяснил это так: «Я поместил его здесь потому, что он тоже связан <...> узами крови» [9, с. 7].

Барон де Бай с нескрываемым восхищением описывает встречу с губернатором и полагает, что во многом благодаря ему Нижний Новгород процветает и развивается.

Барон отмечает гостеприимство и радушие русского человека, хлебосольство которого «вполне согласуется со старинною славянскою пословицей: „чем богаты, тем и рады“» [9, с. 4]. Путешественник отмечает для себя, что проводимые им этнографические и археологические исследования разных городов России на пути в Нижний Новгород так тесно соприкасаются, что трудно их разделить. Жозеф де Бай пробыл в Нижнем Новгороде всего

несколько дней, однако сумел отметить и оценить масштаб проводимой выставки, «достигающей по численности гостей фантастического количества – свыше 400 000» [9, с. 6].

Большинство посетителей выставки, как и приезжающих на ежегодную ярмарку, – «азиаты. Перед вами мелькают всевозможные красивые и оригинальные восточные костюмы. Тут и китаец с длинной косою, бухарец в своем пестром кафтане, перс в высокой шапке, часто с подкрашенной в краснобурый цвет бородой и ногтями, армянин и татарин, ну, словом, вы находитесь в Азии» [3, с. 104]. Т. Готье и А. де Кюстин тоже отмечали эту особенность. Готье выделяет персов, которые «легко узнавались по овальным вытянутым лицам, длинным носам с горбинкой, блестящим глазам, густым черным бородам и благородству восточного типа лица» [11, с. 390]. А. де Кюстин отмечает близость восточных людей, которых «можно поделить на два разряда: у одних обезьяньи лица (калмыки, монголы, башкиры, китайцы), у других греческий профиль (черкесы, персы, грузины и индийцы и проч.)» [16, с. 33].

17 июля 1896 г. в Нижний Новгород прибыл император Николай II с государыней императрицей. Они посетили ряд достопримечательностей Нижнего Новгорода: кафедральный Спасо-Преображенский собор, Дворянское собрание, Дом трудолюбия, художественно-исторический музей и др., побывали на выставке. Художественные произведения гончарного производства, украшенные эмалью и глазурью, продукция фирмы Фаберже, – все это великолепие привлекало особое внимание императорской четы. Свои впечатления после первого дня пребывания на выставке император отметил в дневнике: «...Меня всего более заинтересовали Железодельный и Горный. Пили чай в особом павильоне. Скучная толпа повсюду глазела и лезла за нами – все сами экспоненты» [17].

Объектом особого осмотра императором стал Машинный отдел. Заинтересованный Николай II даже поднялся на верхнюю площадку модели лесопильного завода, чтобы проследить работу машины, распиливающей бревна. Императорской чете был продемонстрирован первый русский автомобиль, или, как его называли в то время, «самодвижущийся экипаж». Особое место в насыщенной программе императора занял Научно-учебный отдел, где он вместе с супругой посетил образцовую школу министерства народного просвещения и церковь-школу.

Травелоги многих путешественников в Нижний Новгород, в том числе во время выставки, включают в себя традиционный паломнический

элемент – посещение Спасо-Преображенского собора кремля. «В числе святых есть икона Нерукотворного Спаса, принесенная из Суздаля в 1352 году... Здесь же, в соборе, похоронен Козьма Минин в нижнем склепе...» [3, с. 98]. М. И. Невзоров, посетивший Нижний Новгород в начале XIX в., прославляет и восхваляет почтеннейшего и «достойнейшего Козьму Минина» – мужа земли Русской, поет песнь во славу защитников нашей страны. Невзоров дает лирическое отступление, – гимн героизму и величию человеческому духу, целью которого является пробуждение патриотических чувств у русского народа.

Заключение

Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 г. можно назвать одним из главных событий в жизни города в XIX в. По некоторым оценкам, она собрала около полутора миллиона гостей, среди которых были те, кто выразил свои впечатления в травелогах, которые запечатлели содержательную близость участников и гостей выставки.

В день окончания выставки генеральный комиссар В. И. Тимирязев выступил с речью, где подчеркнул, что с закрытием не умрет ее ободряющее и поднимающее общественный дух значение: «Созерцая сокровища русской производительности, собранные на выставке, мы почерпаем необходимую уверенность в своих силах, без которой немыслимы ни одно живое дело, ни один серьезный успех» [12, с. 161]. В травелогах путешественники единодушно отметили «силу нашего века», «богатство и могущество русского народа».

Представляя выставку, давая ее подробное описание, авторы травелогов фактически завершали создание образа Нижнего Новгорода как «кармана России». Последовательно излагая хронику событий, они не только описывали выставку, ее достижения, выражали свои чувства и размышления, но и рассказывали о городе, его достопримечательностях, людях, о своей эмоциональной реакции. Все они согласились, что Нижний Новгород стал «героем дня», выбранным местом проведения выставки, заслуженно.

Образ Нижнего Новгорода конца XIX в., сохранившийся в путевых письмах, заметках, дневниках, очерках и т. д. людей разного социального статуса, разной профессии, рода деятельности, позволяет определить значимость нижегородского текста, представляющий собой исторический документ эпохи, передающий масштабную и объемную картину сконструированного пространства.

Список источников

1. Стеценко Е. А. История, написанная в пути... (записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с.
2. Ротарь В. В. «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе» как жанр путевых записок конца XVII века // Русская речь. 2009. № 6. С. 94–98.
3. Колотилов Л. В. На велосипеде (записки туриста). СПб.: Паровая Типо-Литография М. М. Розеноер, 1898. 240 с.
4. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений: в 5 т. / подготовка текста и примеч. И. В. Воробьевой; вступ. статья В. А. Борисовой. М.: Гослитиздат, 1957–1958. Т. 5: По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Вокруг света. Корейские сказки. Сказки для детей. Пьесы. Воспоминания, статьи. 1894–1906 / подготовка текста А. И. Кучминой и И. М. Юдиной; примеч. В. Т. Зайчикова и И. М. Юдиной. 1958. 719 с.
5. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Культура, 1995. 624 с.
6. Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / сост. М. Б. Вербловская. СПб.: Лениздат, 1991. 335 с.
7. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе / отв. ред. Т. И. Печерская; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии, М-во образования Рос. Федерации. Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 1999. 391 с.
8. Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно: Vereja Edizioni, 2014. 436 с.
9. Бай Ж. ...От Волги до Иртыша (Археол.-этногр. экскурсия по Приуралью и Зап. Сибири в 1896 г.) / Барон де Бай; пер. с фр. Е. Н. Маджи, учитель Тобол. гимназии. Тобольск: Скл. изд. у Е. Н. Маджи, 1898. 40 с.
10. Коровин К. А. Шалапин. Встречи и совместная жизнь. Париж: Возрождение – LA RENAISSANCE, 1939. 214 с.
11. Готье Т. Путешествие в Россию / пер. с франц. и коммент. Н. В. Шапошниковой; предисл. А. Д. Михайлова. М.: Мысль, 1998. 396 с.
12. Виноградова Т. П. Глазами очевидца. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года. Н. Новгород: Кварц, 2016. 184 с.
13. Гиляровский В. А. Нижегородское обалдение. URL: <http://biografii.niv.ru/lit/text/29/55071/Gilyarovskij/nizhegorodskoe-obaldenie.htm> (дата обращения: 05.08.2023).
14. Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно. М.: Сов. Россия, 1991. 592 с.
15. Шалапин Ф. И. Сборник: в 2 т. М.: Искусство, 1957–1958. Т. 1: Литературное наследство. Т. 1: [Страницы из моей жизни; Маска и душа; Статьи]. Письма. Воспоминания об отце / И. Шалапина. 1957. 866 с.
16. Кюстин А. Николаевская Россия / пер. с франц. Я. Гессена и Л. Домгера. М.: Изд-во полит. литературы, 1990. 352 с.
17. Дневники императора Николая II: Т. I, 1894–1904. URL: <https://history.wikireading.ru/97988> (дата обращения: 05.08.2023).

References

1. Stetsenko E. A. *Istoriya, napisannaya v puty... (zapisky i knigy puteshestviy v amerikanskoj literature XVII–XIX vekov)* [A story written on the way: (notes and travel books in American literature of the XVII–XIX centuries)]. Moscow, IMLI RAN Publ., 1999. 312 p. (in Russian).
2. Rotar' V. V. "Puteshestviye stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope" kak zhanr putevykh zapisok kontsa XVII veka ["The journey of stolnik P. A. Tolstoy in Europe" as a genre of travel notes of the end of the XVII century]. *Russkaya rech' – Russian speech*, 2009, no. 6, pp. 94–98 (in Russian).
3. Kolotilov L. V. *Na velosipede (zapiski turista)* [By bicycle (tourist's notes)]. Saint Petersburg, Parovaya Typo-Litografiya M. M. Rozenoer Publ., 1898. 240 p. (in Russian).
4. Garin-Mikheylovsky N. G. *Sobraniye sochineniy: v 5 tomakh. Podgotovka teksta i primechaniya I. V. Vorobyovoy; vstupil'tel'naya statya V. A. Borisovoy* [Collected works: in 5 volumes, preparation of text and notes. I. V. Vorobyova; entry article by V. A. Borisova]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957–1958. Tom 5: *Po Koree, Manchzhurii i Lyaodunskomu poluostrovu. Vokrug sveta. Koreyskiye skazki. Skazki dlya detey. P'esy. Vospominaniya, stat'i. 1894–1906*. Podgotovka teksta A. I. Kuchmina i I. M. Yudina; primechaniya V. T. Zaychikova i I. M. Yudina [Vol. 5: On Korea, Manchuria and the Liaodong Peninsula. Around the world. Korean fairy tales. Fairy tales for children. Plays. Memoirs, articles. 1894–1906. preparation of the text by A. I. Kuchmina and I. M. Yudina; notes by V. T. Zaychikov and I. M. Yudina]. 1958. 719 p. (in Russian).

5. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Symvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti myfopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoeic]. Moscow, Kul'tura Publ., 1995. 624 p. (in Russian).
6. Antsiferov N. P. "Nepostizhimyy gorod..." *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoyevskogo. Peterburg Pushkina* ["The incomprehensible city..." The soul of St. Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. Pushkin's Petersburg]. Comp. M. B. Verblovskaya. Saint Petersburg, Lenizdat Publ., 1991. 335 p. (in Russian).
7. Mednis N. E. *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Otvetstvennyy redaktor T. I. Pecherskaya; Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoye otdeleniye. Institut Filologii, Ministerstvo Obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. Novosibirskiy Gosudarstvennyy Pedagogicheskiy Universitet [executive editor T. I. Pecherskaya; The Russian Academy of Sciences. Siberian branch. Institute of Philology, Ministry of Education of the Russian Federation. Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk, 1999. 391 p. (in Russian).
8. Lebedeva O. B., Yanushkevich A. S. *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the XVIII – first half of the XIX centuries]. Salerno, Vereja Edizioni Publ., 2014. 436 p. (in Russian).
9. Buy Zh. ...*Ot Volgi do Irtysha (Arkheologo-etnograficheskaya ekskursiya po Priural'yu i Zapadnoy Sibiri v 1896)* [From the Volga to the Irtysh: (Archeol.-ethnogr. tour of the Urals and West. Siberia in 1896)]. Baron de Bai; Perevod s frantsuskogo E. N. Maji, uchitel Tobol'skoy gymnazii [Baron de Bai; translation from French by E. N. Madzhi, teacher of the Tobolsk gymnasium]. Tobolsk, skl. ed. at E. N. Maji Publ., 1898. 40 p. (in Russian).
10. Korovin K. A. *Shalyapin. Vstrechi i sovmestnaya zhizn'*. Paris, Vozrozhdeniye – LA RENAISSANCE Publ., 1939. 214 p. (in Russian).
11. Gauthier T. *Puteshestviye v Rossiyu* [Travel to Russia]. Perevod s Frantsuzskogo i kommentarii N. V. Shaposhnikova; Predisloviya A. D. Mikhaylov [translation from French and commentary by N. V. Shaposhnikova; foreword by A. D. Mikhailov]. Moscow, Mysl Publ., 1998. 396 p. (in Russian).
12. Vinogradova T. P. *Glazamy ochevidtsa. Vserossiyskaya promyshlennaya i khudozhestvennaya vystavka 1896 goda* [Through the eyes of an eyewitness. All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1896]. Nizhny Novgorod, Kvarts Publ., 2016. 184 p. (in Russian).
13. Gilyarovskiy V. A. *Nizhegorodskoye obaldeniye* [Nizhny Novgorod stunned] (in Russian). URL: <http://biografii.niv.ru/lit/text/29/55071/Gilyarovskij/nizhegorodskoe-obaldenie.htm> (accessed 5 August 2023).
14. Mendeleev D. I. *Granits poznaniyu predvidet' nevozmozhno* [It is impossible to foresee the limits of knowledge]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991. 592 p. (in Russian).
15. Shalyapin F. I. *Sbornik. V 2 tomakh: Tom 1. Literaturnoye nasledstvo. Pis'ma. N. Shalyapina. Vospominaniya ob otse.* [Collection. In 2 volumes: vol. 1: Literary heritage. T. 1 [Pages from my life; Mask and soul; Articles]. Moscow, Iskusstvo Publ. (in Russian).
16. Kyustin A. *Nikolayevskaya Rossiya*. Perevod s frantsuzskogo Ya. Hessen i L. Domger [Nickolaevskaya Russia. Translation from French Ya. Hessen and L. Dogmer]. Moscow, Izdatelstvo Politicheskoy Literatury Publ., 1990. 352 p. (in Russian).
17. *Dnevniky imperatora Nikolaya II: Tom I, 1894–1904* [Diaries of Emperor Nicholas II: Vol. I, 1894–1904] (in Russian). URL: <https://history.wikireading.ru/97988> (accessed 5 August 2023).

Информация об авторе

Никанорова Е. И., старший преподаватель, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (ул. Ульянова, 1, Нижний Новгород, Россия, 603005).

E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

Information about the author

Nickanorova E. I., Senior Lecturer, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (ul. Ul'yanova, 1, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603005).

E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 03.09.2023; accepted for publication 23.03.2024

УДК 82-0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-123-130>

Формирование жанрового канона романа-антиутопии в романе Е. И. Замятина «Мы» на фоне историко-литературных исканий эпохи и внутренних закономерностей эволюции романной формы

Дмитрий Леонидович Быстренков¹, Алексей Аширович Казаков²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *inkisback@mail.ru*

² *Akaz75@mail.ru*

Аннотация

Во всех исследованиях, в которых решается задача определения общей структуры романа-антиутопии, это делается изолированно от общих тенденций эволюции романной формы, как будто названный жанровый подвид напрямую определяется внедренным социально-философским содержанием при нулевом сопротивлении самой художественной формы. Нам же представляется, что, наоборот, антиутопическое миромоделирование (в том числе в социально-философском аспекте) ограничивается и определяется возможностями сложившихся к тому времени жанровых моделей осмысления действительности. Для романной архитектоники характерна амбивалентность и утопичность (М. Бахтин) или равновесие противоположностей и утопичность (Д. Лукач), что становится основой для романа-антиутопии. При этом утопическая и антиутопическая модели общества существуют в сложной амбивалентной корреляции, унаследованной из неразрешимой антиномичности идей об идеальном человеческом мире, которые можно считать предтечами (анти)утопической мысли (отставание – прогресс – сохранение изначального – утрата изначального; персональная свобода – деспотия – благотворная централизация – губительная децентрализация и др.). В современном литературоведении ни у кого не вызывает сомнения особая роль романа Е. И. Замятина «Мы» в антиутопической литературной традиции. Но при этом обычно не ставится вопрос о скрытой за этим историко-литературной или поэтологической закономерности, потому что без открытого объявления подразумевается, что русский писатель просто «успел» первым откликнуться на социально-историческую злобу дня, а если бы не было этих обстоятельств, роман «Мы» мог и не приобрести такого историко-литературного значения. В противовес такому пониманию ситуации в этой статье предлагается рассмотреть скрытые за феноменом романа Замятина закономерности литературного процесса и механизмов эволюции жанровых форм, сложившихся в точке соединения романной формы и (анти)утопической модели реальности. Как следует из результатов проведенного исследования, ключевая роль в названных процессах романа «Мы» определяется именно тем, что в этом произведении происходит полное слияние утопической и антиутопической концепции с романной формой и формирование жанрового канона романа-антиутопии. При этом предшествующие значимые обращения к утопическому или антиутопическому (у Ф. М. Достоевского, Г. Уэллса или в русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв.) такого специального жанрового подвида романа не создают, а последующие обращения к проблеме у А. П. Платонова, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, Р. Брэдли и др. прямо или косвенно опираются на замятинский канон формы.

Ключевые слова: *утопия, антиутопия, поэтика романа, современный жанровый канон, Е. И. Замятин, утопичность и амбивалентность романа*

Для цитирования: Быстренков Д. Л., Казаков А. А. Формирование жанрового канона романа-антиутопии в романе Е. И. Замятина «Мы» на фоне историко-литературных исканий эпохи и внутренних закономерностей эволюции романной формы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 123–130. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-123-130>

Shaping of the genre canon of the dystopian novel in the novel by E. I. Zamyatin “We” against the background of the historical and literary quest of the era and the internal laws of the evolution of the novel form

Dmitriy L. Bystrenkov¹, Aleksey A. Kazakov²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ inkisback@mail.ru

² Akaz75@mail.ru

Abstract

In modern literary criticism, no one doubts the special role of the novel by E. I. Zamyatin “We” in the dystopian literary tradition. Among the illustrative studies on the topic, we mention S. S. Romanov, who determines why the appearance of the novel “We” “marked a new stage in the development of anti-utopianism, and its author was recognized as the first classic of the genre.” This article proposes to consider the named work not only in the aspect of its direct historical and literary factuality, but to study the hidden patterns of the literary process and the mechanisms of the evolution of genre forms that have developed at the junction of the novel form and the (anti) utopian model of reality. As follows from the results of the study, the key role in these processes of the novel by E. I. Zamyatin’s “We” is determined precisely by the fact that there is a connection and complete merging of the utopian and dystopian concepts with the novel form and the formation of the genre canon of the dystopian novel. At the same time, previous significant appeals to the utopian or dystopian (by F. M. Dostoevsky, H. Wells or in Russian religious philosophy at the turn of the 19th–20th centuries) do not create such a special genre subtype of the novel, and subsequent appeals to the problem by A. P. Platonov, O. Huxley, J. Orwell, R. Bradbury and others directly or indirectly rely on Zamyatin’s canon of form.

Keywords: *utopia, dystopia, novel, genre canon*

For citation: Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. Formirovaniye zhanrovogo kanona romana-antiutopii v romane E. I. Zamyatina “My” na fone istoriko-literaturnykh iskanii epokhi i vnutrennikh zakonomernostey evolyutsii romannoy formy [Shaping of the genre canon of the dystopian novel in the novel by E. I. Zamyatin “We” against the background of the historical and literary quest of the era and the internal laws of the evolution of the novel form]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 123–130 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-123-130>

Введение

Существует множество исследований, в которых решается задача определения общей структуры романа-антиутопии. В исследовании Ю. А. Борисенко предпринимается попытка «уточнить имеющиеся определения жанра антиутопии и тем самым способствовать более глубокому осмыслению ее природы, структуры и функции» [1]. Е. Ю. Козьмина формирует понимание того, что «Существует инвариантная структура романа-антиутопии, т. е. система устойчивых черт и признаков, характерных для произведений этого жанра и определяющих его функционирование» [2]. А. Н. Воробьева отмечает: «Утопия и антиутопия рассматриваются как единый жанр, совмещающий противоположные знаки одних и тех же эстетических установок. Ведущие признаки этого жанра: 1. Изображение коллектива, организации, общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя; 2. Отказ от настоящего,

который выражается в радикальных формах: разрыв с привычной средой, эскапистский уход в другое, закрытое пространство, переход в другое время; 3. Коллективный характер утопической цели» [3].

Во всех этих исследованиях роман-антиутопия рассматривается изолированно от общих тенденций эволюции романной формы. Нередко речь идет о том, что этот жанровый подвид напрямую определяется внедренным социально-философским содержанием при нулевом сопротивлении самой художественной формы. Но, как показывает художественная практика XX в., наоборот, антиутопическое миромоделирование (в том числе в социально-философском аспекте) ограничивается и определяется возможностями сложившихся к тому времени жанровых моделей осмысления действительности.

Сформулируем суть собственной модели утопического-антиутопического и найдем ее место в общей истории жанровой эволюции.

В точке кристаллизации специального жанрового подвида утопия и антиутопия проявляют свою амбивалентность. Это важный момент с дискуссионным заострением: в мировом литературоведении (в том числе отечественном) последних 40–50 лет исследование антиутопического предполагает обязательную критику любых утопических устремлений во имя защиты частной независимости и приземленного материалистического прагматизма. Можно говорить о всемирной победе в рамках названного периода англосаксонского проекта борьбы с тоталитаризмом, сформулированного в Британии в 1940-е гг. с дальнейшим присоединением США. Отражение этого момента можно видеть в статье Дж. Оруэлла «Литература и тоталитаризм» (1941). Реальная художественная практика (в том числе у Оруэлла) не определяется содержанием этого проекта.

Амбивалентность реализуется в творческих и художественных исканиях (Дж. Оруэлл, О. Хаксли, А. Платонов, Р. Брэдбери, братья Стругацкие и многие другие писатели создают и утопии, и антиутопии, часто сложно сплетая эти тенденции в одних и тех же произведениях). Это связано, во-первых, с амбивалентностью мировоззренческих моделей, которые были непосредственными предтечами утопического/антиутопического и с которыми интересующий нас комплекс не теряет связи на протяжении всего своего существования. Речь идет о следующих миро моделирующих концептах: отставание – прогресс – сохранение изначального – утрата изначального; персональная свобода – деспотия – благотворная централизация – губительная децентрализация; божественная свобода – демоническое рабство – божественное доминирование – демоническое восстание; восточная деспотия (например, персидская или татарская) – западная свобода (например, афинская или польская) – западный эгоизм и отъединение – восточное смирение и готовность служить важному и общему; восточная дикость – западная цивилизация – западный мертвенный порядок – восточная живая стихия и т. д. Как можно видеть, эти миро моделирующие истоки утопического и антиутопического тоже демонстрируют свою амбивалентность. Вспомним, например, что, если у Достоевского Божественное дает свободу от дьявольского порабощения, то у Байрона или Лермонтова демоническое и каиновское, наоборот, олицетворяет бунт против Божественной деспотии.

Еще важнее то, что, во-вторых, такая амбивалентность утопического и антиутопического с момента формирования замятинского жанрового канона подкрепляется внутренними законами

самой романной формы, одними из краеугольных камней которой, по определению Д. Лукача и М. Бахтина, являются именно утопичность и амбивалентность (или, в версии Лукача, равновесие противоположностей). Более полно о лукачевской и бахтинской концепции романа будет сказано ниже.

Этот комплекс историко-литературных и жанрово-поэтологических проблем будет кратко изложен в данной статье.

В современном литературоведении ни у кого не вызывает сомнения особая роль романа Е. И. Замятина «Мы» в антиутопической литературной традиции [4]. В этой статье предлагается рассмотреть скрытые закономерности литературного процесса и механизмов эволюции жанровых форм, сложившихся в точке соединения романной формы и (анти)утопической модели реальности. Как следует из результатов проведенного исследования, ключевая роль в этих процессах романа Е. И. Замятина «Мы» определяется именно тем, что происходит полное слияние утопической и антиутопической концепции с романной формой и формирование жанрового канона романа-антиутопии. При этом предшествующие значимые обращения к утопическому или антиутопическому (у Ф. М. Достоевского, Г. Уэллса или в русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв.) такого специального жанрового подвида романа не создают, а последующие обращения к проблеме у А. П. Платонова, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, Р. Брэдбери и других прямо или косвенно опираются на замятинский канон формы.

Материал и методы

Источниками исследования послужили утопические и антиутопические произведения, способствовавшие формированию канона жанра романа-антиутопии XX в. [5–11].

Методологию составляют герменевтический, биографический, структурный и сравнительный методы исследования. Теоретическая основа статьи подкреплена трудами по теории литературы: М. М. Бахтина [12] и Г. Лукача [13].

Результаты исследования

Какой облик приобретает **канон романа-антиутопии** в произведении Замятина? Попробуем обобщить его и с точки зрения структурных принципов представленного художественного мира, и в аспекте повторяющихся мотивов.

1. Важнейшим структурным признаком утопического мира оказывается его пространственная **изолированность и закрытость** и временной коррелят этого качества: **подчинение правилам**,

заданному ритму, ритуализацию, что предполагает, по сути, преодоление временной изменчивости, развития (как закрытость и изоляция преодолевают пространственную открытость).

Исследователи видят истоки принципа ритуализации еще у Платона: «утопические модели общества, начиная с платоновского „Государства“, воплощались в картинах идеально устроенных городов, где жизнь организована ритуально, по стандартным образцам поведения» [14, с. 158]. Такой же неотъемлемой частью утопического является пространственная закрытость. Т. Мор придумывает свою Утопию, находящуюся на острове, изолированном от остального мира естественными границами. У Е. Замятина этот принцип осуществляет зеленая стена, которая разграничивает антиутопическое пространство и пространство природное. У О. Хаксли топоним «нового мира», по видимости, открыт, но имеются в наличии закрытые резервации для дикарей и острова для диссидентов, т. е. действует принцип изоляции от Иного. Природа тоже выносится в заповедники, консервируется, т. е. метафорически предполагается «стена». У Дж. Оруэлла в «1984» также используется топология острова.

Принципиальный момент: закрытость и ритуализация – это лишь изначальная интенция утопического. **В итоговом «замятинском» каноне и у продолжателей русского писателя изоляция и остановка движения в обязательном порядке нарушаются.**

При этом нельзя считать это свойство признаком только антиутопических критицизма и кризисности. В романе О. Хаксли «Остров», где предложена позитивная утопия (на основе восточной философии, противопоставленной западному социально-историческому тупику), изолированный гармоничный мир разрушен внешними силами.

Предположим, что это приобретенное свойство связано именно с природой романной формы. Как указывал Д. Лукач в современном мире, который находится в корреляции именно с романной формой, больше невозможна эпическая тотальность. В романизированном мире смысловая полнота и гармония возможны только в виде изолированного идиллического осколка, уязвимого перед остальным неидеальным и кризисным миром [13].

2. По этой же логике разворачивается и следующее структурное свойство. В изначальной утопической интенции предполагается **гармоническое отсутствие конфликтов**, а в мире романной проблематизации (без различения утопического и антиутопического) общество **обречено на конфликты и дисгармонию**. Это определяется разными причинами: непреодолимым расслоени-

ем людей, противоречиями между утопическим и эмоционально-чувственным или даже биологическим и т. д. При этом (анти)утопический мир обычно стремится найти способы подавления этих конфликтов и объективных сил, которые за ними скрыты.

В «Утопии» Т. Мора нет преступлений (поэтому нет уголовного законодательства), конфликты устранены путем ликвидации частной собственности и финансового неравенства. В «Государстве» Платона и «Городе Солнца» Т. Кампанеллы также решена проблема с бедностью, общество строго дифференцировано, каждый занят своим делом, отсутствуют конфликты на почве зависти.

В романе Е. И. Замятина «Мы» благодаря научно-техническому прогрессу решена проблема с нехваткой пищи, нет предметов роскоши, нет конфликтов и зависти, все принадлежит всем по розовому билету. Хаксли идет дальше, придумывая общество, которое заранее запрограммировано на определенную работу, должность, здесь зависть просто невозможна, каждый получает то, что он запрограммирован хотеть. Оруэлл работает с конфликтами немного иначе, в созданном им обществе все питаются одной пищей в соответствии с нормой (за исключением правящего класса, о котором никому не известно, а поэтому никак не влияет на состояние общества), конфликты направлены во вне, на внешнего врага, которого средний житель антиутопии никогда не видел и не увидит.

Но по итогу мы видим в романах Замятина и его последователей недовольных этим миром, вступающих с ним в конфликт.

3. На этой основе формируется **повторяющийся набор мотивов**:

- разные формы химического, хирургического, психического и т. д. подавления естественных душевных или биологических склонностей человека (сома у Хаксли, двоемыслие (как обязательное упражнение по контролю своего сознания) у Оруэлла, излучатели в «Обитаемом острове» братьев Стругацких и т. д.);

- обобществление сексуальной жизни (у Оруэлла в инвертированном виде – сексуальное равенство не на основе общедоступности, а на основе общего подавления желания);

- мотивы механичности, однообразия, одинаковости, безликости;

- герой-диссидент как главная движущая сила сюжета;

- героиня как главная причина бунта главного героя. Иногда как непосредственное олицетворение возможности иной жизни и иного мышления (как у Замятина или Оруэлла), иногда как пассивный триггер (Ленайна у Хаксли);

– антагонист, олицетворяющий власть и систему (у Замятина это Благодетель). Иногда этот персонаж обобщенный и внесценический (как Большой Брат у Оруэлла), иногда непосредственно взаимодействующий с главным героем (как Мустафа Монд у Хаксли);

– капитуляция главного героя перед системой и смерть или ее аналоги (медицинское удаление фантазии у Д-503 в романе «Мы»).

Многие элементы этого канона были литературно осмыслены задолго до Замятина. В первую очередь это происходило в литературе Нового времени, поскольку именно для этой эпохи характерны утопические поиски, на что прямо указывает Хаксли, взяв в качестве заглавия романа «О дивный новый мир» цитату из Шекспира. Так Хаксли пытается вернуть нас к историческим истокам утопического мышления Нового времени. Но можно искать первые проявления такого мышления еще раньше, вплоть до античности, ведь уже говорилось о роли Платона в формировании утопической модели.

Ю. Л. Латынина в работе «Литературные истоки антиутопического жанра» упоминает комедию Аристофана «Женщины в народном собрании». Написание комедии связано с кризисом в афинском обществе, поэтому затрагиваются проблемы построения идеального государства. Автор исследования предполагает (возможно, с долей паранаучной иронии), что здесь мы встречаем общее место антиутопий: превращение идеи об общем имуществе в идею об обобществлении сексуальной жизни [15, с. 5].

Вернемся к более важному для антиутопии Новому времени. Исследуя эволюцию романа, М. М. Бахтин обращается к сатире Гриммельсгаузена *Der fliegende Wandersmann nach dem Monde*. Ученый упоминает здесь некоторые важные моменты произведения: «Исключительная чистота и правдивость жителей луны, они чужды всех пороков. Судов и болезней они не знают, ибо нет преступлений и пороков; царит вечная весна; живут долго, и смерть встречают веселым пиром с друзьями; тела их не гниют. Если у ребенка замечается склонность к порокам, то, чтобы не заразить общество, его отправляют на землю (отсюда население американского континента)» [12, с. 737]. Как видно, уже здесь присутствуют утопические и антиутопические черты, диктуемые жанром романа. Все перечисленные выше преимущества иноземного общества в романе-антиутопии XX в. станут жанрообразующими, важным станет также мотив избавления от неугодного члена общества.

Очень важную роль в предыстории романа-антиутопии сыграли «Путешествия Гулливера»

Дж. Свифта. Обратим внимание, что в этом произведении утопическое и антиутопическое уже соединяется с формой романа, но неким каноническим образом этот текст не стал, возможно, потому что он сильно опережает свое время. Хотя уместно вспомнить и тот факт, что в британской литературной критике Дж. Оруэлла чаще генеалогически возводят именно к Свифту, а не к Замятину.

Непосредственное продолжение исканий Замятина мы видим в романах О. Хаксли и Дж. Оруэлла (в этой статье отстранимся от вопроса о месте в этой линии преемственности О. Хаксли с учетом того, что он отрицал знакомство с романом «Мы» до написания романа «О дивный новый мир» – этому вопросу посвящена другая наша статья) [16]. Из произведений 1930–40-х гг. можно также упомянуть повесть Айн Рэнд «Гимн» (1938), которая во многом повторяет роман Замятина. У американской писательницы даже имена героев строятся похожим образом. Само же общество в повести максимально уравнено, половая жизнь регламентирована, воспитание детей контролируется государством.

В дальнейшем замятинский канон зачастую продолжается благодаря знакомству с произведениями Хаксли и Оруэлла (без обязательного прочтения романа «Мы»).

В 1953 г. публикуется роман американского писателя Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Антиутопия о запрете и сжигании книг строится по замятинской модели. Люди в этом романе лишены не просто книг как физического носителя информации, а чувственной жизни, связи с природой, доступа к своей собственной фантазии. «Ее лицо было как остров, покрытый снегом: если дождь прольется над ним, оно не ощутит дождя; если тучи бросят на него свою вечно движущуюся тень, оно не почувствует тени. Неподвижность, немота... Только жужжание ос-вулок, плотно закрывающих уши Милдред, только остекленевший взор и слабое дыхание, чуть колеблющее крылья ноздрей – вдох и выдох, вдох и выдох, – и полная безучастность к тому, что в любую минуту даже и это может прекратиться навсегда» [11, с. 17].

Роман Р. Силверберга «Вертикальный мир» 1971 г. возводит в абсолют антиутопический концепт о принадлежности всех всем. Общество строится на воспеании постоянного размножения, бесконечного увеличения популяции планеты. Герои в этом произведении сталкиваются с классическими антиутопическими проблемами поиска реальной свободы в мире, как кажется с первого взгляда, абсолютных свобод. Это одна из возможных инверсий темы – антиутопическое недоверие

вызывают не только деспотия и подавление, но и возведенное в абсолют и навязываемое принудительно либертарианство. Как и героям романов «Мы», «О дивный новый мир» и «1984», персонажам «Вертикального мира» суждено погибнуть, проиграть миру антиутопически интерпретированной бессмысленной вседозволенности.

В XXI в. романы-антиутопии занимают нишу подростковой литературы, но сохраняют заложенные еще Замятиным каноны жанра. В трилогии американской писательницы Сьюзен Коллинз «Голодные игры» 2008–2010 гг. общество разделено на богатое большинство и бедное меньшинство. При этом столица государства – Капитолий, являясь утопией, для ее жителей отгорожена от остального мира. Важную роль здесь играет фигура президента Сноу, образ выстроен в соответствии с канонами жанра (Благодетель, Большой Брат).

Наконец, отдельного внимания заслуживает место романа Замятина не в истории литературы, а в исторической поэтике, в эволюции романной формы, то, как антиутопия соответствует внутренним основам романной формы.

Антиутопическое тесно связано с романной формой еще на стадии зарождения этой самой формы. Неслучайно принято связывать XX в. с расцветом антиутопической литературы, ведь именно в 1920 г. был написан роман Е. И. Замятина «Мы», ставший как родоначальником жанра, так и неким канонам для авторов, идущих по его стопам. Антиутопический текст имеет множество истоков, это и технологический прогресс, и социальные потрясения, и связанный с этими глобальными изменениями в человеческой жизни расцвет научной фантастики, и философские течения рубежа веков (в частности, русская религиозная философия).

Ключевым видится связь антиутопии именно с литературным жанром романа. По мысли Г. Лукача, одного из ключевых в XX в. создателей теоретической концепции романной формы, романная структура всегда утопична (если понимать этот термин максимально широко). «Элементы романа полностью абстрактны в гегелевском значении этого слова: абстрактна страсть людей, направленная лишь на утопическое завершение и не воспринимающая как подлинную реальность ничего, кроме себя и собственных вожделений; абстрактны социальные структуры, опирающиеся лишь на свою фактическую силу; абстрактен творческий подход, который не устраняет, а оставляет нетронутой дистанцию между обеими абстрактными группами структурных элементов, не преодолевает ее, а делает ощутимой в качестве переживания романного героя и, превратив ее в орудие компози-

ции, использует для объединения обеих групп» [13, с. 38–39].

Иначе говоря, это свойство присуще и утопиям в узком смысле, и антиутопиям, и романам, по видимости, не связанным с социально-философским или историософским пониманием утопического.

М. М. Бахтин, другой виднейший теоретик романа, говорит о принципиальной утопичности мениппеи, к которой он возводит всю романную традицию Нового времени [17, с. 133].

В этой статье ограничимся тезисным утверждением этой мысли, поскольку сверка идей М. М. Бахтина и Д. Лукача об амбивалентной и утопической природе романной формы с реальной антиутопической литературной практикой заслуживает отдельного рассмотрения (это исследование было проделано в другой работе [18]).

Заключение

Утопическая и антиутопическая модель общества существуют в сложной амбивалентной корреляции, которая унаследована из неразрешимой антиномичности идей об идеальном человеческом мире, которые можно считать предтечами (анти)утопической мысли (отставание – прогресс – сохранение изначального – утрата изначального; персональная свобода – деспотия – благотворная централизация – губительная децентрализация и др.).

Природа романа-антиутопии определяется не внедренным социально-философским содержанием при нулевом сопротивлении самой художественной формы. Скорее, наоборот, существующие формы жанрового обобщения реальности определяют границы социально-философской мысли. Решающую роль играет сама жанровая модель романа и ее возможности. Для общей формы романа характерна утопичность и амбивалентность (согласно Бахтину) или утопичность и динамическое равновесие (согласно Лукачу), что и определяет свойства романа-антиутопии.

Ключевая роль в истории антиутопии романа Е. И. Замятина «Мы» определяется именно тем, что происходит соединение и полное слияние утопической и антиутопической концепции с романной формой и создание жанрового канона романа-антиутопии. На этой основе складывается перечень характерных компонентов замятинского канона, которые заимствуются продолжателями. Отметим в качестве наиболее концептуально значимого совмещение утопической установки на закрытость, неизменяемость и бесконфликтность и по-романному дестабилизирующей тенденции к разрушению закрытости, к переменам и конфликтам.

Список источников

1. Борисенко Ю. А. Риторика власти и поэтика любви в романах-антиутопиях первой половины XX века: Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Е. Замятин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 10 с.
2. Козьмина Е. Ю. Поэтика романа-антиутопии: на материале русской литературы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.
3. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 49 с.
4. Романов С. С. Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1998. 20 с.
5. Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, 2010. Т. 1. 608 с. Т. 2. 592 с. Т. 3. 608 с. Т. 4. 510 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. 624 с.
7. Хаксли О. О дивный новый мир. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
8. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М.: Астрель, 2012. 192 с.
9. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика / состав., подгот. текста В. С. Муравьев, А. М. Зверев, А. А. Файнгар и др. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
10. Уэллс Г. Фантастика: собрание сочинений в одном томе. М.: АСТ, 2010. 1214 с.
11. Миры Рэя Бредбери. Т. 2: пер. с англ. Полярис, 1997. 335 с.
12. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (1): Франсуа Рабле в истории реализма (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.
13. Лукач Г. Теория романа (опыт историко-философского исследования форм большой эпики) // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.
14. Шишкин А. П. Русский берег утопии (к вопросу об эволюции русской литературной утопии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 156–177.
15. Латынина Ю. Л. Литературные истоки антиутопического жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 20 с.
16. Быстренков Д. Л., Казаков А. А. Русская антиутопическая традиция (Ф. М. Достоевский, Е. И. Замятин) и О. Хаксли: Проблема рецептивного посредничества Н. А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 99–113.
17. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
18. Быстренков Д. Л., Казаков А. А. Корреляция утопического и антиутопического и конститутивные основы жанровой формы романа // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 128–137.

References

1. Borisenko Yu. A. *Ritorika vlasti i poetika lyubvi v romanakh-antiutopiakh pervoy poloviny XX veka: Dzh. Oruell, O. Haksli, E. Zamjatin. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Rhetoric of power and poetics of love in dystopian novels of the first half of the twentieth century: J. Orwell, O. Huxley, E. Zamyatin. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Izhevsk, 2004. 10 p. (in Russian).
2. Koz'mina E. Yu. *Poetika romana-antiutopii: na materiale russkoy literatury XX veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Poetics of the dystopian novel: based on the material of Russian literature of the twentieth century. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2005. 20 p. (in Russian).
3. Vorob'yova A. N. *Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI veka v kontekste mirovoy antiutopii. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Russian dystopia of the 20th and early 21st centuries in the context of global dystopia. Abstract. diss. dr. philol. sci.]. Saratov, 2009. 49 p. (in Russian).
4. Romanov S. S. *Antiutopicheskiye traditsii russkoy literatury i vklad E. I. Zamyatina v stanovleniye zhanra antiutopii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Dystopian traditions of Russian literature and the contribution of E. I. Zamyatin to the formation of the dystopian genre. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Orel, 1998. 20 p. (in Russian).
5. Zamyatin E. I. *Sobraniye sochineniy: v 5 tomakh* [Collected works: in 5 volumes]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2010. V. 1. 608 p. V. 2. 592 p. V. 3. 608 p. V. 4. 510 p. (in Russian).
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. V. 15. 624 p. (in Russian).

7. Huxley O. *O divnyy novyy mir* [Brave New World]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
8. Huxley A. *Vozvrashcheniye v divnyy novyy mir* [Brave New World Revisited]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 192 p. (in Russian).
9. Orwell G. "1984" i esse raznykh let. *Roman i khudozhestvennaya publitsistika* ["1984" and essays from different years. Novel and literary journalism]. Moscow, Progress Publ., 1989. 384 p. (in Russian).
10. Wells H. *Fantastika: Sobraniye sochineniy v odnom tome* [Science Fiction: Collected Works in One Volume]. Moscow, AST Publ., 2010. 1214 p. (in Russian).
11. *Miry Reya Bredberi*. Tom 2 [The Worlds of Ray Bradbury. V. 2]. Voronezh, Polyaris Publ., 1997. 335 p. (in Russian).
12. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy. Tom 4 (1): Fransua Rable v istorii realizma (1940 g.). Materialy k knige o Rable (1930–1950-e gg.)* [Collected Works. Vol. 4 (1): François Rabelais in the history of realism (1940). Materials for the book about Rabelais (1930–1950s)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 1120 p. (in Russian).
13. Lukach G. *Teoriya romana (Opyt istoriko-filosofskogo issledovaniya form bol'shoy epiki)* [Theory of the Novel (An Experience in Historical and Philosophical Study of the Forms of the Great Epic)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 1994, no. 9, pp. 19–78 (in Russian).
14. Shishkin A. P. *Russkiy bereg utopii (k voprosu ob evolyutsii russkoy literaturnoy utopii)* [The Russian shore of utopia (to the question of the evolution of Russian literary utopia)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 10. Zhurnalistika*, 2016, no. 6, pp. 156–177 (in Russian).
15. Latynina Yu. L. *Literaturnyye istoki antiutopicheskogo zhanra. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Literary origins of the dystopian genre. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow. 1992. 20 p. (in Russian).
16. Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. *Russkaya antiutopicheskaya traditsiya (F. M. Dostoevskiy, E. I. Zamyatin) i O. Haksli: Problema retseptivnogo posrednichestva N. A. Berdyayeva* [Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. Russian dystopian tradition (F. M. Dostoevsky, E. I. Zamyatin) and O. Huxley: The problem of receptive mediation N. A. Berdyayev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2022, no. 78, pp. 99–113 (in Russian).
17. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy. Tom 6* [Collection of works. Vol. 6]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. P. 7–300 (in Russian).
18. Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. *Korrelyatsiya utopicheskogo i antiutopicheskogo i konstitutivnyye osnovy zhanrovoy formy* [The correlation between a utopian and anti-utopian and constitutive basics of novel genre form]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 128–137 (in Russian).

Информация об авторах

Быстренков Д. Л., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: inkisback@mail.ru

Казаков А. А., доктор филологических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050), Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: Akaz75@mail.ru

Information about the author

Bystrenkov D. L., post-graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: inkisback@mail.ru

Kazakov A. A., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050), Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: Akaz75@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 10.11.2023; accepted for publication 23.03.2024

УДК 82-193.1, 82-15, 82-191, 82-193.7

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-131-140>

Диалог в книге Ю. Вэллы «Поговори со мной...»: этнокультурное своеобразие и ценностная основа

Николай Сергеевич Чижов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n.s.chizhov@utmn.ru

Аннотация

Исследование проводилось на материале стихотворных и прозаических текстов Ю. Вэллы (1948–2013), входящих в состав его четвертой книги «Поговори со мной...». Диалогическая интенция обозначена в заглавии книги, адресованной ненецкому студенту и тому, кто «хотел бы послушать ненецкую душу». Структурные особенности диалогической ситуации в книге «Поговори со мной...» обусловливаются традиционалистским типом художественного сознания ненецкого мастера слова, для которого ценностно значимыми являются, во-первых, укорененность в национальной культурной традиции, во-вторых, включенность в процесс этноконфессиональной преемственности, в-третьих, мифопоэтическая картина мира и гармония бытия в единстве с одухотворенным природным миром. Диалог в книге моделируется поэтом в трех взаимосвязанных сферах: межкультурного взаимодействия на русском, ненецком и французском языках; эстетической коммуникации автора с читателем (ненецким студентом, молодым оленеводом и др.) и внутритекстового события в форме дружеского общения хозяина с гостями у чувала, либо угадывания оленеводом загадок («Загадки мои...»), либо наставления лирическим героем того, кто готов открыться навстречу миру, чтобы пережить духовное преображение на ненецкой земле («Охота на лебедей (диалоги)»). Ю. Вэлла как общественный и культурный лидер ненцев Западной Сибири ощущал ответственность не только за судьбу своего малочисленного народа, но и за жизнь людей, оказавшихся в зоне межнациональных конфликтов. Последним посвящена поэма «Охота на лебедей (диалоги)» и стихотворения «Наивысшая ценность», «Золотое руно». В архитектонике побывальщины «Наивысшая форма гармонии» выражается идея, что диалог между людьми различных национальностей и религий возможен, если вернуться к непосредственному («детскому») восприятию мира, позволяющему восстановить ценностную связь человека с окружающим его природным Космосом.

Ключевые слова: Юрий Вэлла, этнопоэтика, аксиология творчества, диалог, межкультурный диалог, ненецкая культура, книготворчество

Для цитирования: Чижов Н. С. Диалог в книге Ю. Вэллы «Поговори со мной...»: этнокультурное своеобразие и ценностная основа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 131–140. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-131-140>

Dialogue in the book by Y. Vella “Talk to me...”: ethnocultural identity and value basis

Nikolay S. Chizhov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, n.s.chizhov@utmn.ru

Abstract

The study was carried out on the material of the poetic and prose texts of Yu. Vella (1948–2013), included in his fourth book “Talk to me...”. The dialogical intention is indicated in the title of the book, addressed to the Nenets student and the one who “would like to listen to the Nenets soul.” The structural features of the dialogical situation in the book “Talk to me...” are determined by the traditionalist type of artistic consciousness of the Nenets master of words, for whom the values of significance are, firstly, rootedness in the national cultural tradition, secondly, involvement in the process of ethno-confessional continuity, thirdly, a mythopoetic picture of the world and awareness of the harmony of existence in unity with the spiritualized natural world. The dialogue in the book is modeled by the poet in three interrelated areas: intercultural interaction in Russian, Nenets and French; aesthetic communication between the author and the reader (Nenets student, young reindeer herder, etc.) and intra-textual events in the form of friendly communication between the owner and the guests at the chival, or the reindeer herder guessing riddles (“My riddles (riddles from Tatva)”), or the lyrical hero’s instructions to someone who is ready to open up to world in order to experience spiritual transformation on Nenets land (“Swan Hunt (dialogues)”). Yu. Vella, as a social and cultural leader of the Nenets of Western Siberia, felt responsible not only for the fate of his small people, but also for the lives of people caught in the zone of interethnic conflicts. Yu. Vella, as a social and

cultural leader of the Nenets of Western Siberia, felt responsible not only for the fate of his small people, but also for the lives of people caught in the zone of interethnic conflicts. The poem "Swan Hunt (dialogues)" and the poems "The Highest Value" and "The Golden Fleece" are dedicated to the latter. The architectonics of the experience "The Highest Form of Harmony" expresses the idea that dialogue between people of different nationalities and religions is possible if we return to the direct ("childish") perception of the world, which allows us to restore the value connection of a person with the natural Cosmos surrounding him. In conclusion, the mechanisms of interaction of ethnocultural components in texts under the general title "Talk to me (the story of one translation)" are considered from the point of view of the poet's bilingual representation of the same work, reflected by the author in the commentary to his translation.

Keywords: Yuri Vella, ethnopoeitics, axiology of creativity, dialogue, intercultural dialogue, Nenets culture, book creativity

For citation: Chizhov N. S. Dialog v knige Yu. Velly "Pogovory so mnoy...": etnokul'turnoye svoyeobrazie i tsennostnaya osnova [Dialogue in the book by Y. Vella "Talk to me...": ethnocultural identity and value basis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 131–140 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-131-141>

Введение

Лесным ненцем Ю. Вэллой (1948–2013) при- сущий северным художникам слова (А. Тарханову, А. Неркаги, Е. Айпину и др.) билингвизм языкового мышления осознавался с точки зрения важнейшего коммуникативного фактора при проектировании в творчестве эстетического события как встречи различных культурных сознаний и традиций. Для этой цели поэт включал в книги, начиная с «Триптихов», вместе со стихами и прозой на русском или ненецком языках (как основных) переводы своих произведений программного характера на иностранные языки (преимущественно европейские). В заголовках книг Ю. Вэллы наличествует прямое указание на диалогический компонент в структуре художественного высказывания: «Охота на лебедей (диалоги)», «Поговори со мной...», «Нити родства», «Земля любви. Диалоги». В данных книгах соавторами ненецкого поэта выступают журналист Т. Юргенсон, монахиня Н. и американский писатель индейского происхождения Скотт Мамадей.

Этнографические и литературоведческие исследования [1–3, с. 140–161; 4; 5] показали глубинную связь творчества Ю. Вэллы с народной культурой ненцев. В частности, освоение этнического фольклора поэтом в детстве происходило через посредничество родной бабушки Ненги. Она сначала в песенной форме исполняла сказки и предания под аккомпанемент народной мелодии, а потом устно их пересказывала на понятном маленькому слушателю разговорном ненецком языке. Дихотомия прозы и поэзии в структуре первого рецептивного опыта, по мнению Ю. Вэллы, повлияла на его художественное мышление, предопределила открытость к творческому диалогу, жанровым и композиционным экспериментам в границах макроструктурного целого книги [6, с. 7–8]. Диалогичны некоторые традиционные жанры ненецкого фольклора,

например загадки, что неизменно включал Ю. Вэлла в книги для иллюстрации специфически национального.

При этом проблема диалога в его творчестве (в межкультурном измерении и эстетической коммуникации автор – герой – читатель) еще не становилась предметом отдельного исследования. Исключением можно считать статью Н. И. Новиковой, где диалог в книготворческой практике ненецкого автора рассматривался с точки зрения антропологического феномена многокультурности [7, с. 377–379].

Материал и методы

Исследование проводилось на материале стихотворений и прозы, опубликованных в книге Ю. Вэллы «Поговори со мной». Архитектоника четвертой книги поэта ориентирована на репрезентацию авторского мирообраза в культурном пространстве России и мира. В результате «Поговори со мной» принимает форму издательского проекта, реализованного с 2004 по 2013 г. в виде публикации шести вариантов книги с переводами программных текстов на эстонский, французский, венгерский, английский и тюркские языки¹.

Цель статьи – анализ диалога в книге Ю. Вэллы «Поговори со мной» с точки зрения этнопоэтики и ценностного самосознания югорского мастера слова. Работа выполнена в рамках подхода к анализу этнопоэтики литературного произведения как «сферы системной взаимосвязи элементов художественного целого, организованной предметным выражением авторской интенции своего/чужого, отражающей смыслы и ценности национальной идентификации художника, специфику опоры его письменного слова на мифо-фольклорное предание (наследие) народа с

¹ В статье проводится анализ книги «Поговори со мной» (второй вариант) с переводами отдельных текстов на французский язык (Нижевартовск, 2004).

учетом отношений читатель – текст» [8, с. 5]. Взаимодополняемость «этнокультурного и аксиологического аспектов анализа» при изучении литературы народов России, как обосновал К. К. Султанов, способствует более полному формированию представлений о феномене «в контексте непрерывно модернизирующейся современности» [9, с. 235].

Результаты и обсуждение

Несмотря на процессы глобализации в современном мире, повлиявшие на жизнь лесных ненцев Северного Зауралья, ученые-этнографы сходятся во мнении, что «традиционное мировоззрение» и соответствующая картина мира «в общих чертах сохранились у данной территориальной группы до настоящего времени» [10, с. 15]. Как показал А. В. Головнев, «фольклор северных кочевников поражает богатством и свежестью; он предстает не столько реликтом прошлого, сколько активной традицией, на основе которой генерируются индивидуальные характеры ненцев и их этническая идеология» [11, с. 8].

Учеба в Литинституте стала для ненецкого поэта в некотором роде школой диалога культур. Он следующим образом вспоминал в интервью о возвращении к кочевой жизни после окончания института: «Литинститут дал мне интеллект, дал главное – понимание ценности стойбищной цивилизации. Я литинститутскими глазами оглянулся на стойбищную жизнь и стал понимать, что это *цивилизация*, а не как раньше говорили – *первобытнообщинный строй*, от которого надо уходить, переводить коренных жителей на оседлый образ жизни... Я пятнадцать лет охотился на соболей, добывал пушнину и для общепита мяسو лося и дикого оленя. С последней своей охотничьей зарплаты я купил оленей, и с *этими оленями ушел жить на стойбище, в новую цивилизацию*. Это был 1991 год» [12]. Опыт интеллектуальной и творческой деятельности способствовал все большему ценностному «вращению» Ю. Вэлла в традиционную культуру ненцев. Другими словами, «своя» культура, по М. М. Бахтину, раскрылась художнику слова Югры «полнее и глубже» в «глазах другой культуры»: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они *не сливаются и не смешиваются*, но они взаимно обогащаются» [13, с. 354].

Возвращение к стойбищной жизни и традиционное мировоззрение Ю. Вэлла предопределили

особенности поэтики и аксиологии его творчества. Специалистами они изучаются с точки зрения специфики традиционалистского типа художественного сознания и концепции «посвященности художника... в тайну силы и бессмертия народа» [14, с. 22]. Мы рассматривали данные положения в качестве важнейших предпосылок исследования диалогической составляющей в книге ненецкого поэта, что позволило избежать простого экстраполирования представлений о феноменах диалогизма и диалога, выработанных гуманитарной наукой XX в. применительно к европейской ментальности¹ [15, 16], на духовный опыт представителя иной этнокультурной традиции.

Диалогическая направленность четвертой книги Ю. Вэлла обозначена в самом заглавии: «Поговори со мной. Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу». Интенция автора имеет два адресата. Первый – это ненецкий студент. В предисловии к книге поэт вспоминает свой сон, как он стоит перед кабинетом, где проходит экзамен, и боится войти в него: «Вероятно, остался у меня „хвост“ – незачет. Вот я и хочу таким образом вернуть своему институту должок – своего рода курсовую работу, – книгу для студента» [17, с. 6]. Характерно, что другому известному студенту Литинститута – Р. Гамзатову – снился примерно такого же содержания сон: «Иногда мне снится, будто я снова сдам трудные для меня экзамены, проваливаюсь, остаюсь снова на первом курсе». Причем аварский поэт увиденный сон также связывает со своим «должком» перед институтскими преподавателями, поэтому он и надеется, что его новая книга «попадет в руки кому-нибудь» из «учителей и будет прочитана ими» [18, с. 417], и в то же время с трепетом, как студент-первокурсник, боится этого. В контексте данной адресации Ю. Вэлла посвящает книгу «*бывшему студенту*, ныне замечательному профессионалу, хирургу Геннадию Семеновичу Бородину и студентке-заочнице, младшей сестре Насте» [17, с. 3].

Также отметим, что, с точки зрения обозначенного адресата, в текстах книги «Поговори со мной...» выстраивается коммуникативное событие, где диалог разворачивается в дискурсе доверительного отношения Другого (потенциального ученика) к «чужому слову» автора-наставника

¹ Диалог – «это форма нравственного общения, когда субъекты, принимая самооценку друг друга, в то же время сохраняют самостоятельность, не растворяются друг в друге. В результате происходит взаимное обогащение знаниями, ценностями, общение предстает как „сотворчество понимающих“ (М. Бахтин). Субъектами диалога могут быть отдельные лица, общности, типы культур („диалог культур“ по Бахтину)» [19, с. 160].

[20, с. 332]. К таким текстам относятся, во-первых, «Азбука оленевода» как учебное пособие для молодых ненцев-охотников, во-вторых, перевод стихотворения «Снегопад» с ненецкого языка на русский «Вереманко Елены – студентки 1 курса Нижневартковского государственного педагогического института» [17, с. 39], в-третьих, «комментарий для перевода» ненецкого рассказа «Ведь разговариваем (же мы)» [17, с. 118], в-четвертых, предложение автора попробовать читателю себя в качестве переводчика «Ненецкого триптиха». Причем Ю. Вэллы, как в школьных или вузовских учебниках, отводит специальное для этого место в книге [17, с. 41]. Дидактический характер эстетической коммуникации в указанных текстах определяется традиционалистским типом сознания ненецкого художника слова, ориентированного на использование проверенных временем моделей воспроизведения и передачи знаний от младшего поколения к старшему¹.

Второй адресат – тот, «кто хотел бы послушать ненецкую душу» [17, с. 2], т. е. всякий Другой, открытый новому, неизведанному и готовый погрузиться в мир духовной культуры одного из малочисленных народов Обь-Иртышского Севера. Диалогическая интенция заявлена в заглавии книги поэта «Охота на лебедей (*диалоги*)», композиционно расположенной в центре макроструктуры «Поговори со мной» как книга в книге.

Ценностная природа диалогизма Ю. Вэллы раскрывается в автобиографической побывальщине «Наивысшая форма гармонии». Она композиционно построена как разговор друзей на стойбище, которые в непринужденной обстановке у чувала попытались ответить на вопрос, вынесенный в заглавие этого произведения. Важно, что разговор направлен не на поиск какого-то общего мировоззренческого знаменателя, приемлемого для каждого, а на выражение индивидуальной истины в чувственных образах, во многом обусловленных профессиональной принадлежностью говорящих.

В понимании гармонии представители малочисленных народов Обь-Иртышского Севера (Еремей А., Геннадий Р., Татва Л.) руководствуются общечеловеческой системой ценностей, откристаллизовавшейся в форме традиционных категориальных оппозиций, включенных в ряд природных соответствий: любовь/весна – ненависть; солнце/гармония – ненастье. Хозяин стойбища, автобиографический персонаж Юрий В., свою версию гармонии изобразил в виде триптиха. Его первым элементом является круг: «В ле-

вой части Круг – форма бесконечности. Мой мозг отказывается воспринимать прямую, уходящую в бесконечность, или арифметическую прогрессию. Мне кажется, что где-то там конец должен быть. А *круг* – вот он, я его вижу, осознаю, что это одна из форм бесконечности...» [17, с. 31]. Здесь важно подчеркнуть традиционалистскую целостность мировоззрения поэта, выраженную в форме круга как символа бесконечности.

Помимо круга, мифопоэтический образ гармонии Ю. Вэллы включает еще две составляющие: Хаос с правой стороны и в центре женщину, невесту, продолжательницу рода, стоящую возле Дворца бракосочетания. Очевидно, что системообразующие компоненты «наивысшей формы гармонии» Юрия В. имеют пространственные координаты и образуют мифопоэтическую картину как авторский мирозобраз, ср.: «Если бы я был художником, то это была бы картина» [17, с. 31]. Другими словами, художественное мышление поэта моделирует ситуацию гармонии только с точки зрения узаконенной традицией картины мира. В ней устойчивость бытия обеспечивается механизмами родовой памяти и этноконфессиональной преемственности.

Диалог в этом случае не направлен, как в неклассической культуре, на поиск людьми совместных смыслов существования в быстротеменяющемся мире [15], поскольку смыслы заданы культурной традицией. Их нужно актуализировать в соответствии с законами жизни лесных ненцев, установленными предками. Доверительное взаимодействие сознаний в диалогической модели ненецкого художника слова происходит в зоне понимания и уважения к чужой позиции и этнокультурным основаниям, стоящим за ней. Сравним с эпиграфом ко второй книге Ю. Вэллы «Белые крики»: «Если ты друг, / Постарайся понять меня. / Если ты враг, / Постарайся понять меня. / Если ты просто так – / Увы, ничем не смогу / Быть полезен тебе...» [6, с. 1].

В конце рассказа представлен еще один вариант «наивысшей формы гармонии», озвученный бабушкой поэта Ненги. Слушая бабушкину сказку о девушке, все, кто сидел возле чувала, уснули. Увидев спящих, Ненги «тихо самой себе» сказала: «Когда в одной избушке безмятежно спят и политик, и художник, и врач, и оленевод, и ученый, разве может быть что-то *выше такой гармонии*» [17, с. 32]. Не случайно последнее слово о гармонии исходит из уст сказительницы и носителя ненецкого фольклора, за чьей мудростью стоит многовековая самодийская культура. Перед ней современные люди, оторванные от истоков, становятся подобны детям, которым в

¹ О дидактической природе творчества Ю. Вэллы и других ненецких поэтов см.: [2, с. 304–306].

детстве бабушки рассказывали сказки [3, с. 58]. Также в образах спящих друзей выражается вера поэта в то, что жизнь в единстве с природой и возвращение к непосредственному чувственному («детскому») мироощущению может стать объединяющим фактором при общении людей различных национальностей и религий.

Желание понять душу, постигнуть образ мышления и мировосприятие человека традиционной культуры и пережить, прочувствовать на собственном опыте возрождение, исцеление души на ненецкой земле лежит в основе диалогической ситуации в книге «Охота на лебедей». Диалог разворачивается в виде последовательного чередования реплик-стихотворений лирических героев – оленевода Юрия Вэллы и журналиста Татьяны Юргенсон, приехавшей из северного города погостить на стойбище к другу. Она инициирует лейтмотивную тему всего диалога – тему полета: «Лететь, лететь хочу, как / в снах далеких детства, / Когда доступно все – и мудрость, / и грехи, / И снова знать, что миром / еще не нагляделся, / И все свои мечты переложить в стихи». На эту реплику лирический герой Ю. Вэллы отвечает с позиции ненавязчивого духовного наставничества, что осознает и принимает как должное героиня Т. Юргенсон: «Летать!.. / Да это очень просто – / Шаг, другой... / Толчок, / Расправил крылья и... / Но не спеши. / Дай осмотреться на земле» [17, с. 45].

Полет в ее духовных устремлениях означает открыться навстречу миру, почувствовать «себя новорожденным», стать, как олени, «гармоничной частью» природы, вернуться в состояние детства, лишённое тяжести жизненных противоречий взрослого человека. Но одного желания недостаточно, нужен еще проводник, что всей своей сущностью укоренился в окружающей природе и способен указать путь «врастания» другому: «Научи любить этот мир, / Научи прощать... / Я где-то почти потеряла эти умения, / А ведь когда-то могла, / Вот потому, наверное, / Я так хочу летать. / Без любви не будет легкости. / Без легкости не отрастут крылья. / Без крыльев не полетишь...» [17, с. 47–49].

В синкретическом мышлении лирического героя Ю. Вэллы полет ассоциируется с взмахами весел в обласе, плывущем по реке, со сменой времен года и суток в соответствии с заданным природой ритмом как подъемом и опусканием крыльев, с рождением олененка, со свободой мыслей и чувств – в общем, всем тем, что образует духовный и материальный мир лесного ненца: «Когда впервые опустишь весло в воду / И сделаешь первый / Толчок... / Гребок... / Взмах... / Ты почувствуешь / (Я знаю) / Ощуще-

ние полета / <...> Крыло / И за озером – / Озеро. / И за речкой – / Река. / За рассветом – / Рассвет. / После осени – / Весна... / И на ягельнике / Возле озера / На солнечной проталине / За чумом / Рождается / Новый олененок, / Чтобы завтра / Следом за стадом уйти / На окрепших ногах...» [17, с. 48].

Непосредственно тема, представленная в заглавии книги, вводится через систему образов, противопоставленных метафоре полета: «Но кроме полетных дней, / Оказывается, / Есть будничные...» [17, с. 50]. Известия о не полетных днях приходят из «чужого» большого мира, где в качестве наивысших ценностей, по мнению ненецкого поэта, утверждаются ценности милитаристские, которые предполагают отвечать убийством на убийство: «От Запада до Востока: / Экстремизм!!! / Террор!!! / Убийство!!!» [17, с. 51]. Новости об убийствах мирных жителей в чеченских или палестинских кишлаках выбивают главного персонажа поэмы из привычного ритма жизни, в результате он возвращается с охоты без ожидаемой родственниками добычи: «И ружье мое / Сегодня ни разу не стреляло. / И дети, и внуки, / И жена моя / На ужин утиной лапки не получают». В размышлениях бессонной ночью он приходит к следующему выводу: «На мир скуля, – / Я сам себе скажу – / Хватило б мужества назвать / Убийство убийством» [17, с. 51].

Ответ на лирическую реплику Ю. Вэллы – эмоциональное высказывание героини Т. Юргенсон о том, что возможный выстрел ее друга во время охоты на лебедей сливается с канонадой выстрелов на Земле, образующих «Музыку убийства и войны...»: «И если бы ты выстрелил вчера... / Это бы не было охотой... / Слишком хрупкой казалась эта тишина» [17, с. 52]. Однако несостоятельность данного переживания, противоречащего укладу традиционной жизни охотника в тайге, отрефлексирована самой героиней в следующих стихах: «Эти тревожные чувства / Навяны безжалостным радиоприемником / И такими же жестокими буднями / И, по сути, не имеют права звучать здесь» [17, с. 52]. В результате собеседник автора книги «Поговори со мной», несмотря на перерождение на ненецкой земле, вынужден констатировать, что преобразование оказалось «горьким», потому что в окружающем мире «боли и горя не убавилось...» [17, с. 52]. К тому же в будничной суматохе городской жизни полученный духовный опыт не сможет в полной мере реализоваться, укорениться в сознании, стать образом мыслей и смыслом существования: «Я знаю, что уже через несколько дней в городе меня закружат дела, работа... Но в самые тяжелые минуты я буду вспоминать о днях, прове-

денных на стойбище, с благодарностью и восхищением» [17, с. 52].

В полной мере опасность потери себя в «чужом» мире осознает и лирический герой Ю. Вэллы, когда озвучивает глубокую ценностную связь со своими оленями, осмысленную через понятие «стадный инстинкт» как формулы единения человека и природы: «Мне же / В городе не перестают являться / Олени. / Они всегда со мной: / В поезде или в самолете, / На съезде или на конференции – / Я всегда с ними / <...> Бок о бок хожу / И дыхание каждого чувствую / <...> Мне долго нельзя в городе – / Я отстану от своего стада / И потеряюсь» [17, с. 53].

Завершается диалог описанием размолвки между главными персонажами поэмы, двумя «хорошими и любящими друг друга» людьми [17, с. 54], когда их, сидящих «в одной лодке», отделяет «неосторожно сказанное слово». Обиды, недомолвки и ссоры, по мнению героини Т. Юргенсон, удерживают «у земли» того, кто стремится обрести целостность в гармонии с природой и другими людьми. Однако в заключительном шестистишии, входящем в эпилог книги «Охота на лебедей», все означенные противоречия снимаются утверждением мудрости мира, где «лебеди и люди / пока что имеют равные права на полет» [17, с. 55]. Подчеркнутая на фонетическом уровне тождественность человеческого и природного в лексемах «лебеди и люди» становится поэтическим выражением мировосприятия ненецкого поэта, готового на диалог с любым Другим по законам и ценностям, подсказанным самим миром.

Книга «Охота на лебедей» наряду с загадками от Татвы и стихотворением «Золотое Руно» в исследуемом варианте четвертой книги Ю. Вэллы переведены на французский язык. «Загадки мои» также построены в форме диалога, только между двумя оленеводами, что знают изнутри обычаи и бытовые реалии жизни на стойбище:

– Чтобы это такое было: вся в личинках шкура белого оленя?

– Звезды.

– Безрогого дикого оленя шкура после выделки вся в дырках.

– Это следы личинок овода.

– Конечно!

– Глянешь сквозь шкуру на небо, и словно звезды перед глазами.

– Живущий под дымокурдом домашний олень ведь не такой?

– Да! [17, с. 20].

Помимо очевидной репрезентативности загадок, позволяющих человеку другой нации и культуры прикоснуться к традиционному сло-

весному творчеству ненцев и сформировать представления об их повседневном быте, важно подчеркнуть гармонизирующее значение этого жанра для оленеводов с реки Аган, озвученное в эпиграфе книги «Поговори со мной»: «Если ненец не вспомнил / или не угадал ни одной загадки – / о какой гармонии может идти речь...» [17, с. 5]. Заметим, что все четырнадцать загадок от Татвы в дружеском диалоге были отгаданы. Это может означать утверждение художником слова мудрости мира и гармонии существования человека в естественной природной среде.

Стихотворение «Золотое Руно» является своеобразным продолжением диалога между Ю. Вэллой и Т. Юргенсон в плане милитаристской проблематики и прочитывается как послание просвещенному миру, который видится поэту разделенным на два противостоящих лагеря – террористы и «борцы с терроризмом»: «Сегодня ж / На планете моей / Есть только одни террористы / И борцы с терроризмом. / По всей планете, / Отчаявшиеся до крайности, / Только одни террористы, / С которыми не надо разговаривать, / Не надо спрашивать их мнения» [17, с. 89]. Поэт, с одной стороны, фиксирует, что в начале 2000-х гг. формируется в международном политическом дискурсе устойчивый понятийный аппарат для описания дестабилизирующей силы мирового порядка. Но, с другой стороны, он проблематизирует данную антитезу, поскольку для него она не является такой ценностно релевантной, как «традиционная» категориальная оппозиция, построенная на противопоставлении борцов за идеалы «Правды», «Свободы», «Чести», «Справедливости», «Веры», «Родины», представленной образами национальных жилищ (хата, изба, сакля, юрта, чум), и их «покорителей и угнетателей»: «Работоторговцы и рабовладельцы, / Помещики, крепостные и самодержцы, / Инквизиции, / Конкистадоры, / Колонизаторы, / Военные диктаторы, / Фашистские самодуры, / Красные политголоворезы, / „Шестерки“ культичностей» [17, с. 88–89]. В результате лирическим героем ценностная основа оппозиции «террористы» и «борцы с терроризмом» рассматривается сквозь призму образа «Золотое Руно», символизирующего богатство и власть, как причины конфликтов и войн на Земле: «Мне кажется, / Я крепко спал / И что-то упустил / Своим умишком... / А может быть, / Все гораздо проще? / У кого-то есть Золотое Руно, / Которое соблазнительно нравится / Другим?» [17, с. 90].

Подобного рода размышления (или, точнее, «сомнения» [17, с. 90]) обусловлены тем, что поэт, по наблюдениям А. С. Жулевой, «ощущал душевную тревогу за человечество, о чем свиде-

тельствуют и беседы с сородичем о разноликом грядущем конце света, изложенные в разделе „Апокалипсис“ (книга „Земля любви“)» [2, с. 301]. Отметим, что осознание автором книги «Поговори со мной...» ответственности не только за родную землю, но и за всю планету (ее он называет «моей») происходило под влиянием дискурса межнациональной солидарности и укрепления «мира во всем мире» в советском обществе 1970–80-х гг. Для сравнения обозначим, как народный аварский поэт Р. Гамзатов в книге «Мой Дагестан» выражает свою гражданскую позицию: «Но в своем сердце я чувствую гражданскую ответственность не только за Аваристан, не только за весь Дагестан, не только за всю страну, но и за всю планету. Двадцатый век. Нельзя жить иначе» [18, с. 48]. В данном контексте следует рассматривать признание Ю. Вэллы в автобиографии, что он «в свое время написал заявление добровольца во Вьетнам» и был «категорически против любых военных действий в Чечне, и этому посвящена поэма „Охота на лебедей“» [17, с. 127]. Гражданская ответственность Ю. Вэллы подкреплялась его общественной активностью в качестве национального лидера сибирских лесных ненцев. Югорский художник слова, как и многие поэты и писатели народов СССР и России (Ч. Айтматов, А. Кешоков, Р. Гамзатов, Е. Айпин и др.), был депутатом местных органов власти и на протяжении всей жизни занимался общественной работой по защите родовой территории и культуры малочисленных народов Обь-Иртышского Севера от последствий нефтегазового освоения Западной Сибири.

В заключение обратимся к текстам Ю. Вэллы, расположенным в самом конце книги. Они имеют общее название «Поговори со мной (история одного перевода)» и образуют билингвальную модель книжной репрезентации произведений поэта, включающую оригинальный рассказ на ненецком языке, комментарий к нему и два авторских перевода этого малоформатного текста на русский язык: подстрочный и художественный¹. В данной модели и ее заглавии, в частности, совпадающем с названием всей книги, формируется диалогическое пространство взаимодействия ненецкой и русской культуры в свете билингвального самосознания автора, создающего художественные тексты на двух языках. В результате народная словесная культура малочисленного народа Обь-Иртышского Севера в творчестве Ю. Вэллы обретает новые формы художественного бытования, позволяющие сохра-

нить ее национальную специфику: «А о красивой девушке старики молодым людям говорят: <...> „Семь дней назад съеденные ею продукты насквозь просматриваются!“». Вот эта ненецкая фраза и подобные ей могут, наверное, служить основой для перевода с русского на ненецкий понятий „красивый“, „прекрасная“, „Красавица“» [17, с. 122]. В то же время Ю. Вэлле важно было зафиксировать в читательском сознании основные этапы творческой работы над переводом, чтобы, в зависимости от адресата, обозначенного в заглавии книги, осуществлять эстетическую коммуникацию по законам либо традиционной дидактики, либо традиционного для ненцев гостеприимного общения с тем, «кто хотел бы послушать ненецкую душу» [17, с. 2]. Именно благодарному гостю-читателю поэт открывает секреты художественного мастерства и предлагает стать соавтором своих произведений.

Заключение

Проведенное исследование показало, что важнейшими предпосылками в формировании диалогической составляющей книги Ю. Вэллы «Поговори со мной» являются принадлежность поэта к этнокультурной традиции на правах национального лидера западносибирских ненцев, его традиционалистский тип художественного сознания, языческие религиозные представления, мифопоэтическая картина мира и соответствующая система духовных ценностей. Автор рассматриваемой книги ставил перед собой задачу выстраивания в книготворческой практике диалога с мировым сообществом по проблемам национального и общечеловеческого характера. По этой причине программные тексты в его четвертой книге (как издательском проекте) переведены на отдельные европейские и тюркские языки.

Были рассмотрены такие системообразующие ценностные компоненты диалогического сознания Ю. Вэллы, как братская солидарность с другими народами, проживающими внутри страны и за ее пределами, ответственность за мир на планете, переживание с глубокой тревогой за судьбу мирных жителей во время вспыхивающих межнациональных конфликтов в различных уголках земного шара. Развитие антимилитаристского мироощущения поэта как художественной интуиции, во-первых, определяется особым складом его душевной организации и гармоничным существованием в единстве с природным Космосом согласно традиционному образу жизни лесных ненцев, а во-вторых, подготавливается его школьным и институтским воспитанием, направ-

¹ См. анализ поэтики и аксиологии рассказа Ю. Вэллы «Поговори со мной»: [21, с. 113–129].

ленным, в частности, на формирование гражданской позиции в контексте политической активизации советского общества второй половины XX в. на защиту мира от войны.

В книге «Поговори со мной» автор демонстрирует глубокое уважение и отзывчивость к чужой позиции, желание подсказать, помочь другому человеку справиться с душевными сомнениями и проявить свой жизнетворческий потенциал. В этом случае диалог принимает характерную для тради-

ционалистского сознания форму наставничества, доверительного отношения к слову югорского мастера стиха и прозы со стороны того, кто хотел бы а) овладеть искусством художественного перевода (для этих целей автор, словно в учебном пособии, отводит в книге специальное место); б) освоить правила оленеводческого ремесла («Азбука для оленевода»); в) постичь тайну ненецкой души и открыться в духовном порыве навстречу миру (поэма «Охота на лебедей»).

Список источников

1. Арзамазов А. А. Наедине со всеми: художественный мир лесного ненца Юрия Вэллы // *Studia Litterarum*. 2020. № 3. С. 290–307.
2. Жулева А. С. Художественное и ролевое жизнетворчество Юрия Вэллы (Айваседы) (80-е годы XX – начало XXI в.) // *Мифопоэтическая модель в ненецкой культуре*. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 282–310.
3. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 260 с.
4. Niglas L. Yuri Vella on the move: driving a Uazik in Western Siberia. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol49/niglas.pdf> (дата обращения: 15.12.2023)
5. Toulouze E., Niglas L. Yuri Vella's Fight for Survival in Western Siberia: Oil, Reindeer and Gods. Cambridge Scholars Publishing, 2019. 344 p.
6. Вэлла Ю. Белые крики. Книга о вечном. Сургут: Нефть Приобья, 2000. 168 с.
7. Новикова Н. И. Модель многокультурности Юрия Вэллы // *Вестник угроведения*. 2018. Т. 8, № 2. С. 376–384.
8. Лагунова О. К. Этнофилологический подход к литературному явлению: проблемы методологического поиска // *Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова*. 2012. № 1 (1). С. 4–8.
9. Султанов К. К. Национальная самобытность и художественная ценность: к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 2. С. 230–251.
10. Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск: Агро: Солярис: ЦЭРИС, 2001. 124 с.
11. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
12. Корниенко О. Вэлла – поэт, оленевод, человек. Интервью Ольги Корниенко к 60-летию. URL: <http://jurivella.ru/wp/rus/вэлла-поэт-олeneuve-человек/> (дата обращения: 15.12.2023).
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
14. Лагунова О. К. Введение // *Проза А. Неркаги в контексте русскоязычной культуры последней трети XX века* / под. ред. С. А. Комарова, О. К. Лагуновой. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2019. С. 6–31.
15. Тюпа В. И. Диалог согласия // *Новый филологический вестник*. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-soglasiya> (дата обращения: 15.12.2023).
16. Buber M. Ich und Du. Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2008. 142 p.
17. Вэлла Ю. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. Ханты-Мансийск: Приобье, 2004. 128 с.
18. Гамзатов Р. Мой Дагестан. М.: Известия, 1977. 431 с.
19. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения): в 3 ч. Ч. 3: Антропология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 288 с.
20. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русское слово, 1996. Т. 5. 731 с.
21. Чижов Н. С. Книга Ю. Вэллы «Поговори со мной» как художественное целое: композиция и архитектура // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2023. № 32. С. 113–129.

References

1. Arzamazov A. A. Nayedine so vsemi: khudozhestvennyy mir lesnogo nentsa Yuriya Velly [Alone with everyone: the artistic world of the Forest Nenets Yuri Vella]. *Studia Litterarum*, 2020, no. 3, pp. 290–307 (in Russian).
2. Zhuleva A. S. Khudozhestvennoye i rolevoye zhiznetvorchestvo Yuriya Velly (Ayvasedy) (80-e gody XX – nachalo XXI vv.) [Artistic and role-playing life-creativity of Yuri Vella (Aivaseda) (80s of the XX – beginning of the XXI centuries)]. *Mifopoeticheskaya model' v nenetskoy kul'ture* [Mythopoetic model in Nenets culture]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, pp. 282–310 (in Russian).
3. Lagunova O. K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti XX veka* (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi) [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty in the last third of the XX century (E. Aypin, Y. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2007. 260 p. (in Russian).
4. Niglas L. *Yuri Vella on the move: driving a Uazik in Western Siberia* (in Russian). URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol49/niglas.pdf> (accessed 15 December 2023).
5. Toulouze E., Niglas L. *Yuri Vella's Fight for Survival in Western Siberia: Oil, Reindeer and Gods*. Cambridge Scholars Publishing, 2019. 344 p.
6. Vella Yu. *Belyye kriki. Kniga o vechnom* [White screams. A book about eternal]. Surgut, Neft' Priob'ya Publ., 2000. 168 p. (in Russian).
7. Novikova N. I. Model' mnogokul'turnosti Yuriya Velly [Model of multiculturalism of Yuri Vella]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 376–384 (in Russian).
8. Lagunova O. K. Etnofilologicheskiy podkhod k literaturnomu yavleniyu: problemy metodologicheskogo poiska [Ethnophilological approach to a literary phenomenon: problems of methodological search]. *Vestnik IGPI im. P. P. Ershova – Ishim State Pedagogical Institute Bulletin im. P. P. Ershova*, 2012, no. 1 (1), pp. 4–8 (in Russian).
9. Sultanov K. K. Natsional'naya samobytnost' i khudozhestvennaya tsennost': k voprosu o vzaimodopolnyayemosti etnokul'turnogo diskursa i aksiologicheskogo podkhoda [National identity and artistic value: on the question of the complementarity of ethnocultural discourse and the axiological approach]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 5, no. 2, pp. 230–251 (in Russian).
10. Spodina V. I. *Predstavleniye o prostranstve v traditsionnom mirovozzrenii lesnykh nentsev Nizhnevartovskogo rayona* [The concept of space in the traditional worldview of the forest Nenets of the Nizhnevartovsk region]. Novosibirsk, Agro; Solarys; TSERIS Publ., 2001. 124 p. (in Russian).
11. Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Tundra nomads: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2004. 344 p. (in Russian).
12. Korniyenko O. *Vella – poet, olenevod, chelovek. Interv'yu Ol'gi Korniyenko k 60-letiyu* [Vaella is a poet, a reindeer breeder, a person. Olga Kornienko's interview for the 60th anniversary] (in Russian). URL: <http://jurivella.ru/wp/rus/v-ella-poet-olenevod-chelovek/> (accessed 15 December 2023).
13. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 444 p. (in Russian).
14. Lagunova O. K. Vvedeniye [Introduction]. In: Komarov S. A., Lagunov O. K. (Eds). *Proza A. Nerkagi v kontekste russkoyazychnoy kul'tury posledney treti XX veka* [Prose by A. Nerkagi in the context of Russian-language culture of the last third of the XX century]. Tyumen, UTMN Publ., 2019. Pp. 8–15 (in Russian).
15. Tyupa V. I. “Dialog soglasiya” kak neoritoricheskiy proyekt Bakhtina [“Dialogue of Consent” as Bakhtin's neorhetorical project]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin* (in Russian). URL: <http://dialogical-humanities.uni-goettingen.de/ru/2013/10/24/> (accessed 15 December 2023).
16. Buber M. *Ich und Du*. Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2008. 142 p.
17. Vella Yu. *Pogovori so mnoy: kniga dlya nenetskogo studenta i dlya togo, kto khotel by poslushat' nenetskuyu dushchu* [Talk to me: a book for a Nenets student and for those who would like to listen to the Nenets soul]. Khanty-Mansiysk, Priob'ye Publ., 2004. 128 p. (in Russian).
18. Gamzatov R. *Moy Dagestan* [My Dagestan]. Moscow, Izvestiya Publ., 1977. 431 p. (in Russian).
19. Sagatovskiy V. N. *Filosofiya razvivayushcheyssya garmonii (filosofskiye osnovy mirovozzreniya) v 3-kh chastyakh* [Philosophy of developing harmony (philosophical foundations of worldview): in 3 parts. Part 3: Anthropology]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1999. 288 p. (in Russian).
20. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow, Russkoye slovo Publ., 1996, vol. 5. 731 p. (in Russian).

21. Chizhov N. S. Kniga Yu. Velly “Pogovori so mnoy” kak khudozhestvennoye tseloye: kompozitsiya i arkhitektonika [Yu. Vella’s book “Talk to Many” as artistic wholes: composition and architectonics]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye – Text. Book. Publishing*, 2023, no. 32, pp. 113–129 (in Russian).

Информация об авторе

Чижов Н. С., кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет (ул. Володарского, 6, Тюмень, Россия, 625003).

E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

Information about the author

Chizhov N. S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tyumen State University (ul. Volodarsky, 6, Russian Federation, Tyumen, 625003).

E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

Статья поступила в редакцию 05.01.2024; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 05.01.2024; accepted for publication 23.03.2024

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 82-12

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-141-151>

«Марк Антоний, или Клеопатра» (1635) Ж. Мерэ: классицистическая трагедия в поиске новых принципов драматизации исторического сюжета

Лариса Алексеевна Симонова

Библиотека-читальня им. А. С. Пушкина, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0001-7019-0215, mouette37@yandex.ru

Аннотация

Трагедия «Марк Антоний, или Клеопатра» Ж. Мерэ рассматривается как явление переходное, что служит характерным признаком французского театра 30-х гг. XVII в. – периода возвращения на сцену трагедийного жанра и предпринимаемых драматургами (Ж. Мерэ, Ж. де Ротру, П. Корнелем, Ж. де Скюдери) усилий его поэтологического обновления. Акцент делается как на связи текста Мерэ с гуманистической трагедией XVI в. (в частности, с текстами Э. Жоделя «Пленённая Клеопатра» и Р. Гарнье «Марк Антоний»), что прослеживается в отчетливо выраженной риторической природе драматургического дискурса – большая часть высказываний главных действующих лиц строится по принципу официальной, публичной речи, выстраиваемой в строгом соответствии с политической ролью (идея истории как театра), так и на установке автора на оригинальность разработки известного сюжета, что просматривается в широте охвата и смысловом усложнении исторической событийности, достигаемых в том числе и за счет вытеснения любовной линии интриги. Выведенная на первый план история оказывается лишена драматизма – в ней не обнаруживается конфликтности, трагедийного напряжения, так что Мерэ вынужден возвращаться к любовному конфликту как двигателю сценического действия, которое активизируется посредством введения фигуры Октавии – первой жены Антония и соперницы Клеопатры. При заметных попытках Мерэ перестроить структурные основы трагедии и апробировать новые принципы драматизации истории наблюдаемое в дискурсивном поведении героев значительное расхождение личного и официально-ролевого планов приводит к неопределенности, провалам значимых смыслов в событиях и деталях, а также в самих характерах персонажей и их взаимоотношениях. Решительная перестройка традиционных сюжетно-композиционных звеньев трагедии наряду с обнаружением продуктивных механизмов идейно-смыслового конфликтного напряжения будет осуществлена только Корнелем, который сможет найти качественно новые способы драматизации исторического материала, прямым предварением чему и являются эксперименты Мерэ.

Ключевые слова: трагедия, гуманистическая драма, исторический сюжет, любовная интрига, риторика, публичная роль

Для цитирования: Симонова Л. А. «Марк Антоний, или Клеопатра» (1635) Ж. Мерэ: классицистическая трагедия в поиске новых принципов драматизации исторического сюжета // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 141–151. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-141-151>

LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

“Marc Antoine, ou la Cleopatre” (1635) by J. Mairet: a classic tragedy in search of new principles of dramatization of the historical plot

Larisa A. Simonova

Library named after A. S. Pushkin, Moscow, Russian Federation,
ORCID: 0000-0001-7019-0215, mouette37@yandex.ru

Abstract

The tragedy “Marc Antoine, ou la Cleopatre” by J. Mairet is considered as a transitional phenomenon, which serves as a characteristic feature of the French theater of the 30s of the XVII century – the period of the return of the

© Л. А. Симонова, 2024

tragic genre to the stage and the efforts of its poetical renewal undertaken by playwrights (J. Mairet, J. de Rotrou, P. Corneille, J. de Scudery). The emphasis is placed both on the connection of the Mere text with the humanistic tragedy of the XVI century (in particular, with the texts of E. Jodel "The Captive Cleopatre" and R. Garnier "Marc Antoine"), which can be traced in the clearly expressed rhetoric nature of dramatic discourse – most of the statements of the main characters are based on the principle of official, public speech, built in strict accordance with the political role (the idea of history as a theater), and on the author's attitude to the originality of the development of a well-known plot, which is seen in the breadth coverage and semantic complexity of historical events, achieved, among other things, due to the displacement of the love line of intrigue. The story brought to the fore turns out to be devoid of drama – there is no conflict, no tragic tension, so Mairet is forced to return to the love conflict as the engine of the stage action, which is activated by the introduction of the figure of Octavia – Antony's first wife and Cleopatra's rival. With Mairet's noticeable attempts to reorganize the structural foundations of the tragedy and test new principles for dramatizing history, a significant divergence of personal and official-role plans, observed in the discursive behavior of the characters, leads to uncertainty, failures of significant meanings in events and details, as well as in the characters themselves and their relationships. A decisive restructuring of the traditional plot and compositional links of the tragedy, along with the discovery of productive mechanisms of ideological and semantic conflict tension, will be carried out only by Corneille, who will be able to find qualitatively new ways of dramatizing historical material, a direct preview of which are the experiments of Mairet.

Keywords: *tragedy, humanistic drama, historical plot, love intrigue, rhetoric, public role*

For citation: Simonova L. A. "Mark Antoniy, ili Kleopatra" (1635) Zh. Mere: klassitsisticheskaya tragediya v poiske novykh printsipov dramatizatsii istoricheskogo syuzheta ["Marc Antoine, ou la Cleopatre" (1635) by J. Mairet: a classic tragedy in search of new principles of dramatization of the historical plot]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 141–151 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-141-151>

Введение

«Марк Антоний, или Клеопатра» (1635) – второе произведение Ж. Мерэ в жанре трагедии, оно было создано драматургом после успеха его «Софонисбы», которой по многим причинам значительно уступает. В случае с «Марком Антонием» Мерэ берет за слишком известный исторический сюжет, который до него многократно драматически разрабатывался (к истории Клеопатры обращались Э. Жодель¹, Р. Гарнье²). Перед Мерэ стояла непростая задача – не повторить своих предшественников³ и вместе с этим

соблюсти все законы трагедии как высокого жанра [9, 10] (именно этой установкой автора можно объяснить наличие заметного числа перебивающих ритм диалогов, слишком растянутых монологов, отличающихся особой величественностью, которая придает ощущение значительности всего происходящего, но, что обнаруживает слабые стороны в исполнении замысла, почти нисколько не объясняющих характеры и не передающих остроту переживаемой героями ситуации⁴). Мерэ как бы заглядывает через головы своих предшественников: отказывается от попытки, углубляя психологическую прорисовку персонажей, искать новые ракурсы довольно традиционного в навязчиво-очевидном значении «соблазн – гибель» любовного конфликта и возвращается непосредственно к фактическому историческому материалу, обновляя и расширяя поле изображения за счет многочисленных – общего и частного характера – деталей, получающих более или менее подробное объяснение в высказываниях действующих лиц (заслугой Ж. Мерэ является «связь между традицией и нововведением», поиск «смысла исторического движения, организационной роли времени и ме-

¹ Характер драматизации истории Антония и Клеопатры в трагедии Э. Жоделя «Плененная Клеопатра» прослежен в работах Ж. Буллэ [1, р. 6–13], Э. Бюрон [2] и А. Турнона [3, р. 29–30].

² О разработке исторических сюжетов в творчестве Р. Гарнье, в частности трагедии «Марк Антоний», а также влияние драматурга на развитие французской драмы XVII в. см.: Ф. Шарпантье «К проблеме прочтения гуманистической трагедии. Жодель, Гарнье, Монкретьен» [4], М. Гра «Робер Гарнье, его искусство и его метод» [5], М. Сахаров «Герой, его свобода и его действие. От Гарнье до Ротру» [6].

³ Одна из главных особенностей пьесы Ж. Мерэ «Марк Антоний, или Клеопатра» заключается в ее формальной близости к французской гуманистической трагедии XVI в., ее анализ позволяет говорить о преемственной связи классицистической трагедии по отношению к предшествующему этапу в развитии драмы, как об архаических чертах, так и о новаторских решениях драматургов XVII в. в построении драматического действия. Близкий нашему методологическому подходу принцип рассмотрения французской трагедии второй половины XVI – первой половины XVII в. как непрерывного процесса представлен в монографиях Ш. Дельма «Трагедия классицистической эпохи (1553–1770)» [7] и Э. Форсайта «Французская трагедия от Жоделя до Корнеля (1553–1640)» [8].

⁴ Риторическая природа трагедии XVI в., которая определяет статику, преобладание слова, а не действия (когда, по словам Ш. Мазуэ, «трагедия статична, персонаж действует мало, но спорит, жалуется, рассказывает... кажется почти простым носителем слова, а не субъектом действия» [11, р. 198]), служит предметом исследования в статье «Гуманистическая трагедия» М. Лазара [12] и Ф. Добби-Пуарсона «Патетика в театре Робера Гарнье» [13].

ста как главных категорий театра» [14, с. 439]). Согласно замыслу Мерэ, главные герои – Антоний и Клеопатра – должны были быть прежде всего историческими личностями в самом широком смысле, то есть представлять собой историю – быть средоточием превышающих их единичность сил, воплощением развивающейся общей закономерности, сущность которой составляет некая безусловная идея. На это работают многие реплики, в которых Антоний и Клеопатра предстают в роли правителей, а также посредством неоднократного упоминания Юлия Цезаря включение в текст крупномасштабного прошлого, в котором участвовали оба героя, и, наконец, введение противодействующей позиции – Октавии. Но, даже несмотря на подобное усиление политического контекста, серьезного исторического укрупнения главных действующих фигур, которое могло бы направлять развитие сюжета и сущностно определять конфликт, в трагедии Мерэ нет. Выведенная на первый план и вытеснившая собой любовную линию история (в этом и состоял новаторский подход Мерэ к разработке столь популярного сюжета) оказывается лишена драматизма – в ней нет конфликтности, нет напряжения, нет движения, то есть она не может составлять сценического (в большей или меньшей степени риторического характера – не важно) действия. Это и заставляет Мерэ обращаться к любовным отношениям, которые определяют катастрофу, но глубокого раскрытия не получают. Главная – личностная – причина событий оказывается выпущена, не проявлена, на нее только с периодичностью указывается (такая ситуация сохраняется вплоть до самоубийства Антония (пятый акт), где на первый план выступает сугубо интимное), историческое же, относительно героев ролевое заполняет почти все пространство драматического текста, но лишено сущностной активности саморазвития. Отсюда – ослабляющее, подрывающее единство драматической структуры расхождение любовного и исторического планов, которые вследствие их несоответствия, отсутствия прочного наложения одного на другой, не получают достаточного проявления, не достигают их возможного осуществления в становящемся действии. Это, в частности, приводит к неопределенности, провалам значимых смыслов в дискурсивно выражаемых событиях и деталях, а также в самих характерах персонажей и их взаимоотношениях.

Результаты и обсуждение

Герои произносят длинные монологи, которые совсем не отражают их положения и не передают их состояния, однако отвечают их роли людей

власти, при этом содержание и пафос этих растянутых высказываний – всегда публичных – задан жанровой традицией. Так, трагедия начинается с торжественной речи Марка Антония, обращенной им к войску, в ней полководец превозносит беспримерное мужество солдат, уверенно говорит об их будущей победе, с твердостью дает обещание изменить ход событий, указывает на свидетельства помощи им богов. Рисуя картину ожидающего его партию военного успеха, он настаивает на возможности разгромить осаждающего Александрию Октавиана и заставить его вернуться в Рим, который вскоре должен быть им самим взят. С сугубо формальной точки зрения такой пролог достаточно традиционен: вполне привычная риторика войны, выдвижение на первый план главного героя как воплощения доблести, установка на ожидание приближающихся судьбоносных событий. Казалось бы, первая сцена как нельзя лучше функционально отвечает драматическому вступлению: вводит зрителя в курс происходящего (сообщается о том, что предшествовало настоящему моменту, каковы обстоятельства, в которые втянуты персонажи), а также определяет главного героя в его основных ролевых качествах (Марк Антоний предстает отважным, решительным, верным войску и уверенным в своих силах полководцем). Однако уже в этой открывающей трагедию сцене не совсем отчетливо, но все же обнаруживается противоречие. Мерэ слишком настойчиво представляет здесь Антония не любовником Клеопатры, но идеальным воином, противником Цезаря, здесь же драматург устами своих героев указывает на детали известных исторических событий, однако таким образом, что их пафос и итог остаются завуалированными и акцент явно смещается на судьбоносное, обнадеживающее «сейчас». Зритель/читатель, внимание которого благодаря высказываниям действующих лиц оказывается обращено к хорошо известным фактам, не может не заметить нестыковки: воодушевленность доблестного Антония, оптимистичность его прогнозов, сам возвышенно-героический характер реплик участников первой сцены не соответствуют изображаемым обстоятельствам. В открывающей трагедийное действие сцене представлено все так, как будто происходящее предшествует решающим событиям, на самом же деле оно следует за ними: судьба Антония и его войска уже решена – битва при Акции уже состоялась, она была полным поражением полководца – бесславным, позорным, и ничего изменить уже нельзя. Разумеется, герой не является тем идеальным предводителем войска, каким представляется в своей речи: он предал своих солдат, его действия

стали главной причиной разгрома его сил. Марку Антонию остается только переживать свой провал и идти навстречу смерти как единственному спасению от бесчестия (такой образ обреченного на гибель римского полководца был задан всеми предшествующими драматическими разработками этого исторического сюжета). Переломить устойчивую традицию интерпретации истории Марка Антония и Клеопатры Мерэ не может, да он и не ставит перед собой подобной задачи, что подтвердит и дальнейшее развитие действия. Тогда зачем драматург избирает такой, казалось бы, провокационный ход, создавая образ того, чего нет? Это, на что было отчасти указано, объясняется самим замыслом: показать известный античный сюжет с иной стороны, изобразить Марка Антония и Клеопатру не любовниками, но историческими фигурами, чему и должна была служить традиционная жанровая форма, пришедшая из предклассицистической трагедии уже достаточно хорошо разработанная в ракурсе героического драматического риторика.

Однако у Мерэ подобная риторика (примером которой является рассмотренная первая сцена первого акта), используемая как значимый структурный элемент, не имеет под собой прочного основания – она не соответствует ни разворачиваемому действию, ни характерам. Доказательством чего служит вторая сцена, полностью опровергающая то, о чем говорилось в первой. В разговоре со своим другом Луцием Марк Антоний признается, что все им сказанное перед войском – неправда: он не верит в победу, как и в преданность своих солдат, изменивший сам, он уже был свидетелем измены ему его людей. Здесь герой предстает растерянным, болезненно осознающим поражение, свою обреченность. Такой Марк Антоний ни на что больше не способен. Примечательно, что герой никак не переживает своей связи с Клеопатрой: Мерэ явно избегает опасности повториться. В его трагедии Марк Антоний до пятого акта ничего не говорит ни об их с Клеопатрой любви, ни о ее поведении при Акции: личное вытесняется политическим, однако нельзя сказать, что такой новаторский ход успешно осуществляется драматургом. Уже первый акт с его разворачивающимся в пустоте, не имеющим действительной опоры дискурсом свидетельствует о провале замысла Мерэ. Историческому как таковому, которое могло бы определять характер героев, как и систему персонажей, а также направлять развитие драматического сюжета, не на чем удержаться, не в чем укрепиться. Историческое должно держаться на превосходящей единичности персонажей, как и отдельный поступок, абсолютной идее, способной

распространяться на всю драматическую структуру, обладающей потенциалом саморазворачивания на разных уровнях – характеров, композиции, сюжета. Для Мерэ смыслы любовной линии оказались исчерпаны, тогда как смыслы политической линии были еще не найдены. Перенос центра тяжести дискурсивно-риторического на историческое, которое не имеет прочных смысловых оснований, приводит к распаду скрепляющих связей всего структурного построения пьесы, а значит, и к ослаблению, «размыванию» образов. В трагедии Мерэ отсутствует тот центр, из которого должны были вырастать характеры Марка Антония и Клеопатры. Относительно персонажей историческое есть ролевое, которое не может в них укрепиться, иначе говоря, это то внешнее, публичное, которым они не живут, которое ими прямо опровергается. Отсюда, между ролевым, публичным и личным, скрытым образуются разрыв, «зияние», которое периодически обнаруживается при переходе от одной сцены к другой. Как было сказано, в первой сцене первого акта Марк Антоний ведет себя как положено претендующему на победу над Цезарем и властью в Риме прославленному полководцу, тогда как в следующей сцене он предстает опустошенным горем, подавленным поражением человеком. Это же можно наблюдать и на примере Клеопатры: египетскую царицу тяготят мрачные предчувствия, она охвачена тоской и страхом в ожидании захвата римлянами Александрии, однако ее статус не позволяет ей показывать истинных чувств, если они могут ослабить ее политические позиции, и она должна притворяться даже перед Антонием, разыгрывая воодушевление и надежду. Заметим, что это не является насилием над собой ради мыслимого блага, иначе говоря, превозмоганием себя ради должного (как будет у Корнелия), у Мерэ это прикрытие, искусственность, игра, в которую сами герои не верят и которой следуют по инерции – нужно до конца быть теми, кого в них привыкли видеть, кем они когда-то (до разгрома их флота при Акции) выступали. Довольно внушительные по объему монологи, которые публично произносят Антоний и Клеопатра (то есть за исключением тех, которые они произносят в присутствии конфидентов: Антоний – друга Луция, Клеопатра – двух служанок), есть «пустая риторика», которая не объясняет ни персонажей, ни действия, а лишь заполняет пространство драматического текста, при этом подрывая его единство, разбивая на части. Сами герои прямо говорят о бесполезной принудительности их поведения «по правилам», определяя свои высказывания как «учтивость», «торжественную речь», «притворство». Расширение ис-

кусственного, «дублирующего» дискурса приводит к сокращению дискурса «правдивого», то есть такого, который был бы раскрытием личностной первопричинности. В трагедии Мерэ как бы действует запрет на обнаружение того, что на самом деле испытывают главные герои по отношению друг к другу. Антоний и Клеопатра избегают говорить о связывающем их чувстве, стараются вообще не встречаться друг с другом, боясь, что при встрече откроется их общая рана и они уже не смогут вести себя «как должно» (один и другой в общении друг с другом прибегают к посредничеству их приближенных). Любовная связь вытесняется из высказываний обоих персонажей, так, в монологах Клеопатры их с Антонием страсть сводится к роковому несчастью, которое подорвало их социально-ролевое, в котором они до их встречи пребывали. Клеопатра говорит о «великолепии», «славе», «богатстве», «могуществе», «блеске», которыми они обладали до их знакомства, согласно ее словам, их с Антонием связь и определила их падение, без нее они оставались бы успешными правителями («Я мирно царствовала бы в плодородном Египте, а он бы был правителем полумира...» [15, с. 28]). В границы этого ролевого – исторического – и хочет возратить Мерэ своих героев, вкладывая в их уста соответствующую их статусности велиречивость. Однако разрыв с этим устойчивым, успешным привилегированным положением уже произошёл, и показать этот раскол одновременно в социальном и частном Мерэ не смог. После позорного бегства в сражении при Акции герои уже не могут быть теми, кем были раньше, их падение уже произошло, Антоний и Клеопатра не могут «дотянуть» до тех ролей, с которыми традиционно должны были бы совпадать.

Целые сцены представляют собой не что иное, как разыгрываемый героями спектакль. Так, в четвертой сцене первого акта Антоний и Клеопатра играют друг перед другом тех, кем уже не являются. Этому «представлению» соответствует официальная обстановка, в которой заинтересованы оба героя: встреча любовников происходит в присутствии приближенных, перед тем, как принять Антония, Клеопатра просит принести ей корону – царское облачение помогает ей принять вид, исполненный достоинства и величия. Разговор между Антонием и Клеопатрой походит на прием царицей своего военачальника, который докладывает ей об исполнении ее приказа. В самом начале диалога Антоний только один раз, вскользь, якобы говоря неправду (здесь проверка реакции Клеопатры), признается в том, что «надежда есть сокровище», которого у них больше нет. Эта мысль выражает действительное

состояние героев, однако не получает дальнейшего раскрытия. Антоний настойчиво разыгрывает перед Клеопатрой победу, превознося невиданные подвиги своих солдат, которые должны обеспечить их триумф в предстоящем сражении с войском Цезаря. Клеопатра, умело пряча тревогу и мрачные предчувствия, разыгрывает твердость и веру в успех. В этой публичной сцене официальное скрывает личное – связывающие героев чувства почти совсем дискурсивно не проявляются. Клеопатра лишь вскользь упоминает о них как о постоянстве, в устах же Антония они оказываются вправлены в батальную риторику, семантически сближаясь с воинской доблестью: римский полководец утверждает, что любви египетской царицы он обязан большей славой, чем «титлом властелина и победителя» [15, с. 24], что ее образ вдохновляет его на победы, зажигает в нем «тот благородный пыл, который возбуждает в его героическом сердце мужество», и возвышает его над опасностями (что абсолютно противоречит опыту сражения при Акции: Антоний прекрасно знает, что любовь к Клеопатре стала причиной его падения, запятнавших его честь уступок Августу). Театральность того, что происходит и о чем говорится в сцене приема Клеопатрой Антония, подчеркивается вручением царицей венка победителя полководцу, который в свою очередь озвучивает амбициозный замысел завладеть миром. Эта демонстративность величия опровергается предшествующей и последующей сценами, в которых герои остаются наедине со своими приближенными и выражают растерянность и беспокойство в предчувствии их окончательного поражения. Никакое торжество уже невозможно: в разговоре с Луцием Антоний признается, что, сомневаясь в победе, уже прибегал к разным способам заключить с Октавием мир. Таким образом, усилия героев доиграть свои политические роли каждый раз наталкиваются на препятствие, которое заключено в них самих: переживание случившейся с ними катастрофы, которое этим ролям не соответствует и, замалчиваясь, становится еще более глубоким. Получается, что драматической структуре не на чем держаться: историческое, не имея активизирующего центра, не может продвигаться, встает, любовное также не может разворачиваться, пресекаясь в силу истощенности.

Сюжет бы провис, если бы Мерэ не нашел приема его оживления: он вводит вымышленный эпизод (которого нет у его предшественников) свидания Антония с его римской женой Октавией, которая втайне от своего брата приезжает в Александрию, чтобы предложить мужу свое заступничество перед Цезарем. Появление Октавии

позволяет усложнить, динамизировать любовную линию: возникает напряжение в контрастном противопоставлении (не в противоборстве, поскольку римлянка проникает в царский дворец никем не замеченной и не встречается с Клеопатрой) двух женских фигур. Именно начиная с сообщения Луция о приезде Октавии (второй акт) постепенно, приглушенно начинает проявляться та трагедия, о которой главные герои ни друг с другом, ни с приближенными стараются не говорить: проявленная Клеопатрой слабость, которая может быть приравнена к измене, отступничеству, в битве при Акции. Октавия сразу оказывается выше своей соперницы: после того как она была брошена ради другой, унижена, оскорблена разводом и согласно римским законам изгнана из супружеского дома, Октавия, задавшись целью спасти любимого мужа, пускается в далекое опасное путешествие, принимая вид пленницы, рискуя быть схваченной и даже убитой. Мужество этой женщины питается глубоким чувством к супругу, ее самоотверженности, слепой преданности удивлен даже Антоний, который ожидал от жены совсем другого: «У нее есть все основания нас ненавидеть и желать мести, в которой находит облегчение оскорбленное сердце» [15, с. 32]. В противопоставлении Октавии намечается характеристика Клеопатры: римлянка – добродетельна, египтянка – развратна, первая – бесстрашна, вторая – труслива, любовь Октавии бескорыстна, любовь Клеопатры эгоистична, первая готова пожертвовать собой, вторая в преступной слабости спасает себя. Используя подобный прием построения системы персонажей, Мерэ избегает повторения и традиционного дидактического звучания истории Клеопатры. К тому же появление Октавии заставляет проявиться чувство Антония к Клеопатре: несмотря на то что в беседе с Луцием, а также в монологе, который герой произносит, оставшись один, Антоний высоко оценивает качества своей жены («великодушное сердце», «такая совершенная красота») и даже начинает испытывать угрызения совести и стыдиться своего обращения с ней, он слишком решительно отвергает ее вмешательство, говоря о том, что ее намерение разлучить их с Клеопатрой «смешно и напрасно» [15, с. 35]. Слепая любовь Антония к Клеопатре обнаруживает себя, помимо прочего, и в том, что, поняв, каким опасностям подвергает себя Октавия, пытаясь его спасти, он выражает озабоченность не этим, а тем огорчением, какое испытает Клеопатра, узнав о том, что ее соперница в Александрии.

Именно в сюжетной линии Антоний – Октавия получает развитие любовный дискурс (здесь его инициатором и основным носителем высту-

пает женщина), который блокируется в линии Антоний – Клеопатра. В высказываниях Октавии находит отражение традиционный мотив роковой красоты, который, однако, получает оригинальный поворот: красота может быть не только губительной, но и спасительной. Римлянка и выступает носителем последней: внешняя привлекательность сочетается в ней с добродетелями, выбери Антоний ее – его судьба была бы совсем иной. Октавия противопоставляется Клеопатре по принципу «свое – чужое» (Рим, Тибр – Египет, Нил «щедрый на несчастья»), «порядок – разрушение», «законность – незаконность». Октавия несет Антонию «совершенную любовь», она – «целомудренная женщина» – спасает мужа от «незаконной страсти» [15, с. 37]. В высказываниях Октавии создается образ женской преданности: героиня подробно рассказывает о том, какие страдания претерпела, получив разводное письмо, как скрывала от всех свое горе, боясь навлечь на Антония гнев царственного брата и сограждан. Октавия затрагивает тему, на которую ни Антоний, ни Клеопатра говорить не решаются, – битва при Акции. Октавия задает вопрос, на который в трагедии не дается убедительного ответа, – если Клеопатра действительно любит Антония, почему она бежала с поля сражения: «Как она, бежавшая во время боя при Акции, решается говорить о своем чувстве? Какой стойкостью она хвастается, если ее страшит даже мысль о возможной опасности?» [15, с. 40]. Монологи Октавии служат доказательством того, что «совершенная любовь познается и доказывается» в величайших страданиях. Таким образом, включение в действие Октавии позволяет Мерэ восполнить недостаток любовного дискурса, а также показать связь главных героев под иным углом, нежели это было в трагедиях его предшественников. Кроме того, с Октавией связано усиление исторического: она не разыгрывает роль, но активно действует – предпринимает попытку спасти Антония, надеясь на осуществление и малого (к ней возвратится супруг), и великого (Антоний и Октавиан заключат мир, и завершится гражданская война). В своем действии Октавия претендует на гражданскую роль: она силится отстоять собственное счастье, а вместе с этим (хотя у Мерэ этот аспект приглушен) стремится устроить благополучие Рима. На примере Октавии Мерэ испытывает возможность поворота к должному одновременно как желаемому и необходимому. Октавия могла бы претендовать на то, чтобы выдвинуться в главные героини (именно так будет в трагедиях Корнелия, и у Мерэ уже заметны механизмы этого потенциального укрупнения), однако авторитет, который за ней стоит, – Рим,

сограждане, Цезарь – достаточно неопределенен, ее дискурс почти целиком заполняет идея спасения мужа, отсюда неустойчивость ее позиции: она «вклинилась» в политическую линию, но удержаться в ней не смогла. Это объясняется и сугубо фактическими признаками: Октавия не является значимой политической фигурой, от ее действий почти ничего не зависит, она оказывается заслонена фигурой Цезаря, в руках которого заключена власть и от воли которого зависит все. К тому же включение в действие Октавии никак не влияет на развитие событий: она участвует всего в двух сценах (в первой из них она беседует с Антонием, во второй – с Цезарем) и ни в одной из них не добивается того, о чем просит (данное ей братом обещание сохранить жизнь ее мужу достаточно уклончиво). В конечном итоге Октавия как второстепенный персонаж оказывается вытеснена из сценического действия: Цезарь просит ее уехать, дабы она не стала свидетельницей жестокого противостояния военных сил и разгрома Антония. Таким образом, связанная с Октавией идея, предполагающая связь личного и государственного, исторического, не получает расширения. К тому же еще до появления Октавии на сцене выполняемая ею миссия оказывается дискредитирована: резко критическая реакция Антония на известие о появлении в Александрии Октавии заранее обесценивает ее дискурс, вызывает недоверие к ее усилиям; уже из предваряющих ее приход в царский дворец реплик главного героя становится ясно, что ее действия не будут иметь никакого результата.

В отличие от предшествующих драматических разработок истории Антония и Клеопатры, где все происходящее является следствием сражения при Акции, Мерэ ставит в центр сценического действия (третий акт) бой между силами Антония и Октавиана у стен Александрии, стараясь тем самым оживить интригу, что, однако, ему не удается. Поражение Антония с самого начала прогнозируемо, оно ожидаемо всеми действующими лицами, тем более что с устойчивой периодичностью возникает мотив измены – упоминается о предательстве солдат, которые переходят на сторону Цезаря. Рассказ о сражении у Александрии заметно краток – вложенный в уста жреца Аристия, он укладывается всего в тринадцать строк, в которых сообщается о капитуляции войска Антония. Таким образом, потерпев неудачу в разработке исторического плана, не решив задачи динамизации политических смыслов, Мерэ вынужден признать над собой власть традиционного подхода в раскрытии судьбы главных героев – драматург не сумел уйти от акцентировки любовной связи Антония и Клеопатры,

усложненной произошедшим при Акции. То, что у предшественников Мерэ занимает целую пьесу, у него ограничено двумя актами (четвертым и пятым). Эта «спрессованность» конфликтных отношений главных героев создает иллюзию активизации действия, чему способствует также неожиданное изменение дискурсивного поведения Антония и Клеопатры: в начале третьего акта в произносимом героиней перед служанкой монолог передается сцена прощания царицы с возлюбленным перед сражением с подошедшими к Александрии войсками Октавиана – Клеопатра говорит о «нежных взглядах» Антония, открытых ей объятиях, но уже в конце того же акта жрец Аристий сообщает Клеопатре о том, что вернувшийся с поля сражения Антоний во дворе дворца во всеуслышание проклинает царицу, обвиняя ее в предательстве, указывая на нее как на главную причину поражения при Акции, все это подтверждается появлением самого героя, который в длинной речи не только вспоминает «незабываемый роковой день» [15, с. 60] морского боя, но и подробно характеризует то пагубное влияние, которое оказала на него красота египтянки, и ту слепую страсть, которая привела его – прославленного полководца, покорителя многих земель – к позорному политическому падению, на что Клеопатра отвечает короткой, не слишком уверенной защитительной речью, в которой можно усмотреть скрываемое ею переживание собственной вины. Получается, что, так и не разрешив поставленной задачи – показать исторический разворот сюжета, Мерэ склоняется к повторению того, чего при общем замысле (о чем и свидетельствует первая половина трагедии) старался избежать. Готовясь к смерти, Антоний пускается в обличения порочности Клеопатры и своей слабости перед ее чарами, бесстыдными уловками соблазна. Два заключительных акта кардинально изменяют сам характер сценического действия: вместо марионеточных персонажей – недавних властителей полумира, вынужденных доигрывать свои роли в затянувшемся падении, вдруг появляются люди «без масок», приближающиеся к смерти и в осознании неотвратимости конца их земного пути всецело отдающиеся своему частному существованию, в котором и обретают трагическое величие.

Особого внимания требует пятый акт трагедии «Антоний, или Клеопатра», в котором Мерэ не смог не повторить своих предшественников – тех, кто до него разрабатывал этот известный античный сюжет. Все политическое, ролевое, в котором герои так и не проявили себя и которое не стало прочной основой построения трагедийного действия (как то предполагал драматург), за

ненадобностью отбрасывается, со всей очевидностью проявляется то, что скрывалось, присутствовало лишь подспудно, обнаруживаясь только в редких намеках, – связывающая Антония и Клеопатру взаимная страсть, постигающаяся в ее контрастности как мощная бытийная сила, питающая волю преодоления собственной ограниченности, чем бы она ни была задана – экзистенциальным или социальным, и как проклятие зависимости, препятствующее проявлению всего, что не связано с чувственно-эмоциональной самопорождающейся стихией. У Мерэ обнаружение частного, интимного и выдвигание его на первый план (что отрывает последний акт от всего предшествующего действия как безуспешной, но все же настойчиво предпринимаемой драматургом попытки укоренения персонажей в историческом) связано с ситуацией близости смерти. Герои смиряются с ограниченностью человеческого, для осуществления полноты которого достаточно совсем немного, и в этом смирении возвращают себе все возможные самопроявления, которые, подчеркнем, определяются теперь только их интимным, то есть тем, что есть в них самих (это уже имело место в пьесах до Мерэ и достаточно убедительно, основательно в образно-смысловом отношении представлено у него самого). Пятый акт начинается с обращения Клеопатры к Антонию: «Мой господин, мой супруг, мой единственный император» [15, с. 70]. Во всем предшествующем этой сцене действию ни одно из этих определений Антония Клеопатрой не использовалось. Здесь герой назван всем, кем мог бы быть, – повелителем, супругом, императором, но в подобном контексте это означает не для всех, в государственно-политическом плане, но исключительно для одной «нее», в плане сугубо частного. Такое стягивание себя, присвоение себя только в личностном удовлетворяет умирающего Антония. В своем монологе он возвращается к его политической роли, но лишь для того, чтобы ее обесценить, противопоставив ей еще пульсирующее в нем, желающее, живое «сейчас» (Антоний настаивает на значительности проживаемых им именно в настоящем моментов). Герой снимает все обвинения с Клеопатры, поскольку к этому «личному» – состоянию присутствия в самом себе и достаточности этого всего в его обособленности – ничто иное отношения не имеет. Все, что было в нем от военачальника, римского консула, властителя многих земель, отрицается Антонием как «ошибка», «слабость», «слепота». Последние моменты жизни рядом с Клеопатрой – прекраснее всего, однако, чтобы почувствовать это, нужно иметь запас непротиворечиво героического, чтобы оно было испу-

щением этого человеческого и вместе с этим правом на него (не случайно Антоний вспоминает, что целых двадцать лет был в числе первых людей империи). Это закрепление Антонием в смерти исключительно своего явилось примером для Клеопатры: она твердо решает последовать за возлюбленным («...ваша участь требует от меня и призывает меня быстрее закончить мою жалкую жизнь» [15, с. 72]).

Однако этот скачок в область экзистенциального через страсть-смерть не является у Мерэ трагедийным итогом, как это было, например, у Гарнье, драматург не может отказаться от исторического разворота событий – той проекции публичного, которая была заявлена в дискурсивном поведении персонажей с начала пьесы. Взятый Мерэ за основу принцип разворачивания сюжета нудит возвращение к политическим ролям. Существенного различия природы ролевого в начале и в конце трагедии нет: после смерти Антония Клеопатра погружена в переживание своего, озабочена близостью перехода в небытие и поэтому чужда заданному ей ее царственным положением должному (о котором, кстати, напоминает ей перед смертью Антоний: «...живите, если можете, для вас самой и ваших подданных» [15, с. 81]), однако ситуация противостояния Цезарю, хотя и изначально проигранного, обязывает героиню к определенному публичному поведению. Разница лишь в том, что в начале трагедии эта публичность не имеет столь ярко выраженной искусственности, как в финале: в начале действия героям удастся присвоить себе ролевое, в какой-то степени вжиться в него, так что оно позволяет им вернуться к тому, что предшествовало их падению, тому, об утрате чего они еще не перестают сожалеть. В последних сценах трагедии ролевое подчеркнуто навязано: Клеопатра вынуждена играть себя под жестким давлением Цезаря. В этой игре нет ее собственного желания, это исключительно уступка насилью обстоятельств. Принуждение подчеркнуто в реплике самой Клеопатры: «Нужно притворяться» [15, с. 84]. Эта сказанная «в сторону» фраза предваряет ее разговор с приближенным Августа Прокулем и самим римским императором (третья и четвертая сцены пятого акта) и прямо указывает на то, что в поведении Клеопатры, в ее высказываниях нет ничего правдивого, но только игра. Все, что говорит Клеопатра перед Прокулем и Цезарем, имеет под собой только одну цель: скрыть настоящее намерение – осуществить самоубийство. Получается, что здесь дискурс главной героини лишен относительно «я» всякого бытийного, а в контекстуальном плане всякого смыслового основания. Иначе говоря, значение и

роль довольно развернутых высказываний Клеопатры не выводимы из этих последних, но исключительно исходя из перспективы замысла: Клеопатра и Антоний не могут ничего изменить, от них уже ничего не зависит – катастрофическое падение, превратившее их из активных действующих лиц истории в ее пассивных участников, произошло еще до начала сценического действия, исторические роли им почти уже не принадлежат, то есть, пока они живут, должна быть сохранена их видимость. Замалчивание, сокрытие сугубо личностного (вплоть до четвертого акта) переносит центр тяжести на политическое – по своему характеру фиктивное, это же политическое, чтобы оправдать себя, даже как исключительно формальное, внешнее, должно разворачиваться до самого конца трагедийного действия так, чтобы обеспечить целостность драматической структуры. Это отчетливо видно из сравнения поведения Клеопатры в трагедии Мерз с поведением героинь в трагедиях на этот же сюжет Жоделя и Гарнье: Клеопатра Жоделя лжет, чтобы добиться от Цезаря выгод, Клеопатра Гарнье готовится к смерти, не думая о римском императоре, но о их с Антонием участии, Клеопатра Мерз только притворяется, то есть ничего не выражает своим поведением, но использует возможность под прикрытием маски ускользнуть в смерть. Ролевое, формальное, даже не имея никакого смыслового наполнения, никогда не изменяет героям Мерз. Испробованная Клеопатрой в самом начале трагедии в поведении с Антонием игра (официальный прием полководца) помогает ей и в ситуации встречи с Цезарем (разница – для структурно-композиционного построения несущественная – в том, что в первом случае герои хотят верить в игру, принимать ее всерьез, это призрачность, в которой они не могут, но хотят пребывать, во втором – игра рассчитана только на обман другого, это, так сказать, чистая ложь: Август старается убедить Клеопатру в том, что хочет утешить ее в ее горе, простить ей ее сопротивление, проявить по отношению к ней свою высочайшую милость и великодушно окружить заботой; Клеопатра в свою очередь делает вид, что верит римскому императору и послушно отдается его воле). Итогом этой сцены становится произнесенная Клеопатрой наедине с собой фраза о том, что «притворная лесть» Цезаря «не лишит ясности ее рассудка» [15, с. 82]. Однако для Клеопатры (как и для Августа) ролевое на этой сцене не заканчивается: она стремится к тому, чтобы в смерти сохранить ее царское достоинство. Клеопатра не раскрывает своих чувств, но с поспешностью и вместе с этим очень продуманно действует: отдает приказ принести вазу со

змеями, погружает в нее руку, показывает укус, сопровождая это комментарием о быстроте действия яда, облачается в пышные царские одежды. Таким образом смерть становится зрелищем, это освобожденный от всех страстей, слабостей, сомнений и т. д., исполненный «показного» величия поступок. В этом внешнем, ролевом женское в Клеопатре, на котором настаивали Жодель, Гарнье, Шекспир, оказывается в пьесе Мерз настолько заслонено, скрыто, неясно, что драматург оказывается перед необходимостью все же объяснить, чем в ее глубоко человеческом (а не в царском) движима героиня, и с этой целью прибегает к подсказанному традицией приему – погребальному плачу. Величественное зрелище резко прерывается, сменяясь исповедью Клеопатры, которая оплакивает одновременно мужа и саму себя. Предсмертный монолог Клеопатры может служить доказательством слабости драматического исполнения этого образа: в нем обнаруживается не только непроясненность личного, но и недостаточность, отсутствие убедительной обоснованности ролевого. Ролевое, не имея устойчивого центра, умножается, при этом одна знаково-семантическая форма накладывается на другую. Образ героини «пересечен» разрывом между внутренним, полуосознанным влечением и внешним, явленным всем политическим осуществлением, так что одно другому не соответствует. Последний монолог Клеопатры открывает, что отданный ею служанке приказ сообщить Антонию о ее смерти объясняется не только желанием увидеть его реакцию на это и таким образом проверить его чувство, но возникшим тогда у нее замыслом самоубийства (буквально она говорит о том, что опередила своего мужа в мысли уйти из жизни). Однако для осуществления этого намерения Клеопатре нужен был пример: Антоний, умертвив себя, указал ей путь в небытие, которому она, воспользовавшись ядом змеи, и последовала. В своей речи Клеопатра указывает на несовпадение управляющей ее решающим поступком интимности (ее привязанности к Антонию) и ее публичности. Клеопатра настаивает на любви к Антонию как главной причине ее самоубийства, тогда как, по ее замечанию, народ, который неверно обо всем судит, будет утверждать иное – объяснять ее поступок страхом участвовать в триумфальном шествии Цезаря, следовать пленницей за его колесницей. Монолог Клеопатры отчетливо обозначает несогласованность того, что видно всем, – властной, амбициозной правительницы («...необузданное тщеславие всегда меня ослепляло» [15, с. 97]), какой героиня предпринимала усилия казаться вплоть до развязки, и женщины, переживающей долг любви.

Заключение

Последняя сцена «Антония, или Клеопатры», которую составляет диалог Цезаря с его приближенными, снова закрепляет за Клеопатрой ролевое, от которого в предсмертном монологе она освобождается. Возвращение в разговоре Цезаря и Мецената к образу Октавии служит утверждением того, что на частное существование имеют право те, кто не связан политическим, люди же истории отданы публичности, характер которой слишком противоречив, доказательством чему и является трагедия Мерэ, в которой особенность ролевого как исторического остается невыявленной и драматически не утвержденной (доказательством невозможности объяснения ролевого у Мерэ служит и то, что Август и Меценат в их разговоре вспоминают Софонисбу (по существу, это отсылка к другому драматическому тексту Мерэ), с которой они пытаются сравнить Клеопатру, но не сближение с Софонисбой (как указывает Меценат), ни противопоставление двух женщин (как настаивает Цезарь) совсем не объясняют Клеопатру, напротив, выбивают и без того неустойчивую основу из-под суждения о ней как об оригинальной исторической фигуре).

Единственной неопровержимой очевидностью (на что указывают заключительные фразы Цезаря) является то, что Клеопатра, уйдя из жизни так, как она это сделала, совершила «смелый поступок», «достойный величия царей» [15, с. 102]. В «Антонии, или Клеопатре» драматическое письмо Мерэ оказалось близко к тому, чтобы свести трагическое к предваряющим самоубийство страданиям как отражению печального итога жизни и к самой сцене смерти как мрачного и одновременно величественного зрелища (заключительные слова Цезаря: «...пойдем посмотрим на это трагическое зрелище» [15, с. 102]). «Антоний, или Клеопатра» Мерэ создает впечатление, что трагедия «выдохлась», ее жанровый потенциал исчерпан, что задает необходимость с оглядкой на традиционные сюжетно-композиционные ходы искать новые идейно-структурные опоры, которые в данном случае нащупываются автором с трудом и не получают убедительного воплощения в драматическом действии. Для развития французской классицистической трагедии на исторический сюжет нужен был мощный толчок, каковым станет творчество Корнеля.

Список источников

1. Boullé J. La tragédie au XVI siècle. P.: Librairie Larousse, 1948. 145 p.
2. Buron E., Halévy O. Lecture d'Étienne Jodelle // Presses universitaires de Rennes. 2013. URL: <http://www.pur-editions.fr> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Tournon A. La Renaissance dans les lointains // Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance. 2009. № 69. P. 29–30.
4. Charpentier F. Pour une lecture de la tragédie humaniste. Jodelle, Garnier, Montchrestien. Saint-Étienne: Presses Universitaires de Saint-Étienne, 1979. 78 p.
5. Gras M. Robert Garnier, son art et sa méthode. Genève: Droz, 1965. 160 p.
6. Sakharoff M. Le héros, sa liberté et son efficacité. De Garnier à Rotrou. Paris: Nizet, 1967. 204 p.
7. Delmas Ch. La tragédie de l'âge classique (1553–1770). Paris: Seuil, 1994. 254 p.
8. Forsyth E. La Tragédie française de Jodelle à Corneille (1553–1640). Le thème de la vengeance. Paris: Champion, 1994. 484 p.
9. Louvat B. Pour une autre histoire du théâtre français du XVII-e siècle // Apropos. Perspective auf die Romania. Hamburg University Press. 2018. № 1. P. 109–126. URL: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/apropos/article/view/1255/1135> (дата обращения: 09.03.2024).
10. Lochert V., Vuillermoz M., Zanin E. Tragédie / Tragi-comédie // Le Théâtre au miroir des langues. France, Italie, Espagne. XVI–XVII siècles. Genève: Droz, 2018. P. 63–91.
11. Mazouer Ch. Le Théâtre français de la Renaissance. Paris: Honoré Champion, 2013. 505 p.
12. Lazard M. Tragédie humaniste // Précis de littérature française du XVI siècle. La Renaissance. Paris: PUF, 1991. P. 68–95.
13. Dobby-Poirson Fl. Le Pathétique dans le théâtre de Robert Garnier. Paris: Champion, 2006. 662 p.
14. Dotoli G. Charles Dédéyan, précurseur de la critique sur Jean Mairet: *La Sophonisbe* // Revue de littérature comparée. 2010. № 4. P. 437–444.
15. Mairet J. Marc Antoine, ou la Cléopâtre. Paris, Hachette – Bnf, 2012. 109 p.

Referanes

1. Boullé J. La tragédie au XVI siècle. Paris, Librairie Larousse, 1948. 145 p.
2. Buron E., Halévy O. *Lecture d'Étienne Jodelle*. Presses universitaires de Rennes, 2013. URL: <http://www.pur-editions.fr> (accessed 10 November 2023).
3. Tournon A. *La Renaissance dans les lointains*. Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance, 2009, no. 69, pp. 29–30.
4. Charpentier F. *Pour une lecture de la tragédie humaniste. Jodelle, Garnier, Montchrestien*. Saint-Étienne, Presses Universitaires de Saint-Étienne, 1979. 78 p.
5. Gras M. *Robert Garnier, son art et sa méthode*. Genève, Droz, 1965. 160 p.
6. Sakharoff M. *Le héros, sa liberté et son efficacité. De Garnier à Rotrou*. Paris, Nizet, 1967. 204 p.
7. Delmas Ch. *La tragédie de l'âge classique (1553–1770)*. Paris, Seuil, 1994. 254 p.
8. Forsyth E. *La Tragédie française de Jodelle à Corneille (1553–1640). Le thème de la vengeance*. Paris, Champion, 1994. 484 p.
9. Louvat B. *Pour une autre histoire du théâtre français du XVII-e siècle*. Apropos. Perspective auf die Romania. Hamburg University Press, 2018, no. 1, pp. 109–126. URL: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/apropos/article/view/1255/1135> (accessed 9 March 2024).
10. Lochert V., Vuillermoz M., Zanin E. Tragédie / Tragi-comédie. Le Théâtre au miroir des langues. France, Italie, Espagne. XVI–XVII siècles. Genève: Droz, 2018. P. 63–91.
11. Mazouer Ch. *Le Théâtre français de la Renaissance*. Paris, Honoré Champion, 2013. 505 p.
12. Lazard M. *Tragédie humaniste*. Précis de littérature française du XVI siècle. La Renaissance. Paris, PUF, 1991. P. 68–95.
13. Dobby-Poirson Fl. *Le Pathétique dans le théâtre de Robert Garnier*. Paris, Champion, 2006. 662 p.
14. Dotoli G. Charles Dédéyan, précurseur de la critique sur Jean Mairet: “La Sophonisbe”. *Revue de littérature comparée*, 2010, no. 4, pp. 437–444.
15. Mairet J. *Marc Antoine, ou la Cléopâtre*. Paris, Hachette-Bnf, 2012. 109 p.

Информация об авторе

Симонова Лариса Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Библиотека-читальня им. А. С. Пушкина (ул. Спартаковская, 9, Москва, Россия, 105066). ORCID: 0000-0001-7019-0215. SPIN: 1540-6320. E-mail: mouette37@yandex.ru

Information about the author

Simonova L. A., Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Library named after A. S. Pushkin (ul. Spartakovskaya, 9, Moscow, Russian Federation, 105066). ORCID: 0000-0001-7019-0215. SPIN: 1540-6320. E-mail: mouette37@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 12.11.2023; accepted for publication 23.03.2024

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 378.662:005.745:81'1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-152-155>

IV Международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования»

Юрий Викторович Кобенко

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, serpentis@list.ru*

Аннотация

IV Международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» проводилась 15–17 ноября 2023 г. на базе отделения иностранных языков Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск) и была посвящена памяти кандидата педагогических наук, доцента Николая Александровича Качалова. Традиционно ее направлениями выступали: актуальные векторы исследований и подходы в современной лингвистике; профессия переводчика: вызовы современности и опыт преподавания перевода; лингводидактические, психолого-педагогические и культурологические аспекты подготовки инженеров будущего; взаимосвязи языка и культуры: общество, литература, перевод и традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам. Партнерами мероприятия являются Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный экономический университет и Новосибирский государственный технический университет. В рамках конференции организована работа пяти секций и четырех круглых столов, посвященных преподаванию элективных дисциплин как инструмента гуманитаризации инженерного образования, изучению китайского языка, использованию различных дидактических инструментариев для планирования учебных дисциплин, а также социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах. Пленарные доклады были посвящены оценке качества и проблемам поиска критериев письменного перевода, профессионально значимым компетенциям письменной коммуникации сотрудников инженерного университета на примере программ «Переводческие решения для научно-технической документации» и «Наука для общества», а также вопросам комбинаторной лингвистики. В работе первого направления конференции «Творческое наследие Николая Александровича Качалова» приняли участие с докладами члены семьи, коллеги, соратники и ученики. В своем докладе Ольга Ивановна Качалова осветила наиболее существенные вехи его личностного и профессионального становления, а Вероника Михайловна Ростовцева отметила вклад Николая Александровича в развитие образования и науки не только города Томска, но и целого сибирского региона. Данный вклад обусловлен организационно-педагогическими и научно-методическими аспектами деятельности его как исследователя, руководителя и «институционалиста».

Ключевые слова: международная конференция, лингвистика, культурология, инженерное образование, Н. А. Качалов, Томский политехнический университет

Для цитирования: Кобенко Ю. В. IV Международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 152–000. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-152-000>

SCIENTIFIC REPORTS

IV International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering Education”

Yuri V. Kobenko

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, serpentis@list.ru

Abstract

The IV International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering Education” was held on November 15–17, 2023 at the Department of Foreign Languages of the School of Social Sciences on the premises of National Research Tomsk Polytechnic University (the city of Tomsk). The Conference was dedicated to the memory of Nikolai A. Kachalov, PhD in Pedagogy, Associate Professor. Traditionally, its directions were: current research vectors and approaches in modern linguistics; the profession of translator: challenges of our time and experience in teaching translation; linguodidactic, psychological, pedagogical and cultural aspects of training engineers of the future; the relationship between language and culture: society, literature, translation and traditions and innovations in methods of teaching foreign languages. The partners of the event are the Belarusian National Technical University, the Belarusian State Economic University and the Novosibirsk State Technical University. The Conference work was conducted in 5 round tables and 4 seminars dedicated to teaching electives for developing generic skills within engineering training, Chinese language studies, design and implementation of dedicated didactic tools in blended learning, and sociocultural adaptation of international students in Russian universities. Plenary reports were devoted to assessing the quality and consideration of criteria for written translation, writing competencies in engineering training: “Translation solutions for scientific and technical documentation”, “Science for society”, “Current state of combinatorial linguistics”. The main panel of the conference “Nikolai Kachalov: Creative Legacy” was held with the participation of members of the family of N. A. Kachalov, his colleagues and graduate students. In her report, Olga I. Kachalova highlighted the most significant milestones of Nikolai A. Kachalov personal and professional development. Veronika M. Rostovtseva, candidate of pedagogical sciences, associate professor spoke about the investments of Nikolai Aleksandrovich Kachalov in the development of education and science not only in the city of Tomsk, but also in the entire Siberian region. This contribution is due to the organizational, pedagogical and scientific-methodological aspects of the activities of N. A. Kachalov as an individual, researcher, leader and “institutionalist” – an innovator of university management in teaching and learning foreign languages.

Keywords: *international conference, linguistics, cultural studies, engineering education, Nikolai A. Kachalov, Tomsk Polytechnic University*

For citation: Kobenko Yu. V. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Lingvisticheskiye i kul'turologicheskiye aspekty sovremennogo inzhenernogo obrazovaniya” [IV International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering Education”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 152–155 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-152-155>

15–17 ноября 2023 г. на базе отделения иностранных языков Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета была проведена IV Международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования», посвященная памяти выдающегося педагога-новатора, ученого, руководителя, наставника, кандидата педагогических наук, доцента Николая Александровича Качалова, посветившего свою жизнь преподаванию иностранных языков и оставившего неизгладимый след в сердцах и памяти многих современных исследователей и преподавателей высшей школы. Его творческому

наследию было посвящено первое и главное направление работы конференции в 2023 г., которая впервые проводилась в очном формате.

Традиционно мероприятие работает по ряду направлений, образующих ее отраслевую специфику: 1) актуальные векторы исследований и подходы в современной лингвистике; 2) профессия переводчика: вызовы современности и опыт преподавания перевода; 3) лингводидактические, психолого-педагогические и культурологические аспекты подготовки инженеров будущего; 4) взаимосвязи языка и культуры: общество, литература, перевод и 5) традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам. Методическое направление ежегодно собирает наибольшую

аудиторию участников и с 2023 г. будет носить имя Николая Александровича Качалова.

Конференция позиционирует себя как научная платформа, позволяющая получать новое знание путем синтеза междисциплинарных исследований в предложенной тематике. Благодаря указанной особенности данное мероприятие уже четвертый год объединяет ученых и исследователей самых различных областей знаний и научных специальностей, работающих в сфере инженерного образования. Как сложившееся ученое сообщество участники конференции ежегодно дают ответы на следующие вопросы: каким должен быть гуманитарный компонент инженерного образования? какими личностными и профессиональными качествами должен обладать инженер, творец будущего? каковы его мировоззренческие ценности и установки?

В 2023 г. в работе конференции приняли участие более 150 начинающих и состоявшихся исследователей из многих городов России и ближнего зарубежья: Мариуполя, Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Нижнего Новгорода, Старого Оскола, Екатеринбурга, Череповца, Ульяновска, Барнаула, Новокузнецка, Новосибирска, Красноярска и других городов.

Как и в прошлые годы, весомый вклад и активное содействие в организации конференции внесли вузы-партнеры, с которыми организаторов объединяет успешный многолетний опыт в сфере лингвистического и инженерного образования: Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный экономический университет и региональный партнер мероприятия Новосибирский государственный технический университет. В 2023 г. конференция проводилась при очном участии делегатов из Новосибирского государственного технического университета, среди которых профессор кафедры иностранных языков гуманитарного факультета доктор филологических наук Марина Витальевна Влавацкая и заместитель декана гуманитарного факультета по научной работе доктор филологических наук Сергей Владимирович Гречин.

В своем приветственном слове Сергей Владимирович подчеркивал значимость регионального сотрудничества в вопросах лингвистической и культурологической составляющих современного инженерного образования и обозначил его наиболее существенные аспекты. Руководитель отделения иностранных языков Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета доцент, кандидат философских наук Ольга Владимировна Солодовникова выразила надежду на

консолидацию усилий партнеров научного мероприятия для создания устойчивой международной платформы интеграции языкового и инженерного образования и пожелала участникам конференции успешной научной коммуникации.

Тематика пленарных докладов варьировала в диапазоне от задач прикладной лингвистики и переводоведения до проблем профессиональной подготовки сотрудников инженерного университета. Доклад «Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов и критериев» доцента, заведующего кафедрой перевода и переводоведения Томского государственного педагогического университета кандидата филологических наук Натальи Владимировны Поляковой был посвящен подходам к определению степени соответствия текста перевода тексту оригинала, предлагаемым современными теоретиками перевода в соответствии с действующими международными стандартами. Доцент отделения иностранных языков Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета кандидат педагогических наук Инга Валерьевна Слесаренко выделила профессионально значимые компетенции письменной коммуникации для работников технического университета на примере программ «Переводческие решения для научно-технической документации» и «Наука для общества». В пленарном докладе «Комбинаторная паремиология: репрезентация женской идентичности в новых поговорках русского и английского языков» профессор Марина Витальевна Влавацкая представила ряд пародийных трансформаций паремиологических единиц на обширном эмпирическом материале.

Мероприятие «Творческое наследие Николая Александровича Качалова» собрало участников из нескольких городов России и зарубежья. Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории качества научно-педагогических исследований Томского государственного педагогического университета Ольга Ивановна Качалова осветила наиболее существенные вехи личностного и профессионального становления Николая Александровича Качалова. В выступлении кандидата педагогических наук, доцента отделения иностранных языков Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета Вероники Михайловны Ростовцевой отмечался вклад Николая Александровича в развитие образования и науки не только города Томска, но и целого Сибирского региона. Данный вклад обусловлен организационно-педагогическими и научно-методическими

асpekтами деятельности Николая Александровича Качалова как исследователя, руководителя и «институционалиста», стоявшего в основании несколько кафедр и двух институтов иностранных языков в городе Томске. Помимо этого, были представлены доклады его учеников, пошедших по стопам своего научного руководителя и ставших востребованными профессионалами в области педагогики и методики преподавания иностранных языков.

В рамках мероприятия работали пять секций по указанным выше научным направлениям и четыре круглых стола, посвященных преподава-

нию элективных дисциплин как инструмента гуманитаризации инженерного образования, изучению китайского языка, использованию различных дидактических инструментариев для планирования учебных дисциплин и педагогического дизайна занятий, а также социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах. Дипломантами конференции стали аспиранты и молодые ученые, выполняющие исследования по тематике научных направлений мероприятия, по итогам проведения которого опубликованы сборники научных трудов и тезисов конференции.

Информация об авторе

Кобенко Ю. В., доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

E-mail: serpentis@list.ru

Information about the author

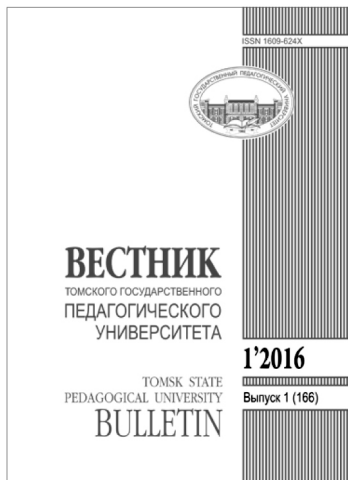
Kobenko Yu. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: serpentis@list.ru

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 25.12.2023; accepted for publication 23.03.2024

НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Вестник Томского государственного педагогического университета. Tomsk State Pedagogical University Bulletin» – рецензируемый научный журнал, основан в 1997 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базы данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, ERIHPLUS, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://vestnik.tspu.edu>

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

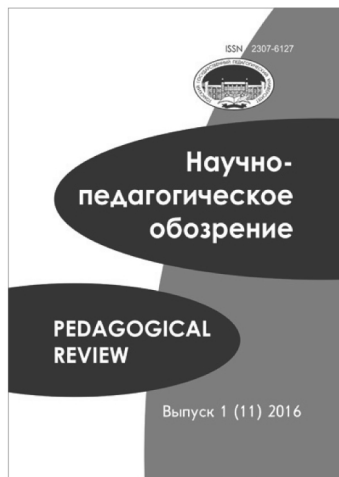
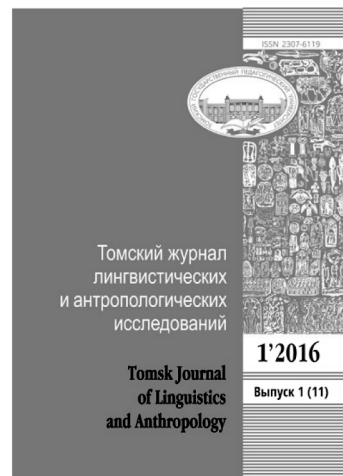
«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 4 раза в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Издание включено в индекс научного цитирования Web of Science ESCI с 10.09.2017 г., включено в RSCI на базе Web of Science.

Также журнал состоит в базах данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, ERIHPLUS, EBSCO, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://ling.tspu.edu.ru>

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

«Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базу данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://npo.tspu.edu.ru>

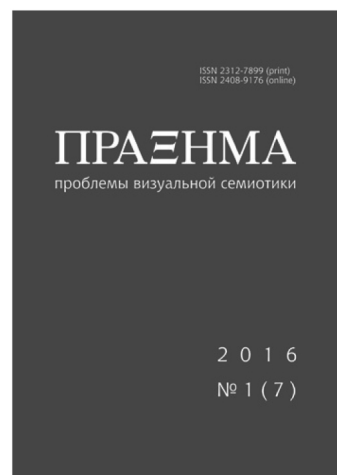
E-mail: npo@tspu.edu.ru

Научный журнал «Праксема. Проблемы визуальной семиотики» основан в 2014 г., выпускается 4 раза в год. Включен в базы данных ULRICHSWEB, SJR, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2018 года журнал включён в базу индексируемых периодических изданий Scopus.

Электронная версия: <http://praxema.tspu.edu.ru>

E-mail: inir@tspu.edu.ru

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

